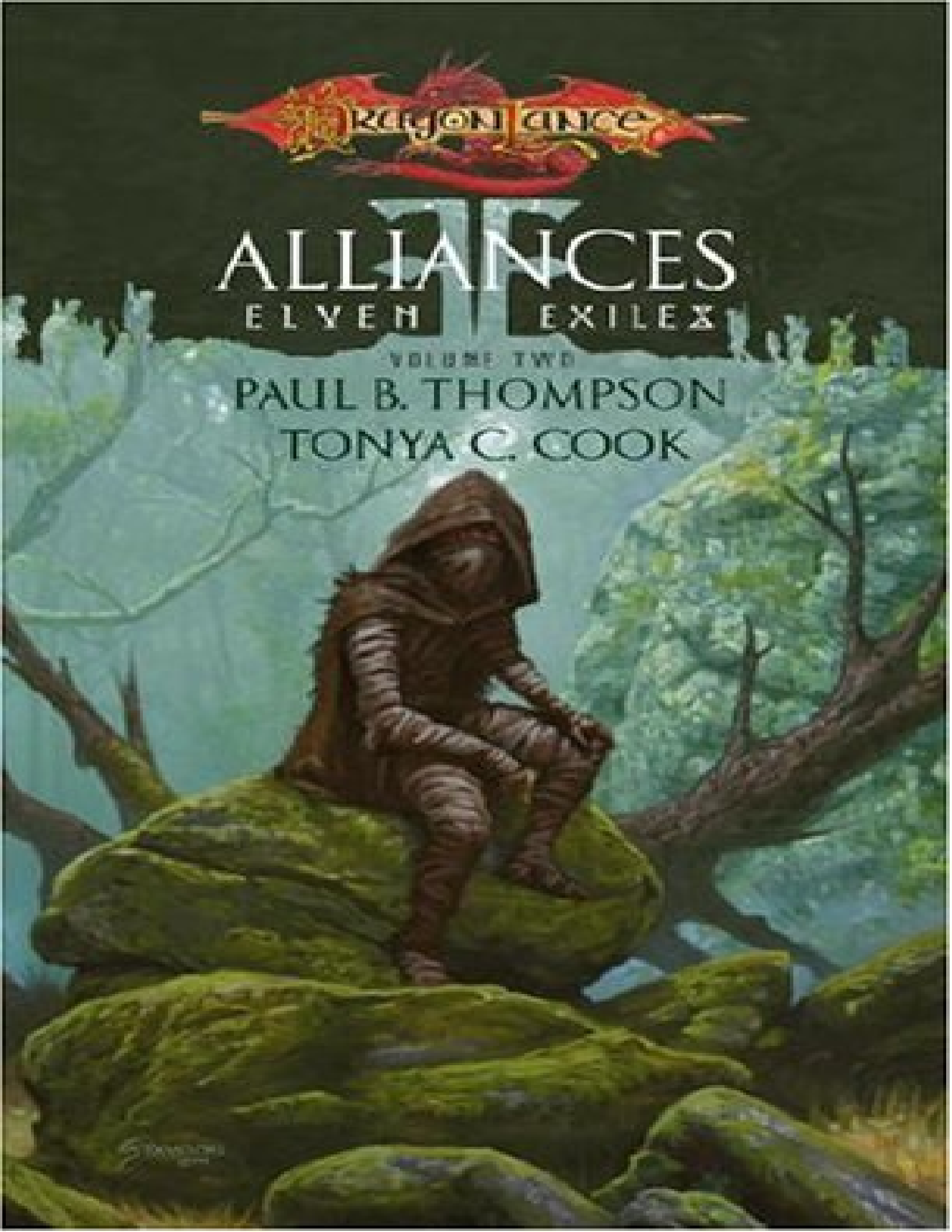
DRAGONLANCE
ALLIANCES
ELVEN EXILES
VOLUME TWO
PAUL B. THOMPSON
TONYA C. COOK

Annotation

Пока эльфийские изгнанники борются за выживание в далеком королевстве Кхур, остающиеся в Квалинести эльфы сталкиваются с гонениями, порабощением и истреблением. Среди огромных страданий и безграничного зла появляется предводитель восстания — в маске, безымянный, обладающий странной властью — полный решимости очистить эту землю от захватчиков.

В это время Кериансерай, Львица, кагонестийский генерал и жена Беседующего Гилтаса, волшебным образом переносится от неминуемой смерти в Кхуре в не менее отчаянное положение на свою бывшую родину. Пока Гилтас ведет эльфов сквозь непроторенную пустыню в поисках нового дома, Львица сражается с беспощадными работорговцами и пересекается с таинственным квалинестийским революционером в маске.

Пол Томпсон и Тоня Кук
АЛЬЯНСЫ

ПОСВЯЩЕНИЕ
Чело твое
— как ясная заря,
И знаю: гордый дух твой не согбен.
Все — даже ветра шелестящий лет –
Нашептывает о тебе. Живи!
Сама земля и сам небесный свод –
Великие союзники твои.

Уильям Вордсворт, «Туссену Лувертюру»

Квалинести лежит, покоренный армиями короля бандитов, лорда Самувала. Мучительное проклятье огромной драконицы Берил отравляет сердце этой земли. Вытащенная из одного отчаянного положения, Львица сперва оказывается в Квалинести, затем в руках жестоких работорговцев, где она собственнолично сполна ощущает угнетение ее родины.

Неведомая ей, еще одна потерянная душа пришла в Квалинести. Вдохновленная невероятным наставником, эта таинственная фигура ведет горстку кагонестийцев против многотысячной армии бандитов. Суеверные враги — и союзники — зовут его Пугалом. Когда Львица повстречает его, ей он будет известен под другим именем.

Вдали, изгнанники эльфы пытаются покинуть Кхур и добраться до тайной долины Инас-Вакенти. Кочевники, одержимые жаждой мести, не позволят им мирно уйти. Адала, вождь Вейя-Лу, ведет свой народ с единственной целью в голове — полностью истребить в Кхуре эльфов. У противостоящего ей Беседующего Гилтаса есть лишь гордость и обещание привести своих нерешительных подданных по этой неотмеченной тропе к безопасности. Вопрос в том, что закончится первым, жизнь Беседующего или этот поход в Инас-Вакенти.

Восстание в Квалинести тлеет, затем вспыхивает. Пали города, пали армии, и неуловимые эльфы продвигаются по разгневанной стране, раздувая пламя революции. Забытая королева, верный разведчик, и страдающий от безнадежной любви солдат тянут свой жребий с Львицей и ее таинственным предводителем. Но последуют ли они за Пугалом в саму обитель смерти?

Тени

Тени собрались вокруг. Никакой свет не способен разогнать их.

Кериансерай, ищущая смерти, в мгновение ока исчезла. Так же как исчезло и эльфийское хрупкое перемирие, словно вылитая на горячие каменные улицы Кхури-Хана вода. Гилтас Следопыт, Беседующий с Солнцем и Звездами, пытался поддерживать мир как можно дольше, но тот выскользнул из его рук. Его жена исчезла, согласие было потеряно, все мысли Беседующего были лишь о спасении его народа. Так что он погнался за тенью, зовущейся Инас-Вакенти.

Адала Фахим, вождь кочевого кхурского племени Вейя-Лу, жаждала мщения. Возлюбленные сыновья и дочери ее племени были убиты тенью, которую она видела в виде эльфов. Столь велик был ее гнев, что он зажил своей жизнью, получил свое собственное имя — *маита,* судьба — и завоевал верность многочисленных племен.

Принц Шоббат планировал смещение своего отца, Сахим-Хана, на троне Кхура. Он заключил пакты с колдунами и фанатиками, а также совершил путешествие вглубь пустыни, что увидеть тени будущего. Оракул Дерева дал ему мимолетное видение того, чего он жаждал, и оно превзошло все его ожидания. Тени вошли в его душу. На плодородной почве вероломного разума принца тени росли и множились, пока свет рассудка практически не погас.

Сам по себе искусный интриган, Сахим-Хан подчинял своей воле различные стихии своего королевства, чтобы сберечь своих несчастных гостей, эльфов. Сахим мечтал о великих днях для Кхура, о триумфах на полях сражений, в зале заседания совета и в пульсирующих сууках, где продавались всевозможные товары и услуги. Семенами для этих грез были сокровища, что хан получил от Беседующего. Когда со многих сторон собрались тени, чтобы подвергнуть опасности продолжение поставок этих сокровищ, Сахим не побоялся гнева врагов эльфов, чтобы обезопасить их уход из его города. Так становятся героями, даже героями с самыми черными сердцами и низменными мотивами.

На другом конце мира собрались другие тени. Скорбящая королева не откажется от поисков своего пропавшего короля. Честолюбивое дитя стремилось превзойти славу ее кровавого отца. Преданный воин искал потерянную супругу Беседующего. Несравненный охотник за головами выслеживал затаившегося преступника. И запутавшийся в призрачных просторах Безмолвного Дола ученый сходил с ума, пытаясь разгадать оставленную богами тайну.

Самую длинную и темную из всех этих теней отбрасывало существо без лица, без имени, поставленное у самого порога смерти. Обреченный на жизнь, которой не желал, он должен выбирать между забвением и благословенной безвестностью или славой и бесконечным ужасом разоблачения.

И, наконец, еще один покинул дом, чтобы встретить свою судьбу. Старше деревьев, он шел по следам богов, стараясь распутать оставленные ими пять тысяч лет назад тени. Он планировал, что никто и ничто не станет на его пути. Королевства и нации, жизни тысяч были ничто по сравнению с его конечной целью: самим бессмертием.

Солнце взошло. Остаться могли лишь самые глубокие тени.

1

Ни единое дуновение бриза не шелохнуло деревья. Плотный полог листвы, иссушенной летним зноем, пока она не стала ломкой, как стекло, создавал внизу вечный полумрак. Присутствие солнца, пусть и не наблюдаемого, все равно ощущалось. Воздух в лесу был душным, жарким и неподвижным, как в гробнице. Птицы не пели, и ни что не двигалось, что могло не двигаться.

Сквозь подлесок была проторена тропа, не шире лошадиного крупа. Она вилась по холмам и лощинам, не следуя явной траектории. На необычно прямом участке тропа пролегала вдоль подножья холма между парой очень высоких ясеней. Холм был покрыт уступами разбитого сланца, спускавшегося вниз террасами, точно обветшалая лестница, чтобы, наконец, обратиться в пыль узкой тропы.

Последнюю из сланцевых ступеней кто-то занимал. Облаченный, несмотря на жару, в монашескую рясу, он сидел, положив спрятанные в просторные рукава рясы руки на колени. Голову полностью закрывал потрепанный тканевый мешок, свободно завязанный вокруг шеи. Для глаз были прорезаны отверстия. Прорехи и порезы, все аккуратно заштопанные или с наложенными заплатками и слишком многочисленные, чтобы их сосчитать, усеивали полинялую коричневую поверхность рясы.

Он очень долгое время сидел здесь, неподвижный и безмолвный. Где его ряса касалась земли, она прилипла, покрытая перегноем из листьев. Некоторые из проходивших принимали его за пугало. Другие видели тонкие как прутья конечности, шишковатую форму его суставов и решали, что это, должно быть, труп. Один или двое, думая облегчить мертвецу кошелек, приближались. Они видели его глаза.

Пристально глядящие из мешка глаза не были мертвыми, но и не принадлежали разумному или миролюбивому существу. Белки были блестящими и влажными, будто от слез, но уголки глаз были сухими как пыль. В них располагались жесткие как драгоценные камни зрачки. Когда глаза мигали, их веки оказывались крапчато-красными, совсем лишенными ресниц.

Увидев эти глаза, потенциальный падальщик бежал, призывая на защиту давно позабытых им богов. Пошел слух, что на этой пустынной древней тропе обитает призрак. Говорили, что дух убитого жреца несет стражу на сланцевой лестнице, человек, обреченный никогда не отдыхать за неизвестное преступление. Тропа никогда не была особо популярной. Она вела ниоткуда и в никуда.

Тот, кого они боялись, уже не помнил, сколько дней он сидел тут, окутанный тишиной, которую лишь невежа мог принять за безмятежность. Ни человек, ни призрак, он был эльфом. Молчаливый и неподвижный, каким он представал миру, его разум кипел вихрем воспоминаний о приведшем его сюда путешествии.

* * *

Было ли это больно, быть заживо сожженным, ощущать, как пламя охватывает одежду, кожу, волосы, плоть? Иногда он не мог вспомнить. Сожжение вспоминалось по-разному, иногда столь же недавним и ярким, как сны, от которых он просыпался с криком и не мог

больше спать, в другой раз отдаленным, чем-то, произошедшим с кем-то другим.

Целую вечность ему ведома была лишь боль, на пару с отчаянным желанием жить. Он выкарабкался оттуда, куда упал, сперва лишь с помощью кончиков четырех пальцев руки и нескольких пальцев ноги. Прошло три заката, прежде чем он поднялся на десять метров. Каждая песчинка, каждый обрывок листка, которые он преодолевал, были ножом, кромсающим его негодующую плоть. Он продолжал двигаться, пока не упал в неглубокий спокойный ручеек. Здесь он заново родился. Прохладная вода умерила яростный огонь в его теле и остудила — но не потушила — жар в его рассудке.

Невероятным усилием он поднялся из ручья, чтобы отправиться на восток. На востоке лежал дом, а ему нужно было домой. Там он найдет помощь. Там огонь, наконец, погаснет.

Он выбрался из потока, словно новорожденная саламандра, и повернулся в сторону восходящего солнца. Живя в лесу как животное, он ел все, что мог найти, что не могло достаточно быстро отползти. Так как его поврежденное тело не могло выносить легчайшего прикосновения одежды, он шел нагим, облаченный лишь в грязь и опавшие листья, или дождь и воздух.

Все, что существовало, это лишь путешествие на восток. Он достаточно окреп, чтобы идти, но в его разуме обрел очертания новый страх: что кто-то мог увидеть его в таком виде — обезображенным, изуродованным, уничтоженным. Сама эта мысль вызывала такой сильный стыд, что он едва мог дышать. Никто не должен видеть его, ни друг, ни враг, ни посторонний. Он старался держаться подальше от поселений и путешественников, но его органы чувств, разрушенные огнем, не служили ему уже так, как раньше, и вскоре он узнал, что такое настоящий стыд.

Однажды утром он крал морковку из огорода, когда его обнаружила собака. Она кружилась, глухо рыча. Он прежде никогда не боялся собак, но медлительный и искалеченный, каким он стал, при виде дворняжки он испытал ужас. Когда она слишком приблизилась, он швырнул ей в глаза землей. Она отряхнула песок и залаяла.

Ниже от огорода по склону холма располагался дом, крепкое строение из камня и соломы. Из его трубы спиралью поднимался легкий дымок. Когда собака залаяла, он услышал, как с грохотом отворилась дверь дома и юный голос позвал: «Волчок! Волчок, где ты?!»

Он попятился на руках и коленях, держась лицом к собаке. Та не отставала, опустив голову и прижав уши, и не прекращая лаять. Его пальцы нащупали камень под поверхностью распаханной земли. Он вытащил его из почвы и швырнул в собаку. Это усилие заставило запеть от боли мышцы его руки и плеча, но камень попал собаке в лоб. Визжа, та понеслась вниз по склону холма к дому.

Пошатываясь, он встал, с полу-съеденной морковкой в зубах, и направился в сторону ближайших зарослей сахарного тростника, пробираясь сквозь стену зелени. Острые как бритва листья порезали его поврежденную кожу в дюжине мест, раны пылали огнем. Рухнув под прикрытие высокого тростника, он едва сдерживал рыдания.

Быстрые шаги сообщили о прибытии хозяина Волчка. Он мельком заметил копну песочных волос, домотканую тунику и смуглые голые ноги. Он двумя пальцами немного раздвинул тростник.

«Здесь кто-то есть? Волчок, что это было?»

Юноша был эльфом с острым подбородком, узким носом и приподнятыми ушами чистокровного квалинестийца. Мальчик был красивым юношей и, несмотря на

выработанную за несчетное число недель с сожжения осторожность, он заговорил.

«Прошу прощения за кражу. Я был голоден».

На самом деле, это были те слова, которые он собирался произнести. Все, что прозвучало, это лишь серия громких сухих хриплых звуков.

Молодой эльф услышал. Позвав Волчка, он стукнул посохом, проделывая брешь в тростнике и открывая прижавшегося внутри к земле нарушителя. Потрясение и страх исказили его прекрасные черты лица.

«Гоблин!» — закричал он. — «Назад! Волчок, на помощь!»

Он попытался переубедить мальчика, но его спаленное горло не могло сформировать слова, лишь невнятное бормотание. Он протянул руку, намереваясь показать мальчику, что не желает причинить вреда, но молодой эльф отпрянул, крича, и споткнулся о борозду. Волчок ринулся вперед и вонзил клыки в вытянутую руку.

Неописуемое страдание пронзило его, поровну от боли и ярости. Он дернул руку, подтягивая собаку ближе, и схватил ее за горло. Он бы задушил животное, если бы мальчик не принялся наносить удары посохом ему по плечам.

Новая боль охватила его тело. Он отшвырнул в сторону собаку и, пошатываясь, направился прочь, глубже в заросли острых как ножницы стеблей тростника. Эльфийский мальчик побежал вниз по склону холма, зовя на помощь.

Глубоко раненый телом и душой, он бежал в дремучие леса, решив больше никогда не показывать лица миру. В последующие дни на него охотился его собственный вид, изводили мухи и комары, загоняли на деревья блуждающие пантеры. Там, где его кусали насекомые, вскакивали нарывы. Он закрывал раны грязью и продолжал идти. Страстное желание попасть домой ушло, уничтоженное реакцией эльфийского мальчика и беглым взглядом на свое собственное отражение в луже. Глядевшее на него из лужи чудовище было таким жутким, что он отшатнулся. Его реакция была инстинктивной, для него это был кошмар, из которого не было пробуждения.

Наконец, настал день, когда он больше не мог игнорировать голод. Ягод, жуков и улиток было недостаточно. Его заживавшее тело требовало больше. Однажды в глухом лесу, вдали от любого жилья, он почувствовал густой аромат испеченного хлеба. Словно безвольный алкоголик, впервые за месяц почуявший вино, он пошел на дразнящий запах, не опасаясь быть обнаруженным.

Аромат вывел его на поляну. Он спрятался за толстым вязом и принялся изучать обстановку. В центре поляны располагалась грубая хижина, построенная из необработанных стволов деревьев — людское жилье. Они таким образом строили убежища из недавно умерщвленных деревьев. Кроме того, огонь не полностью лишил его чувств; он почувствовал запах людей прежде, чем увидел их.

Было видно троих бородатых мужчин. Если бы их бороды не отличались цветом, он сомневался, что смог бы различать их. Судя по прислоненному к избушке ряду топоров, эти трое были лесниками. Коптящее пламя билось в кольце из очищенных камней. Рыжебородый человек присматривал у костра за железным противнем. Запах хлеба шел от этого противня. Однако, вид этих людей вызвал кое-что еще, кроме скручивавшего живот чувства голода: ненависть. Эти трое были захватчиками в его лесу.

«Кто здесь?»

Неосознанно, он дал себя заметить рыжебородому человеку. Он двинулся, припадая к земле, в густые заросли столь быстро, как только позволяли съеденные огнем мышцы и

покрытая рубцами кожа. Его гротескная фигура едва успела спрятаться, когда подошли остальные двое.

«В чем дело?» — спросил тот, что слева, с желтой бородой и моложе других.

«Я что-то видел», — ответил Рыжебородый, поднимаясь от костра.

«Человека или зверя?» — спросил Чернобородый.

«Возможно, ни то, ни другое».

Чернобородый фыркнул: «Что, опять? Гэфф, тебе за каждым деревом мерещатся эльфы. Я сказал тебе, единственные эльфы на сорок миль вокруг находятся в загоне для рабов у Олина».

«Ты не знаешь этого точно. Я слышал, кучка диковатых напала на лагерь Аймара всего лишь две ночи назад».

Желтобородый согласился: «Он прав. Мы не знаем, что там может быть». Он вернулся к костру: «Я был бы рад закончить работу и убраться отсюда».

«Не я», — сказал Чернобородый. — «Я давно не видал так много девственного строевого леса. Вокруг нас целое состояние…»

«Три состояния», — остроумно встрял Желтобородый. — «Но нам нужно выжить, чтобы насладиться им!»

Двое людей убедили своего чернобородого товарища оставить лагерь. Закат был уже близко, и им было бы безопаснее в лесозаготовительной конторе, где были солдаты.

Трое положили топоры на плечи и ушли. Он не потрудился проследить за их неторопливым продвижением по лесу. Он вышел из убежища и, припадая к земле, крадучись двинулся вперед, слегка касаясь пальцами покрытой листьями почвы. Под глубоко въевшейся грязью каждая рука представляла собой сгусток фиброзных ран, с черными и твердыми, как когти, ногтями; он все еще не мог сжать их в кулак.

Люди бросили хлеб в золу, забрав с собой противень. Хлеб был недопеченный, черный от сажи, но он никогда в своей жизни не пробовал ничего столь восхитительного. Он прикончил каждый покрытый пеплом кусочек.

В хижине он нашел недоеденную дичь и два засохших яблока. Обглодав птичьи кости и съев целиком яблоки, он поискал одежду. Куча тряпья в углу оказалась рясой. Она была тяжелой, сделанной из грубой коричневой ткани и обтрепанной по краям, но он быстро натянул ее. Сшитая для человека, она легко укрыла его более хрупкую фигуру от шеи до пят. Он подвернул свисавшие края, чтобы мог идти, не спотыкаясь, и крепко затянул кушак. Широкий капюшон одеяния был даром богов, но он добавил к своей маскировке старый мешок из-под муки. С двумя рваными отверстиями, чтобы он мог видеть сквозь него, мешок стал прекрасной маской.

Несмотря на усталость, он быстро покинул поляну. Дровосеки могли вернуться, могли привести солдат.

Он шел вдоль неширокого ручья, пока вода внезапно не исчезла. Еще несколько метров, и он вышел к краю оврага. Спускаясь, он обнаружил пещеру, где-то четырех метров в глубину и двух с половиной в высоту. Вода стекала с потолка, образовывала на полу лужу и вытекала через отверстие, продолжая свой путь.

Сердце заколотилось, он свернулся в самом темном уголке пещеры. Кустарная маска наполняла его голову сухим ароматом старой муки. Это, а так же непривычная тяжесть еды, которую он так быстро поглотил, заставили его желудок взбунтоваться. Он подполз к краю небольшой пещеры, и его начало рвать.

Когда его желудок опустел, и тяжесть пропала, он уполз к другому краю пещеры и лег на спину, уставившись в темноту.

* * *

Птицы облепили на него, не опасаясь, что садятся на живое существо. Отряды лесных муравьев, черных, как полированный гагат, маршировали через двойные холмы его ступней. А он по-прежнему не шевелился, лишь вспоминал.

* * *

Голод снова вынудил его к отчаянным мерам, и он копался в горе мусора на краю деревни людей, когда показались две женщины. При их приближении он едва не пустился в бегство в предрассветный лес, но они не обращали внимания на фигуру в лохмотьях с капюшоном, сидящую на корточках рядом с мусором. Они продолжили свой путь и не прервали разговор.

«Они купили *еще* одного?» — недоверчиво спросила одна.

Другая женщина энергично кивнула. «Имэльен с мужем купили еще одного раба, эльфа, который в самом деле находился в Квалиносте, когда тот был уничтожен! Он может читать и писать, так что они приставили его вести учет в таверне. Однажды он бежал, так что Брэнду пришлось подрезать ему поджилки…»

Две женщины покинули зону слышимости. Долгое время он не мог шевелиться, застывший от ужаса повседневности и безразличия, облаченного в эти несколько фраз.

Он заставил себя подойти к бродячему торговцу-гному и спросить о Квалиносте. От лаконичного перечисления гномом городских разрушений у него перехватило дыхание. Услышав это от кого-то другого, он бы не поверил, но гномы никогда не преувеличивали. Квалиноста больше не было.

Ему нужно было собственными глазами увидеть судьбу своего города. Так он и поступил. С вершины холма в миле от Квалиноста, он глядел вниз на то место, где когда-то был его дом, и словно в кривом зеркале видел в его увечьях отражение своих собственных. Башни, богатые дома, живая зелень — все исчезло. Были потеряны бессчетные эльфийские жизни, уничтоженные в самый момент освобождения. Квалиност был свободен, лишь чтобы встретить свою судьбу. То, что осталось, было затоплено грязным озером, с гниющим трупом драконицы в его сердце, точно отравленным клинком в осевшей могиле.

* * *

Освещение под деревьями слегка изменилось, когда другой день шел к концу, и солнце начало клониться к западу. Жирная цикада с жужжанием спустилась к пустой тропе, покачиваясь из стороны в сторону на неустойчивых крыльях. Обессиленная, она приземлилась у его левой ноги. Насекомое было огромным, в два раза крупнее большого пальца эльфа, с влажными прозрачными крыльями, неуклюже сложенными на спине. Оно

проползло по сухому мху, непреклонно направляясь к его ноге. Когда цикада оказалась в паре сантиметров, эльф пошевелился. Он поднял ногу и держал ее неподвижной, как камень, ожидая, пока пухлое насекомое заползет под нее.

«Нет!»

Слева от него стоял старик, опираясь на высокий терновый посох. На нем были остатки облачения священника — ряса, кушак и палантин, весь потемневший от возраста и небрежности. Его короткие седые волосы торчали во все стороны. Он указывал толстым пальцем на занесенную, чтобы раздавить цикаду, ногу, и повторил: «Нет!»

Не поворачивая головы в маске, эльф произнес «А почему нет?» голосом, сухим, как покрывавший его мусор. — «Все равно она умирает».

«Не тебе забирать ее жизнь».

Старик медленно, опираясь на посох, подошел: «Эта цикада семнадцать лет спала под землей. Она лишь несколько дней как проснулась, но за это время нашла самку, одолела соперников и спарилась. Завершив свое предназначение, она может лишь умереть».

«Тогда почему не убить ее? Теперь ее дальнейшее существование бессмысленно». — Цикада как раз заползла в отпечатавшийся во мху след ноги. Ступня все еще нависала над ней.

«Остановись! Каждый поступок имеет последствия. Можешь ты знать, что произойдет, если ты убьешь без причины?»

Он помедлил, а потом опустил ногу позади ползущего насекомого.

«Еще одна бессмысленная жизнь спасена».

Громко кряхтя от усилия, старик присел на сланцевый выступ. «Не существует бессмысленных жизней. Каждая — дар богов», — произнес он, улыбаясь.

«Ты говоришь как жрец».

Старик наклонил голову, признавая это. Он достал из-под рясы кожаный бурдюк с водой и предложил его. Не получив ответа, он освежился сам.

«Ты здесь давно. Чего-то ждешь?»

Эльф и в самом деле кое-чего ждал, того же самого, что вскоре ждало обессиленную цикаду. Отсутствие ответа не обескуражило жреца. Старик сделал еще один глоток и задал другой вопрос.

«Куда ведет эта дорога?»

«Никуда».

Капля красного вина повисла в уголке рта жреца: «Я думал, она ведет в Квалиност».

Впервые гранитный фасад эльфа дал трещину. Он вздрогнул, как от удара: «Квалиноста нет! Не осталось ничего, кроме зловонного озера смерти!»

«Так лишь выглядит».

Эльф рассмеялся — болезненный, царапающий горло звук. Да, так это выглядело, зрелище, которое сердце обращало в камень и сжимало желудок от отчаяния.

Он прогнал эти мысли и попытался снова вернуться к бесчувственной неподвижности, но его внимание привлекла цикада у ноги. Ее обнаружили муравьи. Они окружили больное чудище, ощупывая его своими антеннами. Оно игнорировало их, продолжая с трудом двигаться вперед. Удовлетворенные отсутствием враждебности со стороны цикады, муравьи ухватили более крупное насекомое за ноги, и каждый принялся тянуть его в свою сторону. Результат был патовым; цикада дергалась на месте, неспособная двинуться ни взад, ни вперед. Так продолжалось недолго. Организовавшись, муравьи облепили все еще живую

цикаду и принялись расчленять ее. Они отделили крылья, по одному за раз, передавая их товарищам, которые бросили их в мусор в стороне от тропы, а затем принялись за свою добычу, отгрызая ей ноги и разгрызая ее мягкое брюшко.

«Вот и вся жалость», — усмехнулся он.

«Ты извлек неверный урок. Раздавленная ногой, цикада была бы потеряна. А таким способом, она будет много дней кормить муравьев».

Голос жреца изменился. Доброжелательная отеческая беспристрастность исчезла. Столь другим был тон старика, что эльф, наконец, повернулся и вгляделся в него. На его голове был венок из листьев. Что-то коричневое повисло спереди его зеленой ото мха рясы. Оно напоминало кожаные сумки — пока не начало двигаться.

«Обрати внимание на муравьев, а не на одинокую цикаду», — тем же поучительным тоном продолжал жрец. — «Они крошечные, но их много. Птицы и пауки во множестве поедают их, но их колония выживает. Работая вместе ради общей цели, они одолевают намного более крупных врагов. Лишь теряя сплоченность, когда каждый тянет на себя, они терпят поражение».

Эльф сменил положение, выпрямившись и сложив руки на груди. Между ладонями в перчатках и спрятанных в рукавах руках, на его запястья показалась алая кожа.

«Кто ты, человек?» — спросил он. — «Ты знаешь меня?»

«Мы никогда не встречались».

«Но ты отчитываешь меня, будто имеешь на это какое-то право!»

Старик обезоруживающе улыбнулся, демонстрируя темные кривые зубы. «Возможно». — Его дружелюбное выражение лица сменилось на суровое. — «Но едва ли требуется магия, чтобы узнать твое состояние. Ты смердишь жалостью к себе и отчаянием. Ты пришел сюда размышлять и умирать, не так ли?»

Наконец-то вынужденный действовать, эльф вскочил на ноги. Многодневный мусор пыльным дождем посыпался к его ногам. Рефлекторно, его рука метнулась к бедру, но наткнулась лишь на воздух. Его меч давно исчез, расплавленной полоской металлолома.

«Не твое дело! Оставь меня!» — проскрежетал он.

Одна из висевших спереди рясы жреца коричневых штуковин зашевелилась, расправляя маленькие кожаные крылья — летучая мышь. Его грудь была покрыта живыми летучими мышами. Человек погладил крошечного зверька тыльной стороной пальца. Его поведение еще раз неуловимо изменилось, и он по-доброму спросил: «Как давно ты ел или пил?»

Эльф не мог сказать. Жрец запустил руку в свою рясу и вытащил обернутый в вощеный пергамент пакет. Он развернул обертку. В пакете была стопка дисков перламутрового цвета, каждый тоньше пергамента, в который были завернуты.

Эльф резко вдохнул, пораженный. Маленькие диски были нектарными вафлями, невероятно изысканными сладостями, сделанными из меда, выработанного серебристыми пчелами Сильванести, смешанного с кристаллической росой и цветочной пыльцой. Эти сладости традиционно ели на свадьбах, днях рождения и прочих праздничных событиях. Никто за пределами Сильваноста не знал секрета их приготовления. Он ел их лишь однажды раньше в своей жизни. У дряхлого человека не только были нектарные вафли, он они выглядели и пахли как свежевыпеченные.

«Возьми их», — предложил жрец.

Словно атакующая гадюка, рука эльфа в перчатке дернулась, вырывая пакет из руки старика. Дрожащими пальцами он положил на язык одну вафлю. Диск тотчас растаял,

вызвав прилив вкуса. Кристаллическую росу для вафель собирали крошечными каплями за раз с листьев растений и цветов по всему Сильваносту. В каждой капле заключалось дыхание жизни растения, и каждое растение придавало характерный привкус. Еще более уникальным был земной вкус пыльцы. Розовый всегда определялся безошибочно, как и фиалки и настурции. В данном случае была пыльца подсолнуха. Рот эльфа наполнился золотистой душой лета, как если бы солнечный свет превратился в тончайшую пудру.

«Обрати внимание на муравьев», — сказал жрец. — «Будучи маленькими, они могущественны в единстве».

Прижав к сердцу пакет с вафлями, эльф смотрел, как его благодетель встает и уходит. Спину жреца покрывали те же маленькие коричневые свертки, что и грудь, летучие мыши, что ерзали друг о друга, когда тяжелая походка старика сталкивала их. Эльф заметил, что венок из зеленых листьев был не на голове у жреца. Плетеные завитки росли из кожи у него на лбу.

Жрец остановился и оглянулся. Подняв руку, он сказал: «Прощай, Портиос. У тебя есть еще роль, которую ты должен сыграть».

В этот момент эльф узнал своего таинственного благодетеля. Он бросился вперед, когда жрец шаркающей походкой скрылся из виду за изгибом тропы. Портиос не был быстрым — его ноги были негнущимися от долгого неиспользования и ожогов — но жрец лишь несколько секунд как скрылся из виду. Тем не менее, когда Портиос достиг поворота дороги, старик исчез. Пыль явно показывала, что отпечатки босых ног заканчивались в метре впереди.

Портиос молча уставился на резко обрывавшиеся отпечатки. Единственная съеденная вафля узлом скрутила его желудок от сильного голода. Он положил в рот еще одну вафлю, подождал, пока она растворится, а затем пошел обратно к оставленному жрецом бурдюку для воды. Содержимое по вкусу напоминало квалинестийский нектар, что удивило его. Нектар был чистый, как вода, а, тем не менее, он видел, как старик пил красное вино из того же самого сосуда.

Почему он должен удивляться? Бог мог сделать что угодно.

Портиос сделал еще глоток, заткнул бурдюк и закинул за спину. Крепко затянув тряпичный кушак, он двинулся по тропе в том же самом направлении, что ушел жрец. Окружавшая его апатия безнадежности исчезла, как и ушла с закатом удушающая жара. Ему было дано послание, которое он не мог игнорировать. Что бы ни лежало впереди, у него был могущественный союзник. Потребуется намного больше, прежде чем будет исправлена несправедливость последних дней, но он найдет их.

Повернувшись спиной к совершенно обычному месту, он направился прямо туда, куда незачем было идти.

2

Мир изменился во вспышке.

В одно мгновение Кериансерай скакала навстречу своей судьбе против стаи кхурских кочевников; в следующий миг ее поглотила сфера света столь яркого, что даже сквозь зажмуренные глаза не могли защитить от него. После вспышки она ничего не видела, ничего не слышала и, за исключением легкого ощущения прохлады, ничего не чувствовала.

«Я мертва», — решила она, — «сраженная сзади трусливым кочевником». Все было так, как это описывали старики: ты никогда не увидишь удар, что убьет тебя. Смерть Кериан удивила, но не встревожила. Оставить товарищей позади и отправиться в одиночку навстречу кочевникам, было ее выбором. Жизнь не была уже так дорога, когда Гилтас отвернулся от нее. Сняв ее с командования своими армиями, он не только принизил ее способности, но и поставил под сомнение ее честь. Хуже того, его продолжавшееся недоверие ранило ее гордость. Она не могла выносить оставаться с партнером, который так слабо верил ей.

Идея, что смерть забрала ее, исчезла, когда вернулись чувства. Она почувствовала, что кувыркается, рассекая воздух лицом. Она снова могла ощущать руки и ноги. Учитывая, что она была верхом, падение было неестественно затянувшимся. Уже много времени спустя после того, как она должна была рухнуть на сухой кхурский песок, Кериан продолжала падать. Из ее бесполезных глаз струились вызванные ветром слезы, так что она закрыла их. Она падала кувырком сквозь влажный прохладный воздух. Барды часто пели о том, что лежит по другую сторону смерти, но она никогда не слышала о подобной загробной жизни.

Постепенно она стала различать свет сквозь веки. Кериан открыла глаза, несколько раз моргнула и поняла, что могла видеть. Но едва зрение вернулось, она страстно возжелала снова ослепнуть.

Она находилась высоко в небе, стремительно падая сквозь рваные белые облака навстречу далекой земле. Это открытие так поразило ее, что Кериан сперва не могла дышать. Когда же, наконец, смогла, она глубоко вдохнула облако и закричала.

Не страх вырывался из ее горла. Страх был старинным врагом, которого Кериан давным-давно одолела. Это был вопль чистой ярости. Ее мгновенное перемещение с поля боя у стен Кхури-Хана в эту высокую точку могло быть сделано лишь одним способом: при помощи магии. Кто-то вмешался в ее последнюю битву.

Ее крик затих, придушенный железной волей и яростным ветром. Раскинув руки и ноги, она ухитрилась остановить головокружительное кувыркание и, в конечном итоге, развернуться лицом к земле. Доспехи исчезли, каким образом или почему, Кериан не могла сказать, и ее пропитанная потом стеганая куртка раздувалась и дрожала, пока она отвесно падала.

Облака закончились, и Кериан впервые ясно увидела землю. Она падала не в пустынное королевство Кхур, в этом можно было быть уверенной. Под ней мерцала масса зеленой воды, возможно, озеро или широкая река. Над ее поверхностью торчали верхушки деревьев без листьев, наряду с разрушенными остроконечными каменными башнями. Они были облеплены мхом, и вьющиеся растения гнилым саваном спиралями свисали с макушек деревьев к воде. Все вокруг выглядело чрезвычайно мрачным, хотя солнце все еще висело над западным горизонтом. Она мало чего могла видеть, кроме мутной воды и заброшенных

развалин. Все остальное было окутано туманом.

Зловоние гниения заполнило ее нос. Под ней был отнюдь не кристально чистый источник. Кериан падала возле западного берега озера или реки. Широкая болотистая полоса окружала край воды, соединяя зловонную воду с лесистым берегом. Было странно видеть все это с такой высоты, но местность не казалась знакомой. Тут и там из воды торчали останки каменных башен, испещренные лишайниками и покрытые мхом. Их верхушки были разрушены, точно от удара молнии. Некоторые из башен соединяли следы разрушенных мостовых.

Когда земля стала ближе, Кериан внезапно озаботилась скоростью своего падения. Вонючая вода, разрушенные башни, покрытые мхом деревья — все это стремительно неслось на нее с угрожающей скоростью. Она подтянула колени к груди и надеялась, что вода достаточно глубокая, чтобы нырнуть в нее.

Мысленно приготовившись к тому, что ее ждало, Кериан увидела лицо Гилтаса. Он предал ее, отрекся от нее, и все же его она видела на пороге смерти. Отбросив мысли о своем непостоянном по-прежнему любимом муже, Кериан закрыла глаза и прикрыла руками голову.

Внезапно падение прекратилось. Ее руки и ноги разлетелись, зубы клацнули так сильно, что она увидела звездочки. Невидимая сила удерживала Кериан, будто кто-то схватил ее за шкирку и резко подвесил в десяти метрах над водой. Она медленно опускалась на протяжении нескольких тревожных ударов сердца, а затем удерживавшая ее сила пропала так же быстро, как и появилась. Ногами вперед, Львица врезалась в пенистую зеленую воду.

Воздух вылетел из ее груди, не столько от столкновения, которое было едва ли сильнее падения с несущейся галопом лошади, сколько от пробиравшего до костей холода. Хотя землю окутывал разгар лета, вода была холодна, как в серых морях у Ледяной Стены.

Ошеломленная Кериан погружалась в темные глубины, увлекаемая вниз стеганой курткой столь же неумолимо, как если бы на ней были доспехи. Когда она, наконец, пришла в себя, дневной свет был уже лишь бледным зеленым овалом далеко вверху. Не имея ножа, она голыми пальцами атаковала шнуровку своей тяжелой одежды. Кериан не могла сдвинуть с места распухшие кожаные завязки. Ее легкие горели, и желание сделать вдох становилось невыносимым. В ее голове стоял гул. Обезумевшая, она бросила шнуровку и принялась рвать саму стеганую одежду. Потерявший прочность от солнца и пота материал сдался, и Кериан смогла избавиться от его смертельных объятий. Она сбросила ботинки и, яростно работая ногами, устремилась к поверхности.

Наконец, она вынырнула и судорожно сделала огромный глоток воздуха. Когда исчезли рев в ушах и красная пелена перед глазами, Кериан направилась к ближайшему берегу. Это был тонкий иней песка, за которым простиралась ровная поверхность грязи. Казалось, прошли часы, прежде чем она почувствовала грязь под ногами. Ил был угольно-серый и зловонный, но Кериан вытащила себя из воды и рухнула на него, словно это было тончайшее шелковое покрывало во дворце хана. Сделав несколько благодатных вдохов, она перевернулась лицом к небу.

К тому моменту, как унялась дрожь в ее конечностях, освещение сменилось с позднего вечера на сумерки. Кериан пошатывалась на ногах как пьяная. Все ее тело чувствовало себя так, будто было побито обладавшим тяжелой палкой полным энтузиазма огром.

Свист рассекаемого воздуха сзади оживил инстинкты Кериан. Несмотря на негнущиеся суставы и ушибленные мышцы, она незамедлительно плюхнулась на живот. Что-то большое

пролетело над головой. Она не заметила, что, но звук драконьих крыльев был безошибочен. Целых две минуты она лежала трупом. Ее кагонестийское чутье, долго подвергавшееся суровым испытаниям сухой безжалостной топкой Кхура, все еще служило ей, и Кериан воспользовалась им, чтобы изучить окружение на признаки опасности. Ничего не было. Если дракон и пролетал, теперь он уже улетел. Вода позади нее была гладкой как зеркало.

За болотом частоколом росли тонкие деревца. Что бы не лежало за ними, деревья взывали к вскормленной лесом Кериан. Она ринулась в укрытие. Ее босые ноги оставляли в грязи четкие отпечатки, но с этим она ничего не могла поделать. Облаченная только в хлопчатое нижнее белье, она была безоружна, не подготовлена и одинока.

Среди деревьев Кериан сразу же почувствовала себя лучше. Это были любящие воду ивы и молодые кипарисы, не старше четырех лет, но приют, что они предлагали, был знакомым, и она давно по нему скучала. Кериан оглянулась на воду. Должно быть, озеро, решила она. У реки было бы течение, но поверхность воды была гладкой и неподвижной, как пластина полированного камня. Берег изгибался во мраке к северу и югу. Это было большое озеро, по меньшей мере, несколько миль в поперечнике. Дальний берег не было видно, даже несмотря на ее острое зрение.

Готовая к малейшим признакам опасности, она двинулась глубже в лес. Все живые деревья были молодой порослью. Когда время от времени показывались деревья постарше, они были всего лишь стволами без сучьев, с макушками, снесенными высоко над землей. Их кора была содрана, словно кожа, обнажая вязким сумеркам серые стволы. Здесь случился какой-то катаклизм, и не так давно.

Ее внимание привлек трепещущий в сгущавшейся темноте белый проблеск. Кериан направилась к нему.

Это была одна из разрушенных каменных башен, что она заметила во время своего головокружительного падения с неба. Остаток могучего бастиона, башня была целых десяти метров в ширину у основания, и ее сильно рифленые стены еще на десять метров поднимались над покрытой вьющимися растениями землей, прежде чем резко оборваться. Колонна была из прочного камня, белейшего мрамора, а еще ее верхняя часть была аккуратно откусана. Швов не было видно. Вся десятиметровая ширь мрамора была образована единым куском камня.

Башня была эльфийской. Никто больше не мог придать форму камню с такой точностью и изящностью. Не Сильванос ли это, город, уничтоженный минотаврами? Ее знания о первом доме эльфов были обрывочными, но она не могла вспомнить, чтобы в них было упоминание о каком-то озере, как то, что лежало перед ней.

Двинувшись вокруг основания разрушенной мраморной башни, она обнаружила надпись. Буквы были монументальными, глубоко вырезанными и когда-то инкрустированными чистым золотом. Кто-то выдрал металл, но тут и там остались следы, жалостно поблескивая в сумерках.

«*КананатКитри Нести Н'Лот Сителан Санну»,* —прочла она. — «*Кит-Канан, сын Ситела, построил это».*

Она находилась не в Сильваносте, а в Квалиносте!

Кериан резко повернула голову и уставилась на мерцавшее между тонкими деревцами теперь уже черное озеро. Каким-то образом ее выдернули с поля боя в Кхуре и забросили в кошмарные руины Квалиноста. Зеленая драконица Берил встретила здесь свою смерть, уничтожая основанный Кит-Кананом город. От падения зверюги образовался огромный

кратер, в который хлынули волны реки Белая Ярость. Налис Арен прозвали его: Озеро Смерти. Кериан не спасли жизнь. Ей просто отсрочили смерть, перенеся в место, намного худшее, чем горячие пески Кхура.

Как и мерзкого дракона до нее, Кериан сбросили в Квалиност! Ну, она не разделит участь Берил. Она не умрет в этом жутком месте. Она выживет.

Когда появились звезды, она воспользовалась их помощью, чтобы направиться прочь от зловонного озера. Лес был полон жужжащих комаров, роившихся вокруг ее неприкрытых конечностей. Притаившиеся аллигаторы, в доспехах как у драконидов, бдительно лежали на мелководье. Кериан обошла стороной более дюжины смертоносных рептилий. Их пустые глаза следовали за ней, но животные не шевелились.

Она планировала направиться на запад, сквозь обширные леса Квалинести, а затем на юг, к Харолисовым горам. Квалинести мог быть ее старым домом, но он был заражен бандитами, разбойниками и рыцарями Нераки. В горах было меньше врагов, и она смогла бы отдохнуть и восстановиться. А насчет того, что ей делать потом — насчет этого требовалось поразмыслить.

Кериан знала, что находилась в землях, охваченных анархией, где в каждом городе жили враги. Находившийся к востоку Сильванести был не в лучшей форме, под гнетом минотавров-захватчиков. В сотнях миль, далеко на северо-востоке, ее боевые товарищи сражались за выживание их расы с ордами кхурских кочевников. У Гилтаса, ее благородного верного *глупого* мужа, был дикий план отвести их народ в Инас-Вакенти, легендарную долину, которая по слухам находилась в горах на север-северо-восток от Кхури-Хана. Он отправил Кериан с пятью сотнями воинов выяснить, существовала ли на самом деле таинственная долина. Она существовала. Но, хотя климат долины был мягким и влажным, как и говорилось в легенде, исследования Кериан выявили множество опасностей, таившихся в ней.

Доступная только через единственный проход в юго-западном конце, Инас-Вакенти могла стать смертельной ловушкой для последних в мире свободных эльфов. Их враги (которых было немало) могли легко их блокировать. Кроме того, эта долина была странным и загадочным образом проклята. За все время, что там провели Кериан и ее солдаты, они не повстречали ни единого живого создания. Много растений, да, но не мух или птиц в них. Что-то в долине было враждебным для животного мира. По ночам по безликим каменным развалинам долины бродили призраки, а таинственные огоньки, возможно, разумные, и определенно враждебные, преследовали ее воинов, заставив нескольких исчезнуть без следа.

Кериан попыталась заставить Гилтаса понять, образумиться. Их народу не нужна та жуткая долина. Им нужно встать и сражаться! Она страстно приводила доводы в пользу новой войны против захватчиков, которые забрали то, что по праву принадлежало эльфам. Тем не менее, Гилтаса было не отговорить от его навязчивой идеи, даже после ее доклада об опасностях Инас-Вакенти. Он настаивал, что их народ должен пересечь пустыню и завоевать долину.

Кериан остановилась, когда поняла, что взмокла от пота. Как неслись ее мысли, так и ускорился ее шаг по ивовым зарослям. Это было неразумно. Вокруг было слишком много врагов, чтобы вести себя так иррационально.

Вокруг нее искрились светлячки. После опыта Инас-Вакенти, она стала опасаться призрачных огоньков в ночи. Эти оказались всего лишь светящимися насекомыми, грустное напоминание об утерянной безмятежности летних ночей в Квалинести.

Она устала: сперва бой в Кхуре, затем падение с огромной высоты, едва не утонула, прогулка по диким местам вокруг Озера Смерти. Пришло время остановиться на ночлег. Еда была проблемой, которая могла обождать, и Кериан приучила себя к потребности в воде меньшей, чем у большинства, но отдых был крайне необходим. Усталый солдат вскоре становился мертвым солдатом.

Она забралась высоко на вяз, выше облаков комаров. Как и много раз до этого, Кериансерай спала на руках у дерева — погибшего дерева без листьев, это правда, но оно давало ей безопасность, по крайней мере, от небольших лесных хищников.

Звезды над ней были теми же, что мерцали над Кхуром. Она уставилась на них и позволила себе поразмышлять о том, что случилось после ее исчезновения. Одолели ли кочевники ее народ, или день был за детьми Кит-Канана? Выжили ли ее товарищи? Жив ли Гилтас?

Только на этот последний вопрос у Кериан был ответ. Столь же уверенно, как то, что она все еще дышала, Кериан знала, что ее муж был жив. Некоторые связи нелегко было разрушить, несмотря на полученные ими повреждения.

Она прижалась щекой к жесткой коре вяза. Над лесом дул легкий прохладный ветерок, осушая пот с ее лица. Она слегка дрожала от этой ночной ласки, а вскоре погрузилась в глубокий отдых без снов.

* * *

На протяжении двух дней Кериан избежала множества опасностей. Квалинести был испещрен аванпостами рыцарей Нераки, а грабители под предводительством человека капитана Самувала опустошали дороги и города. Сельская местность была заражена бандами гоблинов и прочей нечисти, грабивших и убивавших безнаказанно. Неосмотрительных поджидали небольшие отряды драконидов. Разгуливали бродячие колдуны. Она также ощущала присутствие драконов, патрулирующих свои собственные меняющиеся анклавы.

Несмотря на боль последних лет, душа Кериан не могла не радоваться возвращению в Квалинести. Она была эльфом, и ее сердце говорило с деревьями и растительностью. Солнце и песок Кхура едва не вымыли из ее вен девственный лес.

Это был еще один предмет споров между ней и Гилтасом. Она пыталась заставить его понять, что если они покинут этот лес ради жизни в дальних землях, очень скоро они перестанут быть эльфами. С босыми ногами, снова пересекавшими топкие поляны и склоны холмов с подстилкой из листьев, Кериан ощущала, как новой силой наполнялось ее сердце. Это была земля ее предков, земля, на которой родились она и ее род. Она никогда не откажется от борьбы за ее возвращение. Здесь было место эльфийской расе!

Она смастерила грубый нож из обломка кремния, а из сбитых ветром сучьев сделала два копья. Вооружившись таким образом, Кериан чувствовала себя лучше подготовленной встретить то, что могло случиться, за одним неприятным исключением. Что она совершенно не могла найти, так это еду, несмотря на все свои умения. Лето было в самом разгаре. Должны были быть ягоды и корешки, множество мелкой дичи, но не было ничего. Она кляла близость Налис Арен. Его миазмы смерти отравили землю на мили во все стороны. Деревья и кусты росли в изобилии, но все было неуловимо *неправильным*. Ветки были изогнутыми,

плоды мелкими, зеленые листья в желто-бурых пятнах. Ни следа птиц, кроликов и белок, хотя насекомых было в изобилии.

Ее путь пересекал ручей. Запах воды подсказал Кериан, что та испорчена. Выпить из него означало заболеть или погибнуть. Однако, ручей дал немного полезной грязи. Обильно наложенная, она обеспечила хоть какую-то защиту конечностям Кериан от полчищ комаров. Она также могла помочь скрыть ее личность. Скорее всего, в Квалинести еще оставались те, кто мог опознать ее, враги, которые бы возликовали, схватив Львицу.

Чтобы еще лучше скрыть личность, Кериан стянула свои густые волосы в конский хвост и принялась пилить их кремниевым ножом. Через несколько минут ее всеми узнаваемая золотая грива исчезла. Глина скрыла цвет ее волос и заставила их торчать на голове клочьями во все стороны. Она сомневалась, что даже Гилтас узнал бы ее.

Однако, ко второму дню в лесу, даже выносливость Львицы подверглась мучительному испытанию. Она не могла вспомнить, когда в последний раз ела или пила. Перепрыгивая через еще один испорченный ручей, она едва не упала лицом на другую сторону. От пустоты в желудке ее голова плыла. И, тем не менее, ей ничего не оставалось, кроме как продолжать идти. Если она собиралась выжить, ей нужно было убраться из тени Налис Арен.

Дикие животные явно бежали в более благотворное окружение, и то же самое, похоже, касалось ее собственного племени. Многие кагонестийцы не присоединились к походу в изгнание, вместо этого выбрав остаться в своем любимом лесу, хоть и оккупированном. Кериан ожидала обнаружить какие-то их следы, но за два дня непрерывного поиска ничего не нашла.

В середине второго дня ветер донес до нее запах: гоблины. Его ни с чем нельзя было спутать. Она немного подумала, определила направление и осторожно направилась в сторону источника.

Вокруг разрушенного ствола гигантского дуба расположился лагерем отряд гоблинов. Кериан презирала этих вонючих тварей. Они были отъявленными трусами, а еще неракцы пользовались их услугами как наемников. Рыцари относились к ним, как к расходному материалу, но гоблины, похоже, ничего не имели против, пока им разрешали заниматься грабежами по окончании битвы.

Не удивительно, что эти гоблины были ворами. Поляна была завалена явно добытыми нечестным путем вещами. Роскошные ковры и гобелены лежали рядом с грудами смятых металлоизделий; латунь, медь и серебро были отсортированы в отдельные кучки. В кустах стояла мебель, с любовью вырезанная квалинестийскими мастерами, ее когда-то изящная обивка была перепачкана. Над всем этим повисла пелена синеватого дыма от костра, стоял запах приготовленного мяса и кисловатый аромат разлитого вина.

Пять гоблинов расположились лагерем у дуба. Двое спали, храпя точно лягушки-быки. Двое шумно спорили над грязным клубком одежды. Последний раздувал дымящийся костер. Рядом с костром стоял сделанный со вкусом металлический стол, на нем были кувшины с вином, хлеб, фрукты и разная другая еда. При виде такого изобилия желудок Кериан свела судорога.

Ей требовалась еда. Более того, она не могла позволить себе шмыгнуть в кусты и оставить этих негодяев продолжать грабежи. Сделанный Кериан кремниевый нож был бесполезен против доспехов гоблинов. Ее копья могли оказаться более успешными против их глаз и лиц. Так или иначе, она атакует. Разве не именно это говорила она Гилтасу, что им следует делать — нападать на тех, кто осмелился вторгнуться в их земли? Любой удар по

врагу, неважно, сколь малый, стоил того.

Идея обрела вид. Возможно, она сможет выманить одного, освободить от оружия и использовать его против остальных. Даже если у Кериан не получится убить их всех, она, по крайней мере, могла бы скрыться с частью их провизии.

Она бесшумно залезла на дерево и затаилась на ветке, балансируя на кончиках пальцев, готовая к прыжку. Кериан несколько раз сглотнула — у нее пересохло в горле — а затем издала пронзительный стрекот, песнь золотистого фазана. Ни один гоблин не мог устоять перед соблазном раздобыть самую крупную (и редчайшую) пернатую дичь в Квалинести.

Ближе всех к ней находился гоблин у костра. Он повернулся на звук. Кериан позвала снова. Гоблин бросил палку и направился к ней, двигаясь с нелепым подобием скрытности. Она позвала еще раз. Споривше гоблины не заметили уход своего товарища. Они были слишком заняты перетягиванием двуручной серебряной урны.

Кериан подождала, пока добыча не оказалась прямо под ней. Затем, подобно молнии, она спрыгнула позади гоблина. Кериан одной рукой схватила его за подбородок, а другой провела кремниевым лезвием по горлу. Из перерезанных вен хлынула кровь, и гоблин упал, не издав ни звука. Она забрала у мертвого врага меч. Тот был грубым, но Кериан почувствовала себя лучше с оружием в руке.

Ее триумф нарушили хриплые голоса гоблинов. Двое прекратили спор вокруг урны и, глядя на костер, звали своего пропавшего товарища. Прежде, чем они разбудили двоих спавших гоблинов, Кериан поднесла сложенные ладошки ко рту и снова издала зов фазана. Гоблины переглянулись и, топая, бегом направились к ней.

Тихая как тень, Кериан двинулась прочь от мертвого гоблина, зовом уводя этих двоих глубже в лес. Она кружила так, что эти двое оказались разделенными густыми зарослями шиповника. Таким образом, Львица смогла прикончить их по одному, захватывая врасплох.

Последние двое гоблинов на поляне продолжали безмятежно храпеть. Кериан вознесла благодарность предкам за это благословение. Ее конечности дрожали от напряжения. Пока они не проснутся, она не тронет их. Кериан направилась прямо к костру и столу с провизией. Она закинула за спину два бурдюка с водой и взяла две буханки хлеба.

В тот момент, когда она поднимала небольшой треугольный кусок сыра, один из спавших гоблинов сел, неизвестно почему проснувшись. Его глаза расширились, когда он заметил стоявшую у стола облепленную глиной эльфийку. Он яростным воплем и сильным шлепком разбудил своего товарища. А затем вскочил на ноги, вытаскивая меч.

Кериан бросила краденое добро и обеими руками подняла свой меч. Клинок дрожал, и она сильнее стиснула ладони. Она расставила ноги шире, ровно распределив вес, готовая двинуться в любую сторону, и поджидала приближавшихся гоблинов. Шедший впереди гоблин был от нее все еще в нескольких метрах, когда Кериан увидела, как его взгляд метнулся ей за спину. В то же мгновение, ей на затылок обрушился удар, сбивая на землю. В глазах все поплыло, но Кериан ухитрилась перевернуться на бок. Меч был выбит из ее рук.

Возвышавшийся над ней враг был не гоблином, а огром, ростом два с половиной метра, мускулистым, с желтой кожей и густыми черными волосами. Пронзительные крики нападавших полностью скрыли все звуки его приближения.

Огромное существо наклонилось и схватило ее за горло. Подняв Кериан так, что ее ноги болтались над землей, он бросил свирепый взгляд на двоих гоблинов.

«Не портить эльфов!» — прорычал он. — «Хватать!»

Его толстые пальцы сжались. Темнота окружила и унесла Кериан в свои глубины.

3

С парапета бревенчатого форта, названного Альдерхелм, Британ Эверайд, Рыцарь Лилии, следила за грунтовой дорогой от ворот форта до находившегося в двухстах метрах окутанного дымкой леса. Альдерхелм был расположен в отдаленном районе бывшего королевства Квалинести. Находившийся на полпути между Гилтаностом на побережье и Аланостом у подножья гряды Наковальня, он был одним из самых маленьких фортов, построенных Орденом с момента падения повелительницы Берил.

От жары дорога мерцала. Солнце за ней находилось низко, и Британ подняла забрало шлема, но, сколь долго она не всматривалась, результат не менялся. Патруль опаздывал.

Она позвала дежурного стражника: «Где лорд Фримантл?». Стражник ответил, что не знает. «Ну, отыщи его, олух! Ступай!»

Стражник рысцой направился к земляному каземату в центре форта. Шнурки его ботинок волочились в пыли. Качество здешних рекрутов оставляло желать лучшего. Большинство из них были изгоями Самувала, выгнанные за то, что были слишком ленивыми или слишком глупыми, чтобы служить вождю разбойников. Казалось, Альдерхелм притягивал самых жалких из них, а его комендант, Мидгрейв Фримантл, нанимал всех подряд. Это было его способом восполнять потери, которые нес гарнизон.

Стражник вернулся и позвал: «Леди, комендант в цитадели».

«Занятый чем?» — хотела крикнуть она, но не стала. Было намного проще отправиться туда самой.

Она отправила стражника с посланием для сержанта Джералунда, одного из немногих профессиональных солдат в гарнизоне, а затем спустилась по грубо обструганным бревенчатым ступеням во двор крепости. Внутри вдоль ограды ютились лачуги из бревен, досок и парусины. Они принадлежали гражданским, которым дозволили жить под защитой лорда Фримантла. Это был колоритный сброд, обыкновенные подонки и отбросы, слишком глупые или слабые, чтобы выжить в более крупных городках. Британ было плевать на игроков, шарлатанов и поставщиков крепкой выпивки. Она презирала третьесортных людишек.

На второй день пребывания здесь, ей пришлось преподать урок одному из них, отвратительному маленькому своднику, из-за большого шрама под нижней губой имевшему кличку Трехгубый. Обходя в гражданской одежде форт, Британ повстречала Трехгубого у входа в его заведение. Он сделал выпад, который она сочла оскорбительным и выбила ему два передних зуба бронзовым кастетом, который носила. Разъяренный и так и не понявший, что она была рыцарем, он отправил за ней двоих наемных убийц. Она обезглавила одного и выпотрошила другого. Трехгубого она повесила на флагштоке на вершине цитадели коменданта.

Она поднялась по насыпи в центре форта и вошла в цитадель. Пять шагов внутрь, и она обнаружила втискивавшегося в доспехи лорда Фримантла. Он был тучным мужчиной, и летом надевал сталь только тогда, когда этого требовала ситуация.

«Знаю, знаю», — раздраженно произнес он. — «Патруль опаздывает».

«Еще шесть человек потеряны».

«Может, и нет». — Фримантл отчаялся приладить наплечники и сунул их обратно слуге. — «Может, они всего лишь задерживаются».

Британ рассмеялась едким презрительным смехом. «Расклад простой», — сказала она, кладя руки на бедра. В отличие от коменданта, ей было удобно в трехчетвертных доспехах, эмалированных в черный цвет, как и подобало Темному Рыцарю. — «Мы найдем их с перерезанными горлами, как и других».

За последние три месяца кто-то или что-то постепенно вырезал их солдат. Один тут, трое там, солдаты пропадали, лишь чтобы быть обнаруженными с перерезанными горлами. Доклады Фримантла в цитадель Рыцарей в Гилтаносте привели к появлению Британ Эверайд. Ее задачей было остановить резню.

Однако исчезновение шестерых вооруженных мужчин разом было необычным. Прежде группы такого размера не пропадали. Патруль направлялся усилить сторожевой пост на перекрестке Раздробленной Породы. Дважды за прошедшие три месяца караульная смена по прибытии обнаруживала двух убитых людей или, что было еще тревожнее, просто исчезнувших.

«Я поеду с отрядом и посмотрю, что обнаружим», — сказала она Фримантлу.

«Не отъезжайте далеко. Осталось немного до заката».

Она едва снова не рассмеялась. Комендант боялся выходить наружу после наступления темноты? Что здесь происходит?

Сержант Джералунд и двадцать человек поджидали ее у ворот. Из конюшни привели лошадь Британ. Она оседлала ее и положила на бедро приклад взведенного и заряженного арбалета.

«Сержант, нам нужно прогуляться. Очень быстро, будьте любезны».

Джералунд достал меч и поднял вверх. — «Все верно, ослы! Время побыть боевыми конями! Бегом марш!» — прорычал он.

Так поздно вечером на дороге оставались лишь несколько путешественников. Они ныряли в канавы при приближении колонны Британ. Неровным строем, наемники поднимали ноги в ботинках и медленной рысцой трусили за своим элегантно сидевшим на лошади предводителем.

Британ была членом отборной структуры внутри Рыцарей Нераки. Согласно собранным ее штабом, Черной Резиденцией, донесениям, единственные оставшиеся эльфы в этой провинции были рабами. Британ полагала, что донесения ошибались. Кто, кроме непокорных вскормленных лесом эльфов может являться причиной всех этих неприятностей?

Все казалось обычным в лесу. Опасавшаяся засады Британ видела только резво скакавших с ветки на ветку белок, слышала лишь пение птиц в верхушках деревьев. Ее темно-красный плащ свободно свисал с плеч. Ни малейшего дыхания бриза не шелохнуло воздух. Ее коричневое от загара лицо под шлемом было красным от жары.

К тому времени, как когда колонна добралась до Раздробленной Породы, сгустились сумерки. Приблизившись к перекрестку, солдаты напряглись.

Раздробленная Порода получил свое название по огромному валуну в юго-западной части перекрестка. Глыба серого гранита с острыми гранями, грубо обработанная в форме куба, была не похожа ни на одну из естественных горных пород в этой местности. Местная легенда гласила, что ее уронил столетия назад некий гигант.

Напротив булыжника располагался сторожевой пост, каменная хижина с толстыми стенами и плоской крышей. Окна были закрыты прочными досками с амбразурами для лучников. Снаружи у входа над холодными углями потухшего костра торчал железный

треножник. По команде Британ, отряд рассредоточился и окружил избушку.

Никто не ответил на зов Джералунда. Дверь с медными накладками была закрыта на засов. Оба окна были закрыты на ставни и также заперты изнутри. Потребовалось много минут для двоих человек с боевыми топорами, чтобы прорубиться сквозь тяжелую дверь. Пока они трудились, Британ приказала развести большой костер в месте, где встречались дороги. Ко времени, когда потрепанные панели поддались, наступила практически полная темнота, и свет костра и в самом деле оказался кстати.

Джералунд принес головешку от костра, чтобы освещать путь, и Британ вошла, держа наготове арбалет.

Пропавших людей внутри не было. В единственной комнате был бардак. Все в ней, от двух коек до котелков с провизией сторожевого поста, было разбито. Постели солдат были втоптаны в грязь пола.

Лестница к люку на крыше была сброшена. Сам люк, как и все остальные выходы, был заперт изнутри. Джералунд поднялся собственнолично. Он отодвинул толстый засов, толкнул панель вверх и вылез на крышу. Она была пуста, за исключением разбросанной листвы. Стены хижины возвышались над крышей, создавая полуметровый парапет. Джералунд обернулся, чтобы осмотреть перекресток и лес позади него. Он хрипло вскрикнул.

«Что?» — спросила Британ снизу. — «Что ты видишь?»

В отверстии люка показалось лицо Джералунда: «Тела. На деревьях!»

Со своей выигрышной позиции, с помощью света от костра, Джералунд увидел то, что никто на земле не смог бы заметить: висевшие на высоких ветках деревьев трупы. Мертвецов спустили на землю и опознали в них членов пропавшего патруля, плюс двух стражников, назначенных на сторожевой пост.

Британ пристально глядела на тела, теперь благопристойно прикрытые их собственными плащами. Не только Черная Резиденция должна знать об этом акте насилия. Ей требовалось отправить донесение в штаб Рыцарей в Джелек. К сожалению, ее возвращение Альдерхелм откладывалось до утра. Ночной марш по враждебной территории был слишком опасным. Они должны были переночевать здесь.

Это решение не оказалось популярным у мужчин. Численность и каменный опорный пункт не спасли их товарищей. Они возмущенно требовали немедленно вернуться в форт, но Британ не собиралась обсуждать это. Она приказала половине отряда, под руководством сержанта, нести стражу, пока остальные отдыхают. Огонь требовалось поддерживать всю ночь и, через час после полуночи, спавшие должны были сменить других на посту.

Британ раскатала постель у восточной стороны огромного булыжника, чтобы первые лучи утреннего солнца разбудили ее. Она положила шлем и арбалет в пределах досягаемости и устроилась на ночлег. Это была не первая ночь, когда она ложилась в полных доспехах. Костер и зоркие глаза часовых уменьшили беспокойство о засаде. Яркие угольки поднимались к небу с дымом. Британ заснула, наблюдая, как те мерцают, словно угасающие звезды.

Она верно расположила свою постель. Пробивавшиеся сквозь лес лучи восходящего солнца упали на ее лицо. Как и всегда, она тотчас перешла от сна к бодрствованию. Запах дыма от дерева тяжело повис в удушливом утреннем воздухе. Небо над головой было безоблачным и голубым, как яйцо дрозда. Среди деревьев выводили трели птицы. Что Британ не услышала, так это суету просыпающегося солдатского лагеря. Грубых голосов ее

отряда совершенно не было слышно.

Она осторожно протянула руку и нащупала приклад своего арбалета. Она подтянула к себе оружие, но испытала неприятный сюрприз. Тетива была обрезана, болт пропал.

Британ перекатилась на колени, нащупывая меч. Ножны были пусты. Удивительно, но кинжал с черной рукояткой был вытащен из ножен в сапоге, не разбудив ее. Ее шлем был там, где она его оставила, но был оживлен новым украшением: в нем торчал болт ее арбалета.

С проклятьями, Британ вскочила на ноги и прижалась спиной к Раздробленной Породе. Джералунд и двадцать ее людей исчезли. На поляне валялись одеяла, посуда и брошенное оружие. Путаница следов покрывала дорогу, не давая подсказки, что случилось. Даже лошадь Британ исчезла. Каждая живая душа была похищена в ночи, а она ничего не слышала, хотя всегда спала чутко.

«Да, ты одна».

Мужской голос, раздавшийся сзади-сверху, заставил ее отпрыгнуть от булыжника. Наверху межевого знака стояла странная фигура. Заплатанная и полинялая коричневая ряса скрывала тощее тело. Голову укутывал капюшон рясы, а лицо дополнительно скрывала плотно облегавшая тканевая маска, закрывавшая все, за исключением глаз, светлых по цвету, но холодных и жестких, как у драконидов.

«Кто ты?» — спросила она.

«Призрак. А кем можешь быть ты?»

«Британ Эверайд, Рыцарь Лилии!»

«Случайно, не имеешь отношения к Бернонду Эверайду?»

Она моргнула, смущаясь своего высокомерия, и подтвердила родство. Человек в маске сказал: «Смелый и свирепый боец. Он никогда бы не позволил захватить себя подобным образом».

Эта насмешка рассердила ее, но она справилась с эмоциями. Его культурная речь и знание ее прославленного отца-полководца означало, что парень не был неграмотным лесным бандитом.

Британ не видела на нем меча или другого оружия и подумывала броситься на него. В прыжке с бега она могла добраться до его лодыжек, стащить с булыжника и выбить наглость из его голоса. Воспоминание о висящих на деревьях мертвых солдатах заставляло ее медлить. Едва ли один человек мог устроить такую смуту. У негодяя поблизости должны были быть сообщники. Иначе, почему он был бы так самоуверен?

«Чего ты хочешь?»

Он сделал жест рукой в перчатке: «Тебя. Я знал, что если причиню достаточно неприятностей, люди пришлют кого-то вроде тебя. Не воина, а дознавателя».

Она, нахмурившись, смотрела на него, но ее мысли скакали. Люди, сказал он, так что сам он не был человеком. Значит, эльф. Возможно, квалинестиец, не ушедший с остатками своего вида.

«Я хочу, чтобы ты доставила сообщение своим хозяевам», — добавил он. — «Простое послание: лес — мой. Отсюда до Аланоста, где лес встречается с горами, он — мой. Ты и твой Орден уйдете или будете уничтожены».

Она рассмеялась: «Несколько эльфов-бродяг с квалинестийским лордиком во главе? Орден не бежит от подобных вам отбросов!»

Ее укол принес плоды. Впервые ее слова проникли сквозь его щит напускного

высокомерия. Ткнув в нее пальцем, он заговорил громким дрожащим голосом: «Не марай имя Квалинести и не говори со мной об отбросах! Не тебе, с родословной дворняжки, судить даже о нижайших из моего вида!»

Стараясь не показать ничего на лице, Британ сохраняла малейшие крупицы информации, которую он случайно выдал. Он и в самом деле был квалинестийским эльфом и, к тому же, знатным, судя по его голосу и словарному запасу.

«Я доставлю твое послание. Оно будет твоим смертным приговором».

Он снова владел собой: «Убить можно только живого. Ты не можешь убить мертвеца».

«Очень хорошо, мертвый эльф. До следующей встречи».

Она подобрала свой бесполезный арбалет и нарочито повернулась к нему спиной. С высоко поднятой головой, Британ направилась на запад, к Альдерхелму. Она перевалила через небольшой холм и скрылась за ним.

Когда Темный Рыцарь ушла, Портиос соскользнул с высокого булыжника на землю. Он хлопнул один раз в ладоши, и кусты на восточной стороне поляны выпустили восемь кагонестийцев. Они с головы до пят были в маскировочной растительности. Их лица и руки были намазаны малахитовой пастой, окрасившей их в темный сине-зеленый цвет. Даже в стоявших на виду, в них было трудно узнать живых существ, а не листву.

«Она приведет много солдат, Великий Лорд», — сказал один из эльфов в камуфляже, тусклое серебряное ожерелье было единственным знаком его ранга.

«Надеюсь на это, Наларин».

Портиос откинул капюшон. Несмотря на теплую погоду, он не снял маску: «Чем больше сил приведет сюда наш юный хлыщ, тем лучше для моего плана».

Наларин свистнул, вызывая из леса еще зеленых фантомов. Они принялись расчищать местность, убирая все, что оставили неракцы. Частично, чтобы сохранить атмосферу таинственности, чтобы лишить врага подсказок об их методах, но это также служило пополнением их собственных запасов. Каждая полоска металла и кожи были драгоценны.

«Как там пленники?» — спросил Портиос.

«Напуганы, Великий Лорд».

Портиос последовал за предводителем кагонестийцев в кустарник. В двадцати метрах от северной дороги они вышли на сидевших в подлеске семерых неракских солдат, связанных по рукам и ногам. У всех были завязаны глаза. Изящная лошадь рыцаря была привязана поблизости, еще один кагонестиец в зеленом камуфляже стоял у ее головы.

«Кто здесь старший?» — спросил Портиос. Один из солдат заворчал сквозь кляп. По кивку Портиоса, его подняли на ноги и вытащили кляп и сняли повязку. Портиос спросил его имя и звание.

«Джералунд из Верима, сержант гарнизона Альдерхелма».

«Тебе нужно было оставаться в Эрготе, сержант», — сказал Портиос. — «Вам сохранили жизнь, но если любой один из вас окажет малейшее сопротивление, все будут убиты. Вы понимаете? Если один из вас совершит проступок, пострадают все».

Сержант кивнул: «Что вы собираетесь делать? Никто из нас не имеет звания, достойного того, чтобы быть выкупленным».

«Мне не нужен выкуп, но я ожидаю извлечь пользу из вас. Мы направляемся в Бианост, называемый наводнившими его подонками ‘Самустал’».

«А что в Самустале?» — спросил Джералунд, прежде чем его кляп был возвращен на место.

«Великое множество зла, включая, к несчастью для вас, рынок рабов».

Пленников поставили на ноги и сняли повязки. Связанные запястья каждого человека вьюнами соединили с запястьями стоявших сзади и спереди него, а затем группу увели с освещенной утренней поляны в тенистый лес. Их кагонестийские тюремщики были вооружены длинными тонкими копьями, булавами с каменными головками и легкими луками. У некоторых были металлические кинжалы, отобранные у захваченных неракцев. Большинство щеголяли ожерельями из зубов гоблинов. Некоторые были женщинами, хотя различие было трудно провести из-за разрисованных лиц, длинных волос и худощавого телосложения.

С момента судьбоносной встречи в лесу, Портиос принялся воплощать в жизнь уроки, данные тем богом. Наиболее сложным оказалось войти в контакт с неуловимыми диковатыми эльфами. Они в равной мере избегали как сильванестийцев, так и квалинестийцев, считая своих живших в городах кузенов заносчивыми, изнеженными и почти столь же вероломными, как люди.

Многие кагонестийцы отнеслись к нему с презрением, называя его бездушным призраком, который приведет их к гибели. Затем он встретил Наларин. Бывший разведчик квалинестийской армии, Наларин был мудрее своих собратьев. Когда Портиос разъяснил свой замысел, Наларин с готовностью согласился присоединиться к нему. Это стало первым шагом вперед в длинном путешествии Портиоса.

Двадцать три члена клана Наларина, четырнадцать мужчин и девять женщин, последовали за своим предводителем. Они стали частью небольшой армии Портиоса.

Мало что было страшнее рабства для эльфов. Самувал объявил, что все свободные эльфы в Квалинести являются бунтарями, и приговорил их к рабству, когда и где бы их не схватили. Возникло несколько невольничьих рынков. Один из самых крупных находился в городе Бианост, который оккупанты назвали Самусталом. Городом управлял один из самых жестоких лейтенантов Самувала, Олин Мэн-Дэлис, именовавший себя лордом Олином.

Портиосу были нужны рабы на продажу, чтобы дать ему и его сторонникам предлог для прибытия в оккупированный город. Шумные и неуклюжие, как могут быть только люди, эти пленники не были желанной добычей, даже по низким меркам их расы, но они идеально подходили для его плана. Портиос был уверен, что Черный Рыцарь невольно поступит так, как ему было нужно. Будучи дочерью одного из боевых лордов Ордена, она была приучена подчинять. Она сделает все возможное, чтобы заставить своих командиров осознать опасность для Альдерхелма. В то же самое время, Портиос со своим маленьким отрядом кагонестийцев направится в противоположном направлении, сопровождая своих пленников на невольничий рынок Самустала. Пока силы Ордена в Квалинести отправятся на защиту Альдерхелма, область вокруг Самустала окажется свободной от их солдат. Портиосу останется лишь одолеть бандитов Самувала.

И была еще одна причина, почему Портиос направлялся в Самустал. Когда в девственном лесу встречаются кагонестийцы, они всегда обмениваются информацией о захватчиках или новоприбывших на их территорию. Наларин слышал о незнакомке, которая внезапно объявилась у Озера Смерти. Эльфийка с легкой походкой, сообщили Наларину. От нее пахло кровью, но не ее собственной, а еще больше опасностью, так что кагонестийцы избегали ее.

На Портиоса кагонестийские слухи производили слабое впечатление. Он спросил, кем была эта женщина.

Никто из диковатых эльфов не знал. По найденным в лагере гоблинов следам, она убила нескольких из них прежде, чем быть схваченной работорговцами, также направлявшимися в сторону Самустала.

«Довольно скоро все эльфы Квалинести будут свободны», — сказал Портиос, глядя на неуклюжих людей.

Наларин кивнул. Он не понимал, каким образом продажа людей в рабство освободит эльфов, но Великий Лорд утверждал так, и Наларин был обязан подчиняться.

4

Кериан очнулась от боли. Ее руки были крепко связаны за спиной, и она лежала на боку в зловонной трясучей повозке. У повозки были решетчатые бока и деревянная крыша, и она ехала по изрядно разбитой дороге. От каждого толчка ее голова нещадно билась.

С момента пленения ее били и морили голодом. Обнаруженная Кериан в лесу шайка огро-гоблинов, продала ее большому отряду людей. Текущий курс за эльфийку был двадцать пять стальных монет. Гоблины продали ее всего лишь за десять. Несмотря на побои огра, она ухитрилась убить еще одного гоблина и наброситься на остальных. Кериан стала обузой, от которой они страстно мечтали избавиться.

Людей-работорговцев не насторожила столь низкая цена; они полагали, что надули невежественных гоблинов. Это ощущение сохранялось недолго. Ее немедленно заковали в цепи. В тот момент, когда один из людей проходил слишком близко мимо устало тащившейся маленькой группы рабов, Кериан нанесла ему удар куском цепи по голове. Вместо того, чтобы побить Львицу, люди просто перестали ее кормить. За три для она не получила ни корочки хлеба, ни глотка воды. И ее товарищи-рабы не могли разделить с ней свои скудные рационы. Наказанием за помощь заключенному избежать наказания было лишение пальца руки, пальца ноги или глаза. Остальные пленники все были квалинестийцами. Они могли вынести порку и голод, но угроза увечья наполняла их ужасом.

Люди-работорговцы продали ее большому отряду наемников, сопровождавших несколько сот пленных эльфов на невольничий рынок, который они называли Самусталом. Во время обмена Кериан выскользнула из пут и попыталась сбежать. Ее сгубили голод и обезвоживание. Пойманную снова, ее направили в «проблемную» повозку. Ее возница-полуогр избил Кериан, связал ей руки и ноги и швырнул в клетку с другими непокорными заключенными.

Голодная, страдавшая от жажды и боли, она вовсе не была напугана.

«Кому-то придется заплатить», — простонала она, едва придя в сознание.

«Скажи это вознице», — произнес низкий печальный голос. — «*Оркошам* такие хорошие слушатели».

Она заставила себя принять вертикальное положение. В тесной деревянной клетке с ней находились трое эльфов-мужчин и один гном. Все были связаны, как и она. Говорил гном.

«Как ты его назвал?»

«*Оркошам*. Огролюди. Так их зовут гоблины. Командиры наемников любят их, потому что те сильнее людей и работают за меньшую плату».

Кериан прижалась лбом к коленям, мечтая, чтобы ее несчастная голова не раскололась надвое. Что-то коснулось ее босых ног, и она подняла взгляд. Один из эльфов подтолкнул к ней накрытое ведро. Он при помощи зубов поднял крышку за веревочную ручку, отложил ее в сторону, а затем взял в рот изогнутый конец металлического ковша. Пока он крепко держал его, Кериан пила тепловатую воду из чашки на другом конце.

Когда она закончила, эльф снова накрыл ведро и отодвинул его в сторону. Кериан поблагодарила его. Он мрачно ответил: «Не благодари. Это не милость, жить подобным образом».

Сочувственное выражение его лица отражалось на лицах и остальных. Даже суровый гном глядел на нее с жалостью.

«Кто вы?» — спросила она.

«Мы были свободными. Теперь мы рабы», — ответил эльф. Он поднял голову и понюхал воздух. — «Я уже чую запах невольничьего рынка».

Она тоже ощущала его. Они приближались с востока, и ветер доносил запахи дыма от костра, открытых уборных и немытых тел. Кериан прижалась лицом к деревянным перекладинам и устремила взгляд вперед.

Как и большинство квалинестийских городов, Бианост был построен таким образом, чтобы, насколько это было возможно, оставаться естественной частью леса. С характерным изяществом, эльфы приспособили живые деревья под дома и магазины, а естественные поляны засадили цветами и фруктовыми деревьями, которыми и прославился город. Яблоки и фиги Бианоста были известны по всему Ансалону, а из собиравшегося в огромных ульях по периметру фруктовых садов меда варили самую крепкую на тысячу миль вокруг медовуху.

Растительная слава Бианоста осталась в прошлом. На его месте появился Самустал вонючее поселение, названное в честь капитана Самувала и управляемое лордом Олином Мэн-Дэлисом.

Наступили сумерки, еще более темные из-за дымной пелены над головой. Подпитываемый несколькими большими кострами и более тонкими струйками, поднимавшимися от бесчисленных очагов и уличных факелов, дым от дерева действовал как щит, удерживая запахи гниющего мусора, отхожих мест и орд немытых обитателей. Любовно сформированные из живых деревьев поколениями квалинестийцев структуры были искривлены и перекручены, кора почернела и отслоилась. Сердце города окружал частокол из строганных бревен. Снаружи этого четырехметрового забора раскинулась мешанина палаток, хижин и навесов. Захватчики срубили множество деревьев, чтобы построить дополнительные сооружения, но новые здания несли на себе следы поверхностной квалификации: плохо скрепленные бревна, покосившиеся стены, накренившиеся крыши.

Повозка проезжала окраины окружавшего Самустал городка из лачуг. Кериан знала, что если она собирается что-то сделать, она должна попытаться сейчас, прежде чем они въедут внутрь ограды.

«Нам нужно выбираться отсюда», — тихо сказала она.

«Отличная идея», — фыркнул гном. — «До сих пор у нас это отлично получалось».

«Если мы все будем работать сообща…»

«Мы все сообща умрем. Послушай меня, женщина. Я пытался сопротивляться. Все, чего я добился своими попытками, это треснувшего черепа, сломанного ребра и мертвого брата». — Его лицо скривилось. — «Все безнадежно».

Он подчеркнуто повернулся к ней спиной. Она посмотрела на троих эльфов. Они избегали ее взгляда.

«Послушайте меня! Это не безнадежно!»

Кериан дергала связывавшие ее запястья веревки и, наконец, смогла их ослабить. Лежа на спине, она подняла ноги и протискивала запястья под бедрами, пока те не оказались перед ней. Этот маленький успех не произвел впечатления на ее товарищей по плену.

Отлично. Она сделает это сама. Несколько десятков лет назад она попадала в рабство к эльфам Квалинести, которые полагали, что меняют к лучшему судьбу варваров-кагонести. Неважно, сколь благородны намерения или как добр хозяин, рабство есть рабство, и Львица не примет смиренно такую судьбу.

Она принялась кричать, стуча обеими ногами в стену повозки позади сиденья возницы.

Внезапно повозка остановилась. К клетке подошел гоблин, крича на пленников вести себя смирно. Кериан осыпала его оскорблениями, пока гоблин по глупости не ткнул в нее копьем сквозь перекладины. Она взялась обеими руками за древко и резко рванула. Лицо гоблина врезалось в деревянные перекладины, и Кериан тотчас подскочила к нему. Она обхватила его шею связанными запястьями, упала на пол и уперлась ногами тому в спину. Тяня руками и толкая ногами, Кериан сломала гоблину шею.

Она подобрала его копье. Острый наконечник быстро справился со связывавшими дверцу клетки веревками. В считанные секунды она уже была за дверью и неслась к запряженной в повозку лошади. Несмотря на свое раннее отсутствие энтузиазма, ее товарищи по плену выбрались из клетки вслед за ней и пустились наутек в разные стороны.

Раздались крики, но Кериан не теряла времени, чтобы оглянуться. Она перерезала наконечником копья узды лошади, и ударила пятками в бока животного. Та бросилась вперед…

… и тотчас рухнула. Кериан попыталась соскочить, но, в конце концов, для ее ослабленного тела это уже было слишком. Она тяжело упала на бок. Лошадь отчаянно ржала и билась, и Кериан заметила обмотанный вокруг ее задних бабок тонкий шнур. С каждой стороны шнур заканчивался деревянным шаром размером больше ее кулака.

Подбежали три гоблина и направили свои мечи ей в горло. За ними подошел полуогр. Это он швырнул странное оружие, что обвилось вокруг ног лошади и свалило ее.

Обратив свое внимание на Кериан, существо ударило ее тыльной стороной ладони, рассекая ей щеку и ставя синяк под глазом. «Больше никаких неприятностей», — приказал полуогр.

Ее подняли на ноги, связали руки за спиной, на этот раз запястья и локти. Ее лодыжки были стреножены шнуром из сыромятной кожи, позволявшим едва переставлять ноги. Поблизости на земле лежало тело одного из эльфов, убитого при попытке к бегству; другие двое успешно скрылись. Гнома, более медлительного, чем квалинестийцы, снова схватили.

Двое гоблинов отнесли Кериан обратно к клетке и зашвырнули внутрь. Дверь заперли, и вскоре они снова загромыхали по дороге. Тяжело дышавшая и разъяренная, Кериан кляла свою неудачу, совершенно ожидая, что ее мрачный компаньон присоединится к ней. Но он не стал. Вместо этого, впечатленный ее деяниями, гном спросил: «Кто ты, женщина?»

Кериан посмотрела на него одним нормальным глазом и вторым, начинавшим заплывать. «Свободный эльф», — резко ответила она. — «И я не буду ничьим рабом!»

Она закрыла глаза, положила пульсировавшую голову на грязный пол и принялась обдумывать свой следующий ход.

Гном молча рассматривал ее с задумчивым выражением лица.

* * *

Пленников поместили в большую клетку снаружи бывшей городской ратуши Бианоста. Это была одна из множества похожих клеток, разбросанных по городской площади рядом с аукционной площадкой. Прежде, чем их бросили внутрь, Кериан с гномом зарегистрировали у владельца аукциона, тощего как жердь человека с лысой макушкой и оловянной повязкой поверх левого глаза. Его недовольство задержкой обеда из-за позднего прибытия полуогра было смягчено при виде Кериан. Молодых эльфиек становилось все труднее и труднее

найти. В его здоровом глазу светилась признательность.

Верная своему слову, Кериан в плену не вела себя послушно. Она подралась с гоблинами, которые несли ее, пнув одного в живот, а другого в лицо. Полуогр не вмешивался. Существо казалось довольным ее духом, громко смеясь с каждой травмой, что она наносила несчастным гоблинам.

Дюжина горемык толпилась в садке, деревянном ящике с низким потолком и лишь пяти метров в длину и ширину. Разъяренные гоблины не потрудились развязать Кериан. Ее просто бесцеремонно вывалили в грязь на полу клетки. Гнома втолкнули вслед за ней, и дверь закрыли и заперли.

«Почему ты продолжаешь драться с ними?» — спросил он. — «Что тебе это дает?»

«Удовлетворение». — Она подергала связанными руками. — «Можешь избавить меня от них?»

Он занялся веревками, терпеливо корпя над тугими узлами. Она продолжала дергаться и вертеться, изучая их темницу. «Стой спокойно», — проворчал гном.

Когда Кериан стала свободна от пут, она вскочила и внимательно обошла садок по периметру, подробно изучая стены, потолок и пол.

«Что ты ищешь?» — спросил один из других пленников.

«Путь наружу».

«Здесь нет такого».

«Всегда есть путь наружу. Фокус в том, чтобы найти его».

Эльф не потрудился ответить, но гном тихо спросил: «Ты, в самом деле, веришь в это?»

Она оглянулась на него через плечо: «Да, верю».

Кериан двигала затекшими руками, осторожно разминая их. «Меня ловили и прежде. Все, что требуется для спасения, это упорство». — Слабая улыбка коснулась ее лица в синяках. — «И немного удачи».

Эльфы рассмеялись над ее отважными речами. Они были основательно запуганными работорговцами местными фермерами, торговцами и рыбаками.

Гном рассказал о попытке Кериан к бегству по дороге в Самустал, как она убила гоблина-стражника и дала возможность сбежать двоим их товарищам по плену. Никто из эльфов это никак не прокомментировал, но его слова подействовали на них. Когда Кериан начала расспрашивать их о полезной информации, те отвечали довольно охотно. Они также поделились своим последним хлебом и водой.

Единственными охранниками, которых они видели, были гоблины и люди, которые периодически приводили новых пленников или забирали кого-то. Кериан была рада слышать, что полуогры сюда не приходили. Раз в день дверь открывалась, и один из охранников ставил внутрь пищу и воду, пока двое других держали мечи направленными на пленников. Следующая такая доставка должна была произойти в течение часа, отличные новости для практически пустого желудка Кериан.

Она провела время с пользой. Не раскрывая своей личности, она постаралась расшевелить подавленных пленников. Ее решимость, ее желание найти способ выбраться, наряду с рассказом гнома об ее предыдущем успехе, стали пробуждать их от пассивности. Ко времени, когда вернулись стражники, план Кериан был готов.

Стук в дверь и громкий приказ отойти возвестил о прибытии охранников.

Гном завопил: «Мне кажется, она мертва! Вы убили эльфийскую женщину!»

В маленьком окошке появилось бородатое лицо человека. Кериан лежала на полу прямо

в дверном проеме, ее руки были связаны (весьма свободно) за спиной.

«Уловка», — усмехнулся человек.

«Говорю тебе, она мертва. Она упала несколько минут назад. Думаю, она не ела несколько недель».

Человека это не убедило, но он заколебался. Гном добавил: «Ну и ладно. Мне-то что. Но когда Олин узнает, что ты дал умереть ценному имуществу…» Он пожал крепкими плечами.

Человек посовещался снаружи со своими соотечественниками. Он по-прежнему не был полностью убежден, но, эльфийка, сколь бы ни была вздорной, являлась наиболее ходовым товаром печального лота. Лорд Олин был бы в ярости от такой потери.

«Все остальные, отойдите от двери», — приказал он.

Пленники подчинились, прошаркав в дальний угол, насколько позволяло тесное помещение. Дверь медленно открылась. Двое стражников держали мечи направленными на пленников. Третий осторожно двинулся вперед. Он взял Кериан за руку и поволок ее за дверь. С закрытыми глазами, болтающейся головой, она позволила тащить себя по грубым доскам, точно мешок. Когда она освободила дверной проем, дверь снова захлопнулась.

Пленники услышали какое-то бормотание, топот ног в сапогах по мостовой, затем воцарилась тишина. Они обменялись негодующими взглядами.

«Она солгала нам!» — зашипел один. — «Она сбежала и оставила нас тут!»

Занятые женщиной-заключенной, охранники забыли оставить пищу и воду. Эльфы кляли голод, кляли свою собственную глупость, что поверили лжи, и кляли гнома, что заставил их поверить.

«Чего вы ждете?»

Тринадцать пар глаз распахнулись при виде лица Кериан в маленьком окошке. В считанные мгновения пленники выбрались из деревянного ящика, с удивлением глядя на лежащих в тени клетки без сознания (или мертвых) двоих стражников-людей. На лице Кериан появились несколько свежих порезов, и открыто кровоточила рана на руке, но она держала в одной руке окровавленный меч, а в другой — связку ключей.

«Как…» — начал, было, гном.

Она сунула ему ключи и сказала: «Идем!»

Дюжина пар чувствительных ушей позволяла им избегать обнаружения, пока они проделывали извилистый путь вокруг переполненных клеток. Самой сложной задачей было заставить взволнованных пленников сохранять молчание, пока они крались мимо. Было видно лишь несколько охранников, о которых позаботилась Кериан, и причина этого вскоре прояснилась.

В центре площади были установлены несколько грубо сколоченных столов, и там шумно принимали пищу стражники. К счастью, большинство из них сидели спинами к рядам клеток. Обычно заключенные были такими покорными, что охранники стали относиться к ним с пренебрежением, и не особо тщательно присматривали за ними.

Кериан, действуя как наблюдатель, подавала сигналы остальным, когда можно было перебегать открытое пространство между рядами клеток. Поодиночке или парами, все двенадцать эльфов пересекли открытое пространство, Кериан с гномом были замыкавшими.

Они оказались в усыпанном мусором переулке. Тем не менее, открытый воздух был бальзамом для прежде задыхавшихся от вони слишком тесного присутствия множества гоблинов и людей.

«Что теперь?» — спросил один из эльфов, и остальные посмотрели на Кериан, ожидая

ответа.

У нее зудело найти оружие. Но она понятия не имела, куда идти, и, в любом случае, ее отряд беглецов состоял не из крепких солдат, так что она пожала плечами. «Бежим. Тихо и осторожно, будем бежать».

Налево от них узкая улочка соединялась с более широкой дорогой, лучше освещенной и, следовательно, не привлекательной. Справа улица заканчивалась воротами. С того направления шел запах лошадей. Бегство верхом ставило дополнительные проблемы, но им требовалась прибавка в скорости и мобильности, решила Кериан.

С орудовавшей мечом Львицей во главе, маленькая группа направилась к воротам.

Прошло не так много времени, прежде чем она начала сожалеть о своем решении. Двое членов ее маленького отряда, пара братьев, промышлявших рыбной ловлей, признались, что не умеют ездить верхом. Она велела им сесть с другими, но братья боялись лошадей и, в любом случае, никто из оставшихся не хотел иметь пассажиров, когда, скорее всего, кавалерия лорда Олина будет наступать им на пятки. Беглецы принялись громким шепотом спорить.

Они прятались позади груды мусора прямо снаружи стойла. Каждая секунда задержки приближала время, когда их отсутствие будет обнаружено, и будут начаты поиски. Тем не менее, все увещевания Кериан не смогли заставить эльфов ни на шаг приблизиться к конюшне. Взбешенная, она велела братьям выбираться из города пешком.

За стойлом присматривала лишь парочка мальчиков-конюхов. Один только что вернулся с их ужином, и они удалились в домик поесть.

Низко пригибаясь, эльфы вошли в стойло. Кериан сказала им, что делать. Они должны тихо оседлать лошадей. Каждый всадник должен лежать, пригнувшись к шее лошади, пока Кериан открывает ворота, а затем животных следовало пустить галопом. Скача все вместе, они получали хороший шанс добраться до ограды, прежде чем их смогут остановить. У ограды им нужно было растоптать любого, кто попытается преградить путь. План был не ахти, но, учитывая, с чем ей приходилось иметь дело, Кериан понимала, что придется поступить так.

Едва они начали седлать лошадей, как на соседней улице послышались крики. Кериан замерла, прислушиваясь, и довольно быстро стало очевидно, что их исчезновение, наконец, обнаружили.

«Давайте!» — прошипела она. Она помогла последнему эльфу взобраться на лошадь и ринулась к воротам.

Из-за шума на улице мальчики-конюхи вышли из домика. Оба стояли с другой стороны ворот, с бокалами пива в руках, спинами к Кериан. Она бесшумно подняла засов, и затем направилась назад. Сделав глубокий вдох, она закричала, в то же время шлепая лошадей по бокам. Всадники запустили пальцы в гривы животных, и стадо ринулось вперед. Кериан ухватилась за пробегавшую лошадь и вскочила на нее. Передовые животные врезались в незапертые ворота. Те распахнулись. Мальчики-конюхи бросились в стороны, и они были на свободе.

Низко прижавшись к шее своей лошади, Кериан направляла ее влево, прочь от городской площади. Ее скакун был молодой кобылой. Она двинулась вперед стада, и остальные животные последовали за ней. Отвечая на давление ног и ступней Кериан, кобыла забирала левее, на улицу, ведшую с холма к воротам в ограде.

Кериан услышала крик. Один из эльфов потерял равновесие и упал между мелькавшими

копытами. Ему уже ничем нельзя было помочь. Лошади прогрохотали дальше.

Из бежавших эльфов были плохие всадники, и езда без сбруи галопом собирала свою плату. Еще трое упали и были растоптаны. К тому времени с боковых улиц появились конные наемники. Они скакали рядом с беглецами, раскручивая петли лассо. Мастерски брошенные, веревки затянулись на шеях скакавших галопом лошадей, вынудив их вскоре остановиться. Все больше и больше брошенных лассо, и вихрь лошадей превратился в ржущую беспорядочную массу.

Кериан соскользнула со спины кобылы и, приземлившись, низко пригнулась среди беспорядочно топчущихся копыт. Она обнаружила гнома среди свалившихся всадников и подняла его на ноги. Если бы они смогли добраться до противоположной стороны улицы, то смогли бы исчезнуть в лабиринте обшарпанных домов.

Что-то ударило ее по ноге, сбивая на землю. Кериан обернулась, но не смогла освободиться. Гном упал ей на ноги. Из его спины торчали две стрелы. Третья пронзила ему шею. Он был мертв, а она даже не знала его имени.

Чьи-то руки грубо поставили ее на ноги. Лошадей увели, освобождая улицу. Из четырнадцати бежавших заключенных в живых остались лишь Кериан и четыре других эльфа. Никто не смог вырваться на волю. Пятерых выживших связали и потащили обратно к лорду Олину.

* * *

Бывшая резиденция мэра Бианоста стояла напротив ратуши. Отблески костров играли на каменных ступенях. Бросающееся в глаза число стражников делало очевидным, что Олин Мэн-Дэлис занял особняк для себя. Фасад из песчаника был в следах копоти, а изящные высокие окна грубо заложены кирпичом, оставив лишь узкие отверстия, сквозь которые могли вести огонь лучники. Орнаментальные бронзовые двери были почти скрыты за бруствером высотой с человеческий рост из бревен и мешков с песком. Вход охраняли не менее пятнадцати вооруженных бандитов.

Лорд Олин стоял на каменных ступенях, когда к нему привели беглых заключенных. Высокий, с серо-стального цвета волосами, Олин был облачен в полный доспех и тяжелую темную накидку, призванную скрыть его худобу. Узкие, близко посаженные глаза и когда-то сломанный и неумело вправленный кривой нос придавали ему зловещий вид. Новости о побеге прервали его обед, отчего он пребывал в дурном расположении духа. Несмотря на вечную худобу, он обладал отменным аппетитом, и еда была одним из самых больших удовольствий в его жизни. Ответственные за прерывание его приема пищи познают его гнев.

Он сердито смотрел на стоявших на коленях у подножья лестницы связанных эльфов. Женщину он игнорировал, сосредоточив свое внимание на четырех мужчинах.

«Как вы сбежали?» — спросил он.

Когда ответа не последовало, гоблин ударил одного из заключенных, отчего тот упал лицом вниз. Олин повторил вопрос.

Эльфы испуганно переглянулись, но по-прежнему ничего не сказали. Гоблин занес меч, готовый снести голову одному из заключенных, но Олин остановил его руку. Его лицо сильно раскраснелось. Он протопал вниз по ступеням, остановившись на последней.

«Бунт недозволителен!» — проорал он. — «Я узнаю, кто ваши зачинщики и разберусь с

ними!»

Он сделал жест в сторону двух эльфов: «Отведите их в башню. Верните остальных в клетки». Он помчался вверх по ступеням.

Пленников тычками и угрозами повели через площадь в сторону ратуши. Там их разделили, Кериан и двух эльфов вернули в садок, а двоих выбранных лордом Олином потащили в длинный лестничный колодец, который вел наверх ратушной башни.

Кериан спросила своих товарищей по плену, что было в башне. Ответа не последовало. Они сжались в дальнем углу клетки, их отчаяние было еще сильнее из-за короткого вкушения свободы. Вскоре они трое услышали крики.

Когда первый эхом разнесся по воздуху, Кериан рванулась к двери. Стоя на цыпочках, она выглянула в маленькое окошко. Снаружи стояли трое стражников.

«Дикари, что происходит?» — спросила она.

Двое охранников проигнорировали ее. Третий, моложе остальных, неторопливо прохаживался, разглядывая Кериан с неподдельным интересом.

Еще один вопль прорезал воздух, крик души в ужасных мучениях. Кериан стукнула кулаком по двери.

Молодой стражник улыбнулся: «Лорд Олин хочет знать, кто виноват в побеге. В башне ответы на вопросы получают либо быстро, либо совсем не получают».

«Оставьте их в покое! Скажите ему, это была я!»

«Несомненно, я так и сделаю». — Бандит, смеясь, двинулся прочь.

Что бы она ни говорила, это не имело значения. Никто из стражников не верил ей. Лишь молодой хотя бы заговорил с ней, и то, лишь затем, чтобы сделать непристойные предложения. Отдаленные крики время от времени повторялись.

Какое-то время спустя, ее разбудил легкий стук в дверь темницы. Она не знала, сколько времени дремала, но смех молодого стражника заставил ее быстро вскочить на ноги.

«Похоже, ты не лгала. Оба они сознались, что ты все спланировала». — Он покачал головой, одобрительно ухмыляясь. — «Ты — зачинщик».

«Что с ними случилось?»

«О, они мертвы. Поверь мне, им повезло. Для тебя все не закончится столь быстро». — Кериан не спросила, что он имел в виду, но тот и так добровольно это рассказал. — «Тебя казнят, в назидание другим потенциальным мятежникам. Послезавтра». Он ушел.

Ощущая вину и бессильную ярость, Кериан сползла на пол.

5

Кладбище у Врат лежало между двух холмов, скрытое от огней города и двигавшегося по прибрежной дороге транспорта. Долина была неглубокой и болотистой, так что могилы сооружали над землей. Омываемые светом звезд, они стояли, словно упорядоченные ледяные блоки, белые и блестящие. Большинство было каменными коробками без украшательств, но некоторые искусно сооруженные мавзолеи несли имена когда-то важных в этой провинции фамилий.

Как и для самой нации, для кладбища настали тяжелые времена. Вокруг оснований монументов разрослись сорняки. Трава выросла по колено и забила проходы. Вьющиеся растения опоясали и великие, и простые могилы. Тут и там, каменные коробки развалились от непогоды или внимания грабителей могил. Разрушенные могилы быстро затягивались сорняками. Кладбища и в лучшие времена были печальными местами. Располагавшееся у Врат было мрачным свидетельством трагедии нации.

На одной из заросших тропинок стояла одинокая фигура, облаченная в длинный льняной женский халат. Она сделала несколько шагов и вышла из густой тени обелиска, и свет звезд омыл ее бледные черты холодным сиянием. Ее лицо могло бы украсить изящную статую наверху одного из прекраснейших памятников. Ее ошеломительную красоту заглушала глубокая боль, Эльхана Звездный Ветер была живым воплощением скорби.

Стрекот козодоя заставил ее вздрогнуть. Затем на затянутой травой боковой тропинке появилась фигура в плаще с капюшоном, как у нее.

«Какие вести?» — прошептала она.

Вновь прибывший отбросил широкий капюшон, открыв худощавое лицо, миндалевидные глаза и высокий бледный лоб. Как и Эльхана, Самар был сильванестийцем. На его горле мелькнул отблеск железа — латный воротник.

«Ничего, что могло бы подтвердить слухи, госпожа, но, также, и ничего, что могло бы опровергнуть их».

Линия ее рта стала жестче. Каждый день, что она проводила в этой земле, был опасным и дорогостоящим. Опасность она могла вынести, но мало что могла сделать, чтобы уменьшить истощение своего скудного кошелька.

Она больше не задала вопросов, предпочитая выслушать полный отчет Самара, когда они воссоединятся со своим отрядом. Они оседлали поджидавших лошадей и, с Эльханой во главе, покинули заброшенное кладбище.

Самар следовал в трех шагах позади, как он чувствовал, было правильно. Давнее знакомство позволило ему распознать разочарование своей госпожи. Надежда на время придала ей силы, в последнее время ее осталось крайне мало, а Эльхана начинала понимать всю безрассудность преследуемой ей мечты.

Ее единственного ребенка, на которого она возлагала свои надежды о будущем эльфийского народа, забрали у нее. Никакой героической гибели, ни даже достойной, не было даровано Сильванешу. Он пал жертвой, убитый женщиной, которую любил, ложной пророчицей темного божества. Портиос, ее муж, за которого Эльхана вышла по долгу, а позже полюбила, также погиб, убитый в той же самой войне, что забрала их сына. Быть сожженным с неба огненным дыханием дракона, это был величественный конец для воина и короля. Ошибкой, думал Самар, было, что Эльхана не могла принять то, что ее муж был

мертв. Испепеленное тело его грифона нашли, но всадника не обнаружили. Из этой тусклой надежды Эльхана простроила фантазии, что ее муж может все еще быть жив.

Их родина была разграблена, их народ разбросан, но она не прекращала свой поиск. Воскресший муж был бы уже из разряда совсем чуда, но как минимум она собиралась найти его останки и видеть их должным образом преданными земле. Однако, Эльхана пришла на давно заброшенное кладбище не для того, чтобы найти могилу Портиоса. Даже до нее в бегах дошли слухи о загадочном лидере, который ковал восстание из немногих оставшихся эльфов Квалинести. Старое кладбище служило укромным местом в ожидании, пока Самар с риском проник во Врата, чтобы собрать всю информацию, что только мог, о многообещающем мятеже и его предводителе. Безмолвная, словно привидение, Эльхана бродила среди забытых мертвецов, ожидая вестей о своем пропавшем муже.

Они лишь два дня находились на материке. До этого, Эльхана со своим небольшим отрядом верных сторонников жили на острове Шэлси, где их терпели, но не приветствовали. Она могла бы вернуться в леса своей собственной страны. Там все еще были скрытые долины, где осторожный обитатель мог жить с небольшим риском быть обнаруженным. Но когда убивают, обращают в рабство в их собственных странах или изгоняют в чужие земли сильванестийцев, квалинестийцев и кагонестийцев, Эльхана не станет искать лесной покой для самой себя. Она долгое время странствовала по землям Нового моря, пока усталость и надвигавшаяся нищета не заставила ее осесть в Шэлси. Оттуда она продолжила свои поиски, рассылая агентов изучать слухи и расспрашивая путешественников, прибывавших из бывших эльфийских земель.

Не просто слухи о мятежнике в маске заставили Эльхану вернуться на материк. Кто угодно мог надеть маску по куче причин. Но следовавшие за мятежником кагонестийцы звали его «Великий Лорд», титул, обычно использовавшийся по отношению к Беседующему или его наследнику.

Самар спорил, что это была недостаточная для нее причина, чтобы рисковать проникнуть в оккупированный Квалинести. Кагонестийцы были правдивым народом, но придавали большое значение мистицизму и символичности. Их Великий Лорд мог быть практически кем угодно. Казначей Эльханы, почтенный Чатендор, соглашался с Самаром. Эльхана же — нет. Она намеревалась отправиться в Квалинести. Что бы они ни чувствовали насчет ее поисков, и, несмотря на ее отречение от трона, она всегда будет их королевой. Они и несколько сот сильванестийских воинов отправились с ней через море.

Территория к востоку от Врат представляла собой холмистые луга, давно расчищенные от всего, кроме самых маленьких молодых деревьев и кустов. Эльхана с Самаром поднялись на небольшую возвышенность и натянули поводья. Пейзаж представлял собой лишь залитый звездным светом луг. В ответ на тихий свист Самара, казалось, склоны холма ожили. Из каждой котловины, каждого клочка укрытия поднялись эльфы, их облаченные в зеленое и коричневое фигуры казались черными в темноте.

Один из эльфов направился поприветствовать вновь прибывших. Даже по меркам расы долгожителей, Чатендор был очень стар, более чем вдвое старше Эльханы. Возможно, потому что он так долго жил, казначей был единственной по-настоящему бесстрашной личностью, кого знала Эльхана. Однажды он сказал ей, что в его возрасте смерть не являлась пугающей абстракцией, которую следовало избегать любой ценой, а терпеливым посетителем, ожидавшим неизбежного приглашения. Без капюшона, его седые курчавые волосы блестели глянцем при свете звезд.

«Какие новости?» — прошептал он, непроизвольно повторив вопрос Эльханы Самару.

Они оба спешились, и Самар доложил: «Несколько недель небольшой отряд кагонестийцев под предводительством эльфа в маске грабил небольшой неракский форт Альдерхелм, убивая наемников по двое и по трое. Во Вратах ходят слухи, что темный рыцарь, посланная в форт, чтобы прекратить неприятности, сама подверглась нападению, и весь ее отряд ночью был похищен».

«Кендерские байки!» — усмехнулся Чатендор.

«Несомненно, нет. Рыцарь направила донесение в цитадель Ордена в Френосте. Посыльного занимали в таверне „Верховой Рог“, на полпути между Френостом и Гаванью, пока копировали содержимое его сумки. Новости добрались до Гавани раньше него, и, также, обошли его во Вратах».

«Самар, там было описание?» — спросила Эльхана, не придавая значения источнику новостей.

«В маске, закутанный с головы до пят в драную рясу, но правильно говорящий, с дикцией и словарным запасом высокорожденного квалинестийца».

«Квалинестиец», — повторила она, голосом чуть слышным, чем вздох. Возможно, в конце концов, ее поиск не был дурацкой затеей.

Она справилась с эмоциями, напомнив себе, что это лишь слабая ниточка. «Высокорожденный» квалинестиец мог быть придворным или бывшим офицером королевской армии, надевшим капюшон, чтобы привести бандитов в замешательство. Тем не менее — именно этот слух что-то затронул в глубине ее сердца. Она испытала так много разочарований. Полгода она преследовала предполагаемого Портиоса по окрестностям городов Бухты Неожиданности, всегда на один шаг позади, пока, наконец, не столкнулась с ним в одном из игорных домов Волмиша. Выдававший себя за ее мужа самозванец был всего лишь на четверть эльфом, говорливым лжецом, ухитрившимся убедить дюжины доверчивых слушателей в том, что он был потерянным правителем Квалинести. Это было всего лишь мошенничество, его способ поиска легкой жизни. Будучи пойманным, он сознался. Эльхана простила его. А Самар, втайне от нее, нет. Когда его печальная королева скрылась из виду, Самар удостоверился, что самозванец больше не будет продолжать свое занятие, отправившись кормить рыб в Бухте Неожиданности.

«Мы должны отправляться в Альдерхелм», — заявила она.

Лейтенанты Эльханы запротестовали. Плохо, что она уже зашла так далеко, но проникнуть в оккупированный Квалинести было невероятно рискованно. Если капитан Самувал схватит бывшую королеву Сильванести, она, несомненно, умрет. Не осталось никого, чтобы выкупить ее.

Она была глуха к их возражениям. Эльхана резким замечанием заставила их замолчать. Ей нужно было для самой себя знать правду. Она устала ждать в безопасности, пока другие рисковали своими жизнями, ведя для нее поиски.

Она поблагодарила их обоих, велев Самару подготовить солдат и отправив с ним казначея. Ей необходимо одиночество, время подумать.

Она поскакала в направлении разрушенного кладбища, но недалеко. Самар пришел бы в ярость, если бы она скрылась из виду. Натянув поводья, Эльхана откинула капюшон, развязала скрывавший вздернутые уши и стягивавший волосы шарф. Темный как ночь сноп упал до середины ее спины. Она подняла взгляд к звездному небу.

Было ли и в самом деле возможно, что Портиос жив, или она все время обманывает

себя? Чтобы вернуть ее мужа к жизни, требовалось больше чем маска и аристократический стиль, но его тело так и не нашли. Если кто и смог бы выжить в пламени дракона, так это Портиос. Был еще один, намного более сложный вопрос, над которым ей не нравилось размышлять: если он выжил, почему оставил ее в одиночестве оплакивать его смерть и смерть их сына?

Ее одиночество слишком скоро закончилось. Самар и Чатендор прискакали сообщить, что их воины готовы выдвигаться. Как бы ни протестовал он против ее поступков, Самар был самым преданным из друзей, которых она знала. Чатендор, при легкой туповатости, обусловленной почтенным возрастом, был мудрым и находчивым. Он видел аспекты, которые другие не замечали. Не раз он спасал ее от гибели, просто своим умом. Вооружившись двумя своими сторонниками и своей собственной решимостью, Эльхана не боялась отправиться в Квалинести.

* * *

Британ Эверайд поежилась. Солнце еще не взошло, но небо, чистое как горное озеро, меняло свой цвет с индиго на западе до лазурного на востоке. Южный ветер нес холодное дыхание Ледяной Стены, и она плотнее затянула плащ вокруг шеи. Она стояла в длинном узком внутреннем дворе, примыкавшем к внешней стене Черной Резиденции. В этой Резиденции находился лорд Эгил Лайфскил, отвечавший за мир и безопасность в Южном регионе, как темные рыцари назвали бывшее эльфийское королевство Квалинести.

Она прибыла в Резиденцию накануне вечером. Несмотря на поздний час, ее проводили прямо в комнату для аудиенций лорда Лайфскила. Лайфскил сидел за большим овальным столом, чья обсидиановая поверхность была завалена книгами, пергаментами и пачками докладов. Хозяин Черной Резиденции почти каждый вечер работал допоздна.

Белокурые волосы Лайфскила все еще были коротко пострижены, но с тех пор, как она последний раз видела его, он отрастил короткую бородку, опоясывавшую квадратный подбородок. Он выглядел бледнее, чем она его помнила, но, возможно, это было из-за комбинации света свечи и контраста темно-синего мундира. Лайфскилу когда-то предсказали, что он будет в опасности из-за огня, так что внутри Резиденции не дозволялось никаких современных ламп. Британ понятия не имела, как многочисленные стойки со свечами могли быть безопаснее масляных ламп, но от них было, несомненно, теплее. Британ сильно потела в доспехах.

«Я слышу странные вещи», — произнес он, даже еще не взглянув на протянутые ей документы. — «Ты принесла весть о бунте на Юге».

Британ не удивилась, что эти новости опередили ее; у Черной Резиденции были шпионы в каждом городе и каждой деревне. Лайфскил взял ее доклады. Документы, которые она составляла полтора дня, он просмотрел за несколько секунд, а затем сел обратно в кресло. На его лице нельзя было ничего прочесть.

«Почему?» — наконец, спросил он. — «Почему этот мятежник в маске оставил тебя в живых, чтобы доставить в Орден вести о его деяниях? Зачем умышленно привлекать наше внимание?»

Прежде, чем она смогла ответить, он сам дал ответ на свой вопрос: «Это отвлечение внимания. Он хочет, чтобы мы прочесали в его поисках Альдерхелмский лес, пока он

нанесет удар по своей истинной цели. Есть у тебя предположение, что это может быть?»

Его острая проницательность заставляла ее стараться не отставать: «Милорд, я не верю, что он командует больше, чем несколькими дюжинами лесных жителей. Одно дело, разграбить маленький аванпост, другое — полагать, что он может представлять опасность для Ордена. Трудности в подсчете кагонестийцев хорошо известны, но наша перепись оценивает их общее число в Южном регионе в три-четыре тысячи. Даже если бы он мог командовать ими всеми, этого числа едва ли достаточно для того, чтобы разрушить наши крепости».

Он не ответил. Британ вспотела еще сильнее. Ее неудача с мятежником в маске была унизительна, а Орден редко прощал неудачи. Она решила, что требуется немного дерзости.

«Милорд, позвольте искупить вину. Дайте мне отряд, и я…»

«Нет».

Его категорический отказ вызвал у нее дрожь сомнения. Отстраненный взгляд Лайфскила обратился на нее, и Британ приготовилась принять неизбежное.

«Неудача была лично твоей. И ты лично искупишь вину».

Шевельнулась слабая надежда. Возможно, ее единственный выбор не был между позором или смертью.

К сожалению, он больше ничего ей не объяснил, лишь отпустил, сказав, что пошлет за ней с рассветом. Его дворецкий, Дюкейн, проводил Британ в роскошную спальню, где ее ждала изысканная пища. Было ли это последним ужином приговоренного, или просто любезность по отношению к коллеге-рыцарю и члену Черной Резиденции?

Она подкрепилась едой, вином и непривычной роскошью удобной кровати.

Было еще полчаса до рассвета, когда Дюкейн постучал в ее дверь, но она уже была готова и ждала его. Он проводил Британ во внутренний двор Черной Резиденции, где ее поджидал Лайфскил.

С ним были двое ремесленников в коротких туниках, мешковатых брюках и высоких ботинках. Лайфскил представил их. Старшего, с седыми волосами и жидкой бородкой, звали Гонтар, он был изготовителем луков. Другим, почти ровесником Британ и чисто выбритым, был подмастерье Гонтара, Веймарк.

Прохладный ветерок задувал между вертикальными каменными стенами. Гонтар держал завернутый в бархат сверток, который и протянул Британ. Это оказался большой искусно сделанный арбалет. Несмотря на всю неопределенность ситуации, она была заинтригована. Лайфскил знал, что арбалет был излюбленным ее оружием.

Хоть и большой, тот был удивительно легким. Черное ложе из железного дерева имело значительные вырезы по всей длине, делая оружие значительно легче, чем оно выглядело. Не было желоба под стрелу. Тетива была заделана в ложе, а не лежала поверх его. В передней части ложа было квадратное отверстие для вставки болта тупым концом. Еще более необычной была закрепленная в верхней правой части ложа трубка. Она была медной, тщательно черненой, за исключением рифленых колец на одном конце. На месте привычного спускового крючка сквозь ложе было наполовину проделано круглое отверстие. Внутри находился спусковой крючок из слоновой кости. Оружие было достаточно легким, чтобы она могла держать его на полностью вытянутой руке. Несомненно, его сконструировали для подобной стрельбы, если возникнет необходимость.

В дальнем конце двора, в сотне метров, на куче мешков с песком была закреплена очень маленькая белая мишень. Мишень выделялась на фоне черной стены.

Веймарк опустил передний конец арбалета на землю. Он нажал кнопку, и открылась пластина. Британ ошибалась по поводу способа заряжания этого оружия. Болт не вставляли тупым концом спереди ложа, а вкладывали острием вперед в скрытую выемку. Веймарк вставил три коротких болта, затем закрыл накладку на шарнирах. Вместо того, чтобы делать один выстрел, он мог сделать три до перезарядки.

Веймарк взвел тетиву при помощи железного рычага снизу передней части ложа. Скрытая тетива согнула стальные плечи арбалета и со слышимым щелчком встала на замок. Не издав ни единого звука, кроме тихого щелчка при спуске вощеной тетивы, арбалет отправил в дальнюю цель свой черный снаряд.

Веймарк протянул арбалет Британ и принес мишень. Бумажный диск был не шире ее ладони, но острие болта пронзило точно его центр.

Лорд Лайфскил, наблюдавший скорее за Британ, чем за этой демонстрацией, сказал: «Попробуй».

Взведя тетиву, Британ уперла оружие в плечо. Темный туннель прицельной трубки делал свежую белую мишень заметной, как маяк. Ее болт ударил ниже цели, порвав мешки с песком. Неплохо для первого выстрела из незнакомого оружия.

Лайфскил отослал ремесленников. Когда те ушли, он сказал Британ, что арбалет теперь ее. Она знала, что это еще не все. Хозяин Черной Резиденции не дарил подарков.

«Отправляйся в Южный Регион, найди предводителя эльфов в маске и убей его», — сказал он с несвойственной прямотой. — «В арсенале есть обтянутый кожей ящик. В нем лежат различные болты для этого оружия. У каждого есть особое применение».

Те, которыми воспользовались она с Веймарком, звались шепчущими болтами, летавшими бесшумно на эффективную дальность до двухсот метров. Были также болты «молния», которые могли пронзить с сотни метров двухсантиметровую пластину стальных доспехов. Огненные болты, пропитанные зажигательной пастой, воспламенялись через три секунды после выстрела. Болты «зуб дракона» имели покрытые ядом скользящие наконечники.

«Используй болты „зуб дракона“ лишь, когда увидишь в прицеле мятежника. Любая царапина приведет к смерти в течение дня. Рана поглубже, и жертва протянет час. Вонзи болт в его плоть, и он будет мертв, прежде чем его голова коснется земли. Ты отправляешься сегодня».

«А моя поддержка?»

«Никакой. Найми, если потребуется, носильщиков или проводников. Убей их, когда больше будут не нужны. Понятно?»

Она поняла. Несказанным, но понятым ими обоими было, что Британ должна добиться успеха или умереть.

Он ушел, оставив Британ одну в огромном внутреннем дворе. Ветер трепал ей волосы и швырял в лицо. Ей дали второй шанс. Она не подведет. На кону была ее честь, как Эверайд, как и сама жизнь.

Не будучи особо одаренным воином или отважной в общепринятом рыцарском значении, Британ давно поняла, что ей никогда даже не приблизиться к сравнению с деяниями ее прославленного отца. Ей было предназначено оставить свой собственный след, так что она выбрала другой путь, отличный от славы на поле брани. Лорд Бернонд не одобрял выбор своей единственной дочери присоединиться к ордену Лайфскила. Давно вышедший в отставку, он проводил дни в своем поместье близ Лемиша как любой успешный

старый командующий, преследуя бандитов, устраивая банкеты на годовщины своих побед, охотясь и тренируя солдат. Скрытые кинжалы и отравленные чаши иногда могут быть необходимы, говорил он, но настоящий воин не ищет их. Он сравнивал Черную Резиденцию с надгробием и клеймил ее домом без чести. Британ бросила вызов его осуждению и выбрала свой собственный путь. Если он пролегает в тени надгробия, пусть так и будет.

Озаряемая вспышками молний, она приложила к плечу новый арбалет и отправила третий, последний, шепчущий болт точно в центр мишени.

6

Путешествие в Самустал большей частью прошло в молчании. По природе своей молчаливые, кагонестийцы между собой общались жестами и мимикой. Пленным неракцам мало что было сказать, да и почти не оставалось дыхания для разговоров. Охранявшие их эльфы заставляли их двигаться, позволяя делать лишь короткие остановки для приема пищи, воды или отдыха.

Между собой, люди окрестили своего тюремщика в маске Пугалом из-за ободранного внешнего вида. По его речи и манерам было очевидно, что он — эльф, и люди недоумевали, почему он так тщательно скрывается. Недалеко от их пункта назначения, когда они пересекали речушку с крутыми берегами, сержант Джералунд мельком под лохмотьями увидел самого эльфа.

В далеком прошлом, Беседующий с Солнцем отряжал лесные патрули, чтобы инспектировать мосты, дороги и туннели в своем королевстве и поддерживать их в хорошем состоянии. Эта необходимая служба игнорировалась наводнившими Квалинести захватчиками. Когда Джералунд, замыкавший цепочку пленников, уже почти перешел мост через Клеймор Крик, он почувствовал, как доски уходят у него из-под ног. Он вскрикнул, ожидая разбиться вдребезги о булыжники в двадцати метрах под ним. Вместо этого, он внезапно повис, болтая в воздухе обутыми в сапоги ногами.

Задыхаясь, он посмотрел вверх. Пугало одной рукой схватил лиану, соединявшую связанные запястья Джералунда с запястьями впереди стоявших. Другая его рука сжимала руку пленника впереди Джералунда.

«Тяните!» — приказал он, стиснув зубы от усилия удержать полный вес человека.

Пленники с кагонестийцами напряглись, вытягивая Джералунда. Сержант взобрался на мост и встал на руках и коленях, тяжело дыша и дрожа от облегчения.

Он посмотрел наверх, разглядывая стоявшую над ним фигуру в лохмотьях. «Ты сильнее, чем выглядишь».

Джералунд резко осекся. Ряса Пугала разошлась на животе. Прореха в обносках открыла не бледную кожу или проступающие ребра, а ярко-красную плоть, испещренную воспаленными рубцами.

Это видение длилось лишь секунду. Кагонестиец рывком поднял Джералунда на ноги, и колонна пленников двинулась дальше. Тем временем, Пугало скрылся среди деревьев, оставив Джералунда размышлять над смыслом увиденного.

Их тюремщик в маске был очень серьезно обожжен. Его плоть выглядела как шкура картэйской береговой ящерицы. Если и в остальном он был чем-то подобным, не удивительно, что он кутался с головы до пят. Будучи солдатом, Джералунд знавал много изуродованных людей. Закоулки любого гарнизонного города кишели людьми с отсутствующими руками, ногами, конечностями, глазами. Подобного можно было ждать от тех, кто выбрал своим ремеслом драку. В худшем случае, они оканчивали свои дни, попрошайничая. Но те были людьми, а не эльфами. Изуродованные эльфы были редкостью по одной простой причине: обычно они накладывали на себя руки. Джералунд знал квалинестийского офицера, потерявшего руку в сражении, предшествовавшем падению Драконицы Берил. Тот парень бросился с высокой башни, как только у него хватило для этого сил. Одержимые красотой и безукоризненностью, эльфы не выносили уродства. Лишь

кагонестийцы были другими. Со своими рисунками по телу, татуировками и ритуальными шрамами, казалось, они наслаждались искаженным внешним видом.

Пугало вырос в городе, Джералунд был в этом уверен, но он был тут, в ужасных рубцах, и все еще живой. Для человека подобное существование было бы болезненным; для эльфа же оно было немыслимым. Плетясь со своими товарищами, Джералунд размышлял, почему этот эльф не покончил с собой.

Укрывшись за дубом, Портиос ощущал себя так, будто его тело обратилось в камень. Он полагал себя выше любого чувства стыда, но когда этот варвар взглянул на его обезображенную плоть, Портиос понял, что ошибался. Унижение свежим огнем пронзило его вены. Сильное, как затопившая Квалиност бурная река, оно наполнило его горло горечью.

«Великий Лорд?» — позвал Наларин, не видя своего предводителя. — «Великий Лорд, отряд двинулся в путь».

Портиос громко ответил: «Ступай. Я присоединюсь к вам».

Преданный кагонестиец ушел. Оставшись наедине, Портиос сел на камень и достал из кармана рясы небольшой швейный набор. Рожденный править Квалинести, он не был портным, но в последнее время у него было много практики в штопанье. Его стежки были неровными, но плотными и крепкими. Спустя несколько минут, его стыд был снова прикрыт.

Ко времени, когда показался Самустал, опустилась ночь. Казалось, тьма тяжело повисла над жалким городишком. Затянутое облаками небо сырым удушливым плащом прижимало вниз дымный воздух.

Портиос приказал Наларину разбить лагерь возле ближайшего ручья. Он отправится в город в одиночку, чтобы проникнуть сквозь его оборонительные сооружения и разузнать все, что мог, о любых эльфах, которых там удерживали. Будучи невооруженным, он, вероятно, мог бы воспользоваться главными воротами, без помех подкупив стражников, но это бы означало подвергнуться досмотру — невыносимая идея — так что он выбрал более незаметный способ.

Он удалялся от ворот по кругу, осторожно двигаясь по смертоносному открытому пространству под стенами и следя за парапетом над головой. Лорд Олин возвел ограждение в спешке. Его люди не потрудились сперва выровнять землю, так что некоторые места были ближе других к верхушке стены. Портиос нашел точку, где заостренные концы частокола возвышались лишь на два с половиной метра над землей. Портиос пятился, пока не отошел к ряду построек с крышей из коры, а затем побежал к стене. Он подпрыгнул и оперся правой ступней на небольшую площадку, образованную обрубком ветви, отпиленной от одного из бревен ограды.

Его мышцы взвыли, и Портиос поджал губы в гримасе боли. Полуголодное существование в лесах и разрушительное влияние его ран не позволили ему восстановиться. Тугая зарубцевавшаяся кожа натянулась на его истощенном теле, когда он двинулся вверх.

Боль была невероятной, но столь же сильной была воля Портиоса. Он закинул левую руку на стену из бревен. Его ногти сквозь перчатки впились в дерево. С помощью правой руки, он двинулся выше, нащупывая щели между двумя бревнами. Когда, наконец, Портиос ухватился за грубо спиленную верхушку ограды, он почувствовал сочившуюся сквозь перчатки теплую влагу. Его руки оставили на дереве темные полосы. Он продолжал двигаться с осторожностью, проверяя, чтобы за ним никто не следил. Наконец, Портиос

свалился на стену и лежал неподвижно. Он весь дрожал, и его перчатки были жесткими от запекшейся крови, но он был внутри.

В этом был секрет новой жизни Портиоса: полное равнодушие к любому порогу боли и готовность отправиться туда, куда другие не осмеливались. Он довольно давно жил со своим уродством, чтобы отказаться от такой роскоши, как страх или тревога. Чего ему было бояться? Его собственно тело было кошмаром, хуже смерти.

Единственным часовым в поле зрения был сидевший в дощатой караульной будке в двадцати шагах вдоль стены человек. Помятый шлем в виде котелка был натянут на глаза, и он знатно храпел. У его ног валялся глиняный кувшин. Часовой не собирался просыпаться в ближайшее время.

Портиос подкрался к будке. Вытянув из кронштейна факел, он швырнул его на утрамбованную землю снаружи ограды. Тот погас. Держась подальше от храпящего часового, Портиос присел на корточки в тесной будке и осторожно стянул с рук окровавленные перчатки. Он ополоснул перчатки в грязной воде пожарного ведра часового. Поднимая брошенный глиняный кувшин, Портиос услышал, как внутри плещется жидкость. Он вылил ее на руки. К сожалению, это было не вино, а бренди, и оно серной кислотой запылало на его поврежденных руках. Ругательства кипели у него в горле, но Портиос с трудом подавил их, тряся пылающими руками, чтобы высушить их. Закончив промывание, он сунул за пояс мокрые перчатки и выскользнул из караульной будки. Портиос спустился по лестнице на землю.

Самустал ночью был оживленным. Звон ударявших по наковальням молотков кузнецов смешивался с бессвязными криками шумных пирушек и звуками разбивающихся бокалов. Лаяли собаки и кричали ослы. Портиос надеялся, что не повстречает каких-либо животных. Органы чувств людей были слабыми по сравнению с эльфийскими, так что коварные мародеры вроде Самувала и его лейтенантов держали при себе в Квалинести своры свирепых гончих. Собаки могли увидеть или почуять эльфа там, где человек никогда бы не смог.

Искусные беседки Бианоста были порубаны, а его знаменитые сады превращены в пастбища для боевых коней. Грациозные фонтаны, встречавшиеся на каждой площади квалинестийского города, были разрушены, и их чаши завалены мусором. Повсюду висела та же мерзкая вонь, которую он почуял, когда еще был в лесу снаружи города.

Доказательства мародерства и насилия были повсюду. В окнах на уровне улицы любого из домов не осталось стекол, и проемы были заколочены. Если кто из изначальных их обитателей и остался, они не осмеливались показывать какие-либо признаки жизни мародерствовавшим снаружи бандитам. Некоторые дома были сожжены, оставив лишь обугленные остовы, словно зияющие рты трупов. Запах огня все еще цепко держался за развалины. Каждая канава была забита обломками камней, горелыми бревнами, битой посудой и бесчисленными крысами, живыми и мертвыми.

К счастью, оставался один ориентир: башня ратуши. Портиос узнал, что невольничий рынок располагался на центральной площади города. Ратуша выходила фасадом на площадь. Используя башню в качестве ориентира и держась самых темных переулков и боковых улиц, он направился к площади.

Его остановил ярко горевший костер посреди перекрестка двух широких улиц. Освещаемая им, громко беседовала четверка вооруженных бандитов.

«Пойдешь на казнь?» — спросил один.

«Не могу», — ответил второй. — «Дежурю у ворот».

«Плохо. Будет, на что посмотреть».

«А, это же не настоящая женщина, так, эльфийка».

Портиос застыл.

«Хотя, будет зрелище, достойное, чтобы взглянуть. Лорд Олин приказал содрать с нее живьем кожу. Он вызвал огра аж из Разбитых Земель, чтобы правильно это сделать!»

Раздался грубый хохот, и третий бандит добавил: «Олин знает, как отправить послание! Она помогла бежать из клетки дюжине рабов, и пыталась ускакать на собственной лошади лорда Олина, когда ее поймали!»

Снова послышался хохот. Бандиты обменялись скабрезными замечаниями, безграмотными предположениями об анатомии эльфов в сравнении с людьми. Портиос почувствовал, как его изначальный гнев перерос в холодную ярость.

Первый бандит махнул рукой в сторону лежавшей в нескольких метрах от них на земле вне зоны освещенности темной кучи.

«Как там он?»

Один из его товарищей подошел и пнул кучу ногой в сапоге. Портиос понял, что бесформенная груда лохмотьев была живым существом, лежавшим на мостовой лицом вниз.

Бандит вернулся и доложил: «В отключке, но все еще дышит».

Они заспорили, следует ли им привести пленника в чувство. Очевидно, эти четверо чересчур энергично допрашивали его, и бедолага потерял сознание, неспособный вынести подобные муки.

Портиос обогнул костер, держась глубокой тени. Добравшись до лежавшего ничком, он встал на колено и перевернул его.

Несчастный пленник был эльфом почтенного возраста. Он был жестоко избит. Портиос поднял ему веко, чтобы проверить, жив ли тот.

На него смотрела голубая радужная оболочка, зрачок расширился от ужаса. «Спокойно. Я не причиню тебе вреда», — прошептал Портиос.

«Не выдавай меня», — задыхаясь, произнес эльф, как и Портиос, на квалинестийском. — «Мне нужна эта передышка».

«Кто ты?»

«Казант, когда-то советник лорда мэра».

«Почему они пытают тебя?»

«Они ищут казну», — Казант с трудом сглотнул. — «Она была спрятана еще до их прихода».

«Почему не сказать им, что они хотят знать?» — Городская казна не может стоить таких страданий.

В глазах пожилого эльфа вспыхнула гордость: «Сам Беседующий поручил мне оберегать ее».

На мгновение, Портиос подумал, что бедняга имеет в виду его, но, конечно же, Казант говорил о Гилтасе. Он был восхищен старым советником, терпящим такие муки во имя чести, но что это делалось во имя Гилтаса, раздражало Портиоса. Пусть Гилтас и был сыном сестры Портиоса, но это не стирало с него пятна людского происхождения его отца, Таниса Полуэльфа.

За те секунды, что в голове Портиоса проносились эти мысли, выражение лица Казанта изменилось, и он схватил Портиоса за руку. С удивительным приливом сил, он подтягивался вверх, пока они не оказались глаз к глазу.

«Милорд! Это вы? Вы вернулись!» — он с трудом ловил воздух, его окровавленное лицо озарилось радостью. — «Сокровище в небе!»

Портиос сделал ему знак молчать, но урон уже был причинен. Когда старик упал замертво, бандиты повернулись и увидели незваного гостя. Они закричали на него, но он растворился во мраке, без труда ускользнув от их неуклюжей погони.

Милорд! Вы вернулись!

Узнал ли старый эльф Портиоса даже сквозь маску? Или это был последний бред? Иногда умирающим даровалось больше чем зрение смертных. Так или иначе, убийство Казанта стало еще одним из множества актов насилия в городе, свидетелем которых стал Портиос. Очень скоро придет час расплаты.

Было уже около полуночи, когда он добрался до городской площади. Рыночную площадь опоясывали ряды деревянных клеток, загонов для рабов, ожидавших своей очереди перед площадкой. Загоны были пусты. Аукционная площадка представляла собой деревянную платформу в восточном конце площади, лицом к резиденции лорда мэра. На этой прочной платформе шести метров в длину и трех метров в ширину, вдоль длинной стороны были установлены пять не менее крепких столбов. С каждого столба свисали толстые железные кандалы.

В центре площади находился общественный фонтан, мраморный обелиск, из которого (в лучшие времена) вытекали четыре струи воды. Лишь одна все еще функционировала. Чаша фонтана, высеченная гномами-каменщиками из единой глыбы стеатита, треснула в трех местах. Камни были покрыты мхом. К обелиску, заметил Портиос, был прикован цепью заключенный.

Был ли этот заключенный мятежной женщиной, ожидавшей своей ужасной казни?

Портиос долго изучал обстановку, прежде чем покинуть убежище среди загонов для рабов и приблизиться к фонтану. Поблизости были несколько человек. Никто не обратил ни малейшего внимания на фигуру в лохмотьях. Он остановился у ног сидящего заключенного.

С ней жестоко обошлись, хотя не так основательно, как с Казантом. Один глаз окружал черный синяк. Порезы и старые синяки украшали ее лицо, шею и руки. Ее волосы были грязными, и жесткими пучками торчали во все стороны.

Он думал, она спит, но внезапно пленница прыгнула на него, лишь чтобы быть резко остановленной тяжелыми путами.

«Хочешь увидеть больше?» — прошипела она. — «Подойди поближе».

«Очаровательное приглашение, которое я вынужден отклонить», — ответил он на квалинестийском.

Кериан откинулась на стеатитовую чашу фонтана. «Кто ты», — тем же тоном спросила она.

«Кто-то, кто может помочь тебе».

«Так давай!»

«Всему свое время». — Портиос был заинтригован. Несмотря на легкий акцент, она не говорила как необразованная сельчанка. — «Как тебя зовут?»

Она сверлила его взглядом. Он повторил вопрос. Поскольку она по-прежнему молчала, он добавил: «Возможно, ты думаешь, кто-то еще придет тебе на помощь? Сдирание кожи, я слышал, ужасный способ умереть».

«Сделай еще шаг, чтобы я могла лучше разглядеть тебя». — Он глядел на ее руки в кандалах, и она рявкнула, — «Тебе меня нечего бояться, если ты говоришь правду!»

Портиос шагнул вперед. В свете далеких костров стала видна его маска и ряса, и ее глаза расширились: «Что это, маскарад?»

«Так и есть. Скажи мне свое имя».

Она поднялась на ноги и гордо выпрямилась, хотя ее тянули вниз множество цепей: «Я — Кериансерай, генерал армий объединенных эльфийских народов, жена и супруга Гилтаса, Беседующего с Солнцем и Звездами!»

Он застыл в изумлении. Она сошла с ума или просто лжет? Если бы Олин или его хозяин Самувал знали, что в их руках легендарная Квалинестийская Львица, они бы вопили об этом с каждой крыши. Тогда бы они продали ее неракским рыцарям за царское вознаграждение. Несмотря на неправдоподобие, Портиос наполовину ей поверил. Он пришел в поисках способа вызвать революцию. Вместо этого, он обнаружил оружие величайшей мощи.

«Можешь доказать свои слова?»

«Вытащи меня отсюда, и я докажу тебе все!»

Портиос не колебался. Он бы не позволил грязному огру казнить эльфа любой касты.

«Когда тебе назначили умереть?» — спросил он.

«Послезавтра. Через два часа после рассвета, до начала невольничьего аукциона. Они хотят выставить мою тушу, чтобы запугать остальных».

Он потрогал ее цепи. Их было много, но они были медными, не железными. Стальной напильник легко справится с ними.

Он повернулся, и она прошипела: «Куда ты собрался?»

«Терпение. Я вернусь завтра ночью».

«Нет!» — Она потрясла своими цепями, едва не закричав от ярости. — «Вытащи меня отсюда немедленно!»

«Терпение», — повторил он и отбыл, скрывшись среди клеток для рабов.

* * *

Утро дня казни выдалось жарким, с рано поднимавшейся, чтобы заполнить небо, белой дымкой. Наларин со своими кагонестийцами затаились, преклонив колено, в высокой траве, положив луки на сгибы рук, и наблюдали за направлявшимся в Самустал потоком путешественников.

Портиос вернулся с рекогносцировки первой ночью и поделился с остальными, что он выяснил об обреченной заключенной, но ее имя сообщил лишь Наларину.

Сейчас он не был со своим отрядом. Бросающийся днем в глаза в своей маске, он пробирался внутрь другим путем.

Когда Наларин рассудил, что толпа путешественников достаточно многочисленна, он приказал своим воинам и неракским пленникам встать. Столпившись, люди бормотали насчет попытки вырваться, ожидая от Джералунда руководства к действию. Если они поднимут шум, несомненно, находившиеся поблизости люди помогут им против их тюремщиков-эльфов.

Сержант резко мотнул головой. Путешественники им не помогут. Они были простыми торговцами, местными фермерами и ремесленниками. Эльфы были вооружены и в боевой готовности.

Вид вооруженных кагонестийцев, многие в полной лесной раскраске, заставлял местных жителей бросаться врассыпную с дороги. То, что эльфы сопровождали пленников-людей, вызвало множество комментариев, но, как и ожидал Джералунд, никто не высказался в защиту неракцев.

У ворот заграждения высокий человек в одежде из коричневой кожи потребовал объяснить, какое у Наларина дело в Самустале.

«Такое же, как и у всех остальных», — ответил Наларин. Он мотнул подбородком в сторону неракцев. — «У нас рабы на продажу».

Стражник потерял дар речи. Он спешно проконсультировался со своими товарищами. Не было приказа, запрещавшего эльфам торговлю живым людским товаром. Обратные случаи происходили ежедневно. Не найдя даже хрупкого предлога, чтобы не пустить кагонестийцев, стражник сказал, что будет рад пропустить их, как только они заплатят входную пошлину. Озвученная им сумма была в два раза больше той, что он требовал с предыдущих партий.

«Я дам тебе двадцать стальных монет. Этого хватит».

Бандит взял протянутый Наларином потертый бархатный кошелек, но не отодвинулся. Ухмыляясь своим товарищам, он потребовал еще стали.

Предводитель кагонестийцев несколько секунд пристально разглядывал его, а затем тихо сказал: «У меня есть еще сталь».

«Я возьму всю сталь, что есть!» — Бандит протянул руку.

Наларин носил кинжал, выданный ему командиром квалинестийских рейнджеров за службу Трону Солнца. Мягким плавным движением он вытащил кинжал и воткнул его стальное лезвие в протянутую ладонь. Бандит хрипло завопил и рухнул на колени. Его товарищи потянулись к своему оружию, но увидели, что на них смотрят девятнадцать полностью натянутых кагонестийских луков.

Наларин убрал в ножны свой нож, предварительно вытерев двумя пальцами лезвие и стряхнув кровь на пыльную землю. Он двинулся через ворота. Стражники замешкались, затем отступили, не желая бросать вызов двадцати кагонестийцам. Пройдя створки, Наларин встал сбоку и подождал, пока пройдет колонна эльфов и пленников.

Никто из товарищей раненого человека не пришел ему на помощь. Они вернулись к своим обязанностям, с другим бандитом, проверяющим стоящую в очереди следующую партию. Наларин стал в строй в конце своего отряда. Должно быть, тот человек использовал свой пост для набивания собственных карманов и не делился со своими товарищами, иначе бы они, скорее всего, горели бы большим желанием отомстить за него. Ему повезет, если они не перережут ему глотку и не отнимут всю сталь, что он уже выжал из дневных прохожих.

Когда Наларин снова возглавил строй, Джералунд окликнул его: «Хорошо сыграл».

«Я встречал таких типов уже».

«Людские отбросы?»

Наларин пожал плечами: «Я бы так не сказал. Было бы легче, если б все ничтожества были одной расы, но это не так».

Толпа становилась плотнее по мере продвижения к главной площади. Помимо явных торговцев и разносчиков, там было много необремененных товарами личностей, хорошо одетых и сдержанно вооруженных тонкими аристократическими клинками. Их звали «овсянками», в честь красочной перелетной птички. Они пришли в Квалинести после

поражения эльфов, покупали (или крали) земли, подкупали новых хозяев за льготы в бизнесе и эксплуатировали бедняков за нищенскую зарплату и грабительскую аренду. Большинство были людьми из регионов, менее пострадавших от войны, но среди них были и несколько темных эльфов. Если в Квалинести кого и ненавидели сильнее капитана Самувала, так лишь этих следовавших за ним по пятам богато разряженных овсянок.

Продвижение по Самусталу кагонестийцев и их пленников-людей не осталось незамеченным. Окна выше уровня улиц открывались, и из них высовывались сурово выглядевших людей. Это были люди лорда Олина, все еще с голым торсом, будучи поднятые с постелей. Они провожали враждебными взглядами процессию вооруженных эльфов, но никто не стал мешать отряду Наларина.

Загоны на площади были заполнены несчастными, ожидавшими продажи. В каждой клетке было не меньше дюжины пленников; вооруженные кнутами и дубинками надсмотрщики стояли, готовые подавить любое сопротивление.

Явно ощущалась атмосфера всеобщего возбуждения. Джералунд вытянулся, чтобы увидеть поверх толпы обреченную эльфийку, являвшуюся причиной всего этого. Необычайно высокая, облаченная в черное фигура была нанятым лордом Олином палачом-огром. Вокруг центрального фонтана, плечом к плечу, стояло кольцо бандитов с обнаженными мечами. Эта стена бандитов не дала Джералунду заметить ничего, кроме мимолетного видения заключенной в цепях.

Наларина лишала присутствия духа эта толпа, особенно возбужденная, пришедшая не только чтобы купить и продать рабов, но и чтобы увидеть кровавую казнь. Его отряд привлекал чрезвычайно много внимания. Многие люди проталкивались вперед, чтобы поближе взглянуть на неправдоподобное зрелище эльфов с пленниками-людьми.

Наконец, Наларин добрался до головы очереди у стола владельца аукциона. «У нас восемь людей в превосходном состоянии», — сообщил он.

Владелец аукциона бегло взглянул, его одноглазый взгляд оценил любопытное зрелище. «Обычно, солдаты плохо продаются», — сказал он, качая головой. — «Склонны создавать проблемы».

«Эти — не профессионалы, просто наемники. Кто-нибудь мог бы купить их в качестве телохранителей».

Владелец аукциона подумал с минуту, затем кивнул и вытянул полоску пергамента. Его ассистент капнул каплю красного воска внизу, и владелец впечатал в воск тяжелую медную печать. Он несколькими быстрыми движениями пера нацарапал на полоске трехзначное число.

«Это твоя метка продавца. Когда лот продается, покупатель получает идентично опечатанную полоску с тем же числом. Не потеряй ее. Ты не получишь без нее ни медяка».

Неракцев передали надсмотрщикам. Пока их вели к загонам, они протестовали, настаивая, что они — свободные люди, солдаты Темного Ордена. Их жалобы были проигнорированы. Большинство надсмотрщиков были гоблинами, безразличными к самым душераздирающим призывам о помощи. Щелчками кнутов они загнали неракцев в клетку и закрыли тяжелую деревянную дверь на медный замок, размером с копченый окорок.

Думая, что упущен их последний шанс вырваться, перепуганные солдаты накинулись на Джералунда, кляня его за плохое руководство. Это стоило им окатывания грязной водой из ведер стоявшими снаружи надсмотрщиками.

«Никаких драк в клетке! Следующий, кто махнет кулаками, будет клеймен!»

С кровоточащим носом и верхней губой, Джералунд в одиночестве сидел на корточках в дальнем углу клетки. Запертый в клетке и ожидающий аукционной площадки, он по-прежнему цеплялся за надежду. Еще было не слишком поздно. Еще нет.

«У тебя есть вера, человек».

Джералунд был достаточно сообразителен, чтобы не оборачиваться на голос. Он прошипел: «Чего тебе, Пугало?»

Что-то твердое коснулось его плеча. Джералунд протянул руку за спину, и его пальцы сомкнулись на рукояти завернутого в лохмотья меча. Его глаза расширились.

«У меня четыре меча. Это все, что я смог спрятать».

Джералунд вытянул мечи и сунул рукоятками подмышку. Он позвал своих товарищей. Трое угрюмо приблизились. Когда сержант передал каждому из них по мечу, их уныние испарилось. Они хотели знать, как он ухитрился добыть оружие.

«Спросите Пугало», — ответил он, мотнув подбородком через плечо.

Его уже и след простыл. Джералунд увидел лишь удаляющегося худого надсмотрщика. Он был одет в типичную кожаную куртку и болтающиеся узкие штаны, в перчатке держал свернутый кнут. Кроме того, на нем была низко натянутая широкополая шляпа. Ни на ком из остальных надсмотрщиков не было перчаток или шляпы. Бурлящая толпа быстро поглотила его.

Один из людей Джералунда ругался на этот странный поворот. Зачем было тащить их в Самустал в качестве пленников, а затем давать оружие, чтобы сражаться? Сержант понял, в чем дело. Пугало хотел проникнуть со своими последователями в Самустал. Отряд вооруженных эльфов не пропустили бы, но в качестве сопровождающих пленников работорговцев, им бы скорее позволили пройти. После того, как необходимость в пленниках отпала, Пугало давал им слабый шанс бежать.

Это все еще не давало ответа на вопрос, зачем Пугалу нужно было попасть внутрь Самустала. В эту минуту Джералунду это было безразлично. Ему нужно было сконцентрироваться на их спасении.

Он осмотрел клетку. Дубовые перекладины были толщиной с его запястье. Они бы не прорубились сквозь них своими мечами до того, как это заметят надсмотрщики. То же самое можно было сказать и насчет массивного медного замка; попытка разнести его заняла бы время и привлекла внимание стражников. Что оставалось?

Петли. Петли двери клетки представляли собой толстые кожаные полосы. Если одолженные ими клинки были остры, было бы достаточно одного-двух ударов, чтобы перерубить эти петли. Джералунд собрал своих людей и тихо поделился планом.

Портиос продолжал держать путь сквозь толпу. Редкий случай, когда он благословлял свою маску. Она скрывала эмоции, которые, он знал, ясно читались на его лице. Близость такого количества не-эльфов и их отвратительная деятельность вызывали у него тошноту. Вот к чему приводит, когда менее знатным дают слишком много самостоятельности. Как низко пал мир в порочность и разложение!

Обрати внимание на муравьев, а не на одинокую цикаду. Как обреченная жирная цикада, невольничий рынок скоро должен был повстречать Портиоса и его муравьев.

Пропела пара оловянных рогов, и толпа слегка притихла. Человек в шляпе с пером и сером бархатном мундире поднялся на платформу фонтана и раскрыл пергаментный свиток. Было очевидно, что он запомнил свою речь, так как ни разу не взглянул на свиток.

«Внимайте и слушайте все! Слушайте все!» — прокричал он. Толпа еще чуть

успокоилась. — «Знайте, что Олин Мэн-Дэлис, Лорд Самустала, свершил суд над этим жалким рабом без имени. За измену своим законным хозяевам, за побег из неволи и за общий хаос, Лорд Олин приговорил это никчемное существо к смерти. Чтобы ее презренный конец послужил примером всем, с нее сдерут кожу, и ее жалкие останки будут выставлены здесь на пир мухам и воронам!»

Он свернул свиток: «Палач, выполняй свои обязанности!»

На платформу протопал огр в капюшоне. Четыре надсмотрщика потащили к нему деревянную раму. Состоящей из двух перекрещивающихся в центре обрезков бревна, с оковами на каждом конце, к ней приковывали пленника во время ужасной процедуры. Люди с трудом пытались установить на место тяжелую конструкцию из бревен. Огр проревел им поторапливаться. Едва они установили раму на место и начали ее привязывать, палач направился к Керианссерай, разинув рот и с вожделением глядя на нее.

Из его горла выросла стрела.

Казалось, стрела появилась волшебным образом. С булькающим ревом, огр схватился рукой за древко и выдернул стрелу. Из раны хлынула кровь. В толпе послышались одобрительные крики многих, подумавших, что веселье началось.

Когда в правый глаз огра вошла вторая стрела, тот поваленным деревом рухнул на спину. Находившиеся ближе всех к фонтану в тревоге закричали. Крики возросли, когда целый град стрел посыпался вокруг обелиска, разя всех стоявших с мечами наголо стражников и нескольких зевак в придачу. Те в толпе, кто был ближе всех к обелиску, попытались выбраться; другие, стоявшие дальше, ломанулись вперед, стараясь разглядеть, что происходит. Хаос расцветал пышным цветом. Толчки и пинки переросли в кулачные бои и вытаскивание кинжалов. Второй залп стрел завершил трансформацию казни в полноценный бунт.

Когда стражники с мечами попадали, Львица встала, прижимая к груди охапку медных цепей. Она трудилась над ними несколько часов, надпиливая их тайно переданным ей незнакомцем в маске напильником. Она принялась ломать ослабленные звенья. Издали это выглядело, будто эльфийка обладала сверхъестественной силой, разрывая металл голыми руками. В толпе возникла новая волна паники.

На каменную платформу вскарабкался надсмотрщик с кнутом в руке. Львица поставила ему на грудь ногу и пихнула обратно в свалку. Свист приближавшихся стрел привлек вверх ее взгляд. С жуткой точностью, этот залп очертил четкий круг вокруг нее. Рискнувшие подойти слишком близко к обелиску люди отступили.

Львица встала над поверженным палачом. Огр все еще дышал. Она вытащила у него из-за пояса один из ножей для свежевания и резко перерезала ему горло. Плохо, что зверюга не носила меча.

Уголком глаза она увидела, как рядом с ней на фонтан спрыгнула облаченная в зеленое фигура. Она повернулась, с ножом в руке, и увидела перед собой вооруженного булавой лесного жителя кагонестийца.

«Я — Наларин, друг! Меня прислал Маска!» — крикнул он.

«Так это твои лучники?» — Он кивнул. — «Здорово! Давай выбираться отсюда!»

Это было не так просто сделать. Вокруг фонтана было открытое пространство шириной три метра, но, едва Наларин спрыгнул, к нему ринулись десять бандитов, рубя всех на своем пути. Львица втянула обратно своего предполагаемого спасителя.

При помощи булавы и ножа, двое кагонестийцев отбивались от солдат. На помощь

пришел ливень стрел, но снарядов было меньше, чем раньше. Лучники Наларина вступили в драку. Поверх голов, Кериан увидела вклинивающихся в кипящую толпу вооруженных копьями конных бандитов.

«Что теперь?» — крикнула она.

«Доверься Великому Лорду! Этот момент был спланирован!»

Так и было. Когда началось восстание, неракские солдаты поняли, что пришло время спасаться. Они перерезали петли двери клетки. Используя дверь в качестве тарана, они пробили себе путь.

Джералунд крикнул своим людям: «Открывайте остальные клетки! Освободите всех пленников!»

Безоружные неракцы волновались лишь о своих собственных шкурах. Не обращая внимания на сержанта, они быстро скрылись в панической толпе. Джералунд обозвал их трусами и повел своих троих вооруженных товарищей вдоль линии клеток, перерезая петли каждой двери. Надсмотрщики пытались помешать им, но с мечами в руках солдаты были неудержимы. Одну за другой, они открыли все клетки. На волю повалили люди, эльфы, толпа гоблинов и пара гномов. Многие из освобожденных были в плохом состоянии и могли лишь ковылять прочь. Другие переходили под командование Джералунда. К сожалению, ему нечего было им предложить, кроме ободряющих слов. Каждый был за себя.

Копейщики лорда Олина, наконец, ухитрились пробраться сквозь толпу, дюжина всадников, без разбора размахивающих своим оружием. Прочные древки одинаково сбивали с ног и друзей, и врагов. Вырвавшись на открытое пространство перед клетками рабов, они ринулись на бегущих пленников, пронзив нескольких, прежде чем оставшиеся облепили коней и стянули всадников.

Перед Джералундом возник рыжеволосый квалинестиец с глубокой раной на лбу. Он вел коня одного из копейщиков. Сержант был захвачен врасплох, когда тот протянул ему поводья. Он мог оставить животное себе, но отдавал коня человеку, который освободил его. Джералунд вскочил в седло и протянул эльфу руку.

Квалинестиец отказался. «Это мой город. Я остаюсь!» — крикнул он и ринулся в толпу.

С высоты своего преимущества, Джералунд видел продолжавшийся бой вокруг фонтана. Он лишь мгновение помешкал, прежде чем плашмя мечом шлепнуть своего коня по крупу. Животное бросилось в сторону далекой драки.

Наларин и Львица стояли спинами к обелиску. Таким образом, они отражали все попытки атаковать платформу. Копейщиками занялись беглые рабы, но кагонестийские лучники тоже прекратили огонь. Плотное кольцо пеших бандитов окружили фонтан и не собирались отступать. Они осторожно продвигались вперед. Они хорошо знали, какое их ждет наказание от лорда Олина, если они позволят кагонестийке скрыться.

Сбив особо назойливого бандита, Кериан торопливо поблагодарила Наларина. «Это намного лучшая смерть, чем та, что ждала меня сегодня, брат», — тяжело дыша, сказала она.

Наларин взмахнул булавой, попав бандиту под подбородок и отправив того в полет. «Великий Лорд придет», — ответил он. — «Верь!»

Кериан едва не рассмеялась. Верить? Он говорил, как Гилтас.

Джералунд был на полпути к фонтану, когда заметил Пугало, спокойно стоявшего в одиночестве среди суматохи восстания. Таинственный предводитель эльфов сбросил свой наряд надсмотрщика, кроме низко надвинутой на лоб шляпы. Вокруг него бегали с криками люди, одни моля о пощаде, другие — жаждая крови, но он стоял молча и непоколебимо,

словно дерево среди панически бегущего стада. Джералунд направил коня к фигуре в рясе.

«Ты поднял изрядную бурю», — крикнул сержант.

Маска обрамляла пылающие глаза: «Это лишь первая из множества грядущих».

Крошечный островок спокойствия вокруг них резко исчез. Людская толпа ринулась на восток, прочь от неистовствовавших рабов. Волна торговцев и овсянок двинулась на запад, стараясь убраться с пути взбешенных солдат лорда Олина. Они столкнулись прямо там, где стоял Пугало. Казалось неминуемым, что его затопчут насмерть. Он скрылся в давке. Джералунд со сдержанной яростью лягался, не давая перепуганным людям опрокинуть своего коня. Толпа расступилась перед ним, и Пугало исчез.

Джералунд взглянул на отчаянную схватку у фонтана. Как раз когда он посмотрел, Наларин получил сокрушительный удар в спину. Пленница-эльфийка, орудуя лишь ножом, прыгнула вперед и отогнала нападавшего, давая предводителю кагонестийцев время подняться на ноги. Еще трое бандитов набросились на них. Она повернулась к ним лицом с широкой ухмылкой на перепачканном лице.

«Чума!» — чертыхнулся Джералунд и вонзил пятки в бока скакуна.

Львица увидела приближающегося всадника. Она занесла в руке нож, готовая метнуть его. Наларин поймал ее запястье.

«Нет, подожди!»

Она уставилась на него как на безумца, а приближавшийся конь сбил троих людей Олина, прежде чем со скольжением остановился у фонтана.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

«Нужна помощь, лесной обитатель?» — проревел всадник.

«Иногда каждой душе требуется помощь», — ответил Наларин.

Человек соскользнул с коня вправо. Двое эльфов оседлали скакуна слева, и Львица взяла поводья.

Коснувшись рукоятью меча подбородка в шутливом салюте, человек сказал: «Удачи, лесной обитатель! Тебе и Пугалу она понадобится!» — Он отпрыгнул в сторону и растворился в пульсирующей давке. Больше они его не видели.

Кериан пустила коня легким галопом. Она направлялась прямо к западным воротам, сбивая с ног тех, кто не мог или не хотел уступить дорогу. Несомненно, ограда была наглухо закрыта, но у них был хороший шанс бежать под прикрытием жуткой неразберихи. Рука Кериан жаждала меча. Без него она чувствовала себя голой — хуже, чем голой. Без стыдливости она могла прожить, но меч был совершенно необходим.

За пределами площади толпа рассеялась до отдельных удирающих людей и бандитских патрулей, пытавшихся переловить рабов и восстановить порядок. Кериан и Наларин галопом пронеслись мимо отряда из двадцати наемников, не узнавших в Львице бежавшую пленницу. В конце концов, кагонестийцы добрались до западных ворот. К их удивлению, бревенчатые створки были открыты.

Они медленно подъехали, опасаясь ловушки. Улица была усеяна мертвыми бандитами. Похоже, стражников застигли врасплох.

Наларин велел ей остановиться. Он спешился и подобрал лежавшее рядом с убитым стражником копье. Он вытащил меч и протянул его Кериан.

Кериан повернула голову коня обратно к воротам. В проеме стояла единственная фигура, силуэт на фоне залитой солнцем долины у него за спиной. Кериан медленно ехала вперед, обмотанная проволокой рукоять меча тяжестью лежала в руке. Как и оружие, она

была сурова и опасна. Отбросы этого города сильно задолжали ей за дурное обращение с ней и вызванные ими смерти.

Шедший рядом с ее конем, Наларин поднял копье над головой и крикнул: «Великий Лорд!»

Силуэт махнул в ответ. Кериан тихо выругалась. Вместо того, чтобы с кем-нибудь подраться, она наткнулась на своего спасителя.

Он сделал ей знак остановиться. «Разворачивайся», — сказал он. — «Мы еще не закончили».

«О чем ты говоришь?»

«Освободить тебя, было лишь частью сегодняшней работы. Баланс будет восстановлен, когда мы освободим Бианост».

«Боги, защитите нас, он сошел с ума», — подумала Кериан. Она сказала: «Достойная цель, незнакомец. Как именно ты собираешься освободить город? Гарнизон, должно быть, насчитывает несколько тысяч».

«Две тысячи, по моей оценке».

«Всего лишь две тысячи! Тогда, это не будет сложно!»

«Ты совершала большие ратные подвиги, чем это, Кериансерай. И ты забыла», — добавил незнакомец, — «против нас не дисциплинированные войска. Если мы атакуем дворец мэра и убьем Олина, основная часть бандитов разбежится».

Она взглянула на Наларина. Тот явно был готов выполнить все, что потребует его Великий Лорд. Она спросила, сколько у них солдат. «Двадцать», — ответил Наларин, — «если все выжили».

Ее смех был коротким и резким. Двадцать! Против личной стражи Олина? «Даже если мы сможем это сделать, какой в этом смысл здесь, в сердце оккупированного Квалинести? Самувал пришлет армию вернуть город, и его месть будет жестокой!»

Незнакомец двинулся вперед, пока не оказался у носа ее коня. Он похлопал животное, затем поднял голову и посмотрел на Кериан. Она нахмурилась при виде его маски, гадая, что за игру ведет это странное существо. Его акцент говорил ей, что он — квалинестиец, хотя, существовала возможность, что тот был фальшивым.

«Все пожары начинаются с единственной искры», — сказал он. — «Кроме того, восстанию сталь нужна так же, как и оружие, а в этом городе спрятано сокровище. Олин не смог найти его. Я — могу».

«Что за сокровище?»

Он не ответил, а посмотрел ей за спину, так как из центра города донеслась новая порция криков. Этот шум огромной волной перекатил через них. Восстание на невольничьем рынке разрасталось. Если поднимется весь город, бандиты будут обречены. Многие в Самустале ненавидели правление лорда Олина.

«Город может быть разграблен еще до прихода Самувала, Великий Лорд. Если здесь есть сокровище, нам лучше действовать без промедления», — сказал Наларин. Он подошел и стал у правого плеча своего предводителя. Они молча ждали ответа Кериан. Долго ждать не пришлось.

«Я буду сражаться за тебя при двух условиях». — Она подняла подбородок. — «Я командую вашей армией, любой. Я отвечаю только перед тобой».

Наларин поднял бровь, но не возразил. Эльф в маске торжественно кивнул.

«Второе», — сказала Кериан, — «я должна знать, кто ты. Если я следую за тобой и верю

в твое дело, мне нужно знать, кто ты. В конце концов, это может быть некий странный нераксий план, чтобы сломить сопротивление в Квалинести».

Долгую минуту он стоял неподвижно, взвешивая, затем тихо что-то сказал Наларину. Вождь кагонестийцев отошел к воротам и повернулся к ним спиной. Когда он ушел, эльф в маске подошел и стал лишь в сантиметрах от бока ее коня.

Очень тихо он произнес: «На эшафоте ты открылась мне, так что я сделаю то же самое. Но поверь, когда я расскажу тебе это, если ты предашь мое доверие, ты умрешь».

Обычно, угрозы не производили на нее впечатления, но что-то в его голосе и в глазах, что сверлили ее, сказало ей, что он говорил абсолютно искренне. Она кивнула. Она будет хранить тайну его личности.

Он положил палец под нижний край маски. Один удар сердца, другой, затем он поднял тряпку до лба.

Кериансерай, легендарная закаленная в боях Львица, в ужасе отпрянула. Маска вернулась на место.

«Когда-то я был Портиосом, Беседующим с Солнцем», — сказал он. — «Теперь моя судьба — твоя, а твоя — моя».

7

Бой бушевал на улицах Самустала весь день и не прекратился ночью. Маленький отряд эльфов двигался сквозь город, нанося удары везде, где бандиты ухитрялись сплотиться. Несмотря на интенсивное сражение, ни один из кагонестийцев не был ранен. Кериан получила несколько порезов и синяков — ничто в сравнении с тем, через что она прошла — и Портиос, безоружный и бесстрашный, не получил ни царапины. Он тенью двигался сквозь яростные схватки, казалось, невосприимчивый к повреждениям.

Несмотря на эффектное появление эльфов, по-настоящему победа принадлежала угнетенным жителям Бианоста, которые поднялись, когда начались волнения. Вооруженные палками, инструментами, что попалось под руку, они набросились на своих угнетателей. Оружие опускалось под весом тел бесстрашных нападавших, бандиты были повержены, когда на них нахлынули волны разгневанных горожан.

Цена победы для эльфов была ужасной, но они бросили вызов легиону наемников Олина и уничтожили их. Последние бандиты покинули город еще до рассвета, набиваясь в повозки или драпая на любых четвероногих животных, которых только могли украсть. Когда они бежали, горожане забрасывали их гнилыми фруктами, камнями и насмешками.

Портиос, Львица и отряд кагонестийцев подошли к дворцу мэра. Основная масса войск Олина погибла в огне восстания. Его личная стража все еще несла вахту в резиденции мэра, но они покинули внешние галереи, сосредоточившись у главного входа, запертые в ловушку восстанием. Портиос повел свой отряд прямо к парадной лестнице дворца. Эльфы двигались в тесном строю, надев взятые у павших бандитов плащи и шлемы. Стрелы находили жизненные органы, булавы сокрушали черепа, и стража пала. Путь был свободен.

Львица рубилась с офицером бандитов, пока любезный лучник не пронзил тому стрелой горло. Портиос стоял в стороне, наблюдая, как она ведет бой.

Когда Кериан присоединилась к нему, окровавленная и тяжело дышавшая, Портиос заметил: «Ты не такой боец, как я ожидал, хотя у тебя репутация известной рубаки».

«Я родилась не во дворце. Мне никогда не давали уроков фехтования», — резко ответила она, убирая в ножны захваченный клинок. — «Я убила много врагов. Стиль не имеет значения, лишь победа».

Портиос не мог с этим спорить. Никто не ожидал стиля или изящества от простолюдина, не важно, сколь опытного.

Он первым вошел внутрь. Игнорируя возражения своих спутников, Портиос распахнул двойные двери особняка. Три арбалетных болта воткнулись в панели рядом с его головой. Не впечатленный, он крикнул: «Олин Мэн-Дэлис! Выходи и прими правосудие!»

Кериан оттащила его в сторону, когда новая партия болтов просвистела сквозь холл. Стоявший позади нее Наларин мельком заметил арбалетчиков. Он молча жестами отправил четверых своих воинов в боковые коридоры, чтобы разобраться с ними.

«Ты слишком беспечно относишься к своей жизни», — раздраженно сказала Портиосу Кериан. — «Эта революция резко закончится, если ты поймаешь стрелу».

«Ошибаешься. То, что началось, не сможет остановить единственная стрела».

Он вошел и большими шагами направился к центру богато украшенного холла, невозмутимо рассматривая барельефы, изображавшие подъем нации Квалинести. Холл был поврежден людьми Олина. Головы и конечности статуй отбиты, на травертиновом полу

остались глубокие отметины от подбитых сапог и шпор.

Они обследовали весь дворец, вытащили нескольких прятавшихся бандитов, которые погибли, сражаясь. Добравшись до зала для аудиенций лорда мэра, они обнаружили толпу слуг, прятавшихся за небесно-голубыми и золотыми гобеленами. Кериан кончиком меча выгнала их из укрытия. Их было одиннадцать, пять женщин и шесть мужчин. Все в ливрее Олина, темно-зеленых камзолах с треугольником серебряных кинжалов.

«Пожалуйста, добрые господа, не убивайте нас!» — дрожащим голосом произнес один. — «Мы скромные люди, против своей воли взятые на службу».

Портиос собирался отпустить их, но Кериан не дрогнула. Она сказала, что здесь что-то не так. Слуги могли сбежать в любое время, и почему они по-прежнему были одеты в цвета Олина, если только не предполагалось, что их обнаружат так одетыми?

Она велела лучникам прикрывать их и схватила ближайшую служанку, женщину средних лет с пестрыми волосами. Она повернула руки женщины ладонями вверх и понюхала ее рукав.

«Кухня. Поломойка», — заявила она и стянула с женщины через голову камзол. — «Ступай, убирайся».

Она повторила эту сцену с каждым из людей, называя их место в домашнем хозяйстве по отметинам на руках и запаху одежды: пекарь, сомелье, посудомойка, смотритель охотничьих собак.

Шестой человек продемонстрировал пару мозолистых ладоней с чистыми аккуратно постриженными ногтями. Не требовался чувствительный нос, чтобы уловить запах парфюма. Она положила меч ему на плечо.

«Кто ты?»

«Тейдрин. Слуга лорда Олина».

«Где Олин?» — спросил Портиос.

Человек с любопытством бросил взгляд на своего пленителя в маске: «Я не знаю, сэр. Могу я идти?»

В ответ, Кериан резанула поперек груди человека. Его зеленый камзол упал, под ним показалась плотно облегающая тонкая кольчужная рубашка.

«Это Олин!» — крикнула Кериан, отпрыгивая.

В ответ человек схватил ближайшую к нему служанку и приставил ей к горлу изогнутый кинжал: «Я перережу ей глотку, если попытаетесь остановить меня!»

Портиос пожал плечами: «Ну и что? Одним человеком меньше — едва ли расстроит меня».

«Подождите». — Кериан сказала это и для кагонестийцев, и для Олина. Отряд Наларина натянул луки и был готов стрелять.

«Убейте их обоих», — приказал Портиос.

Луки скрипнули, натягиваясь до предела. Суровые лица диковатых эльфов было уже чересчур для лорда бандитов. Он отпустил заложницу. Кериан утянула ее из-под линии огня. Олин бросил кинжал и поднял руки.

«У меня есть сокровища! Я заплачу выкуп! Вы все будете богаты!» — лепетал он.

«Сокровища, украденные у народа Квалинести».

Сказав так, Портиос поднял руку, и двое кагонестийцев выпустили стрелы. Они целились низко, и их стрелы вонзились в Олина с противоположных сторон. Он завизжал в агонии и шлепнулся на землю. Другой кагонестиец прикончил Олина ударом булавы.

Перепуганные, последние рыдающие слуги бежали.

Кериан вернула клинок в ножны. «Так все и будет?» — спросила она. — «Никакой пощады?»

«Ты бы пощадила человека, приказавшего содрать с тебя живьем кожу?» — Портиос уставился на богато украшенный потолок. — «Олин был жестоким убийцей. Всех убийц будет ждать то же самое. Это тебя беспокоит?»

Кериан стала на колено возле Олина и взяла его кошелек. В нем были стальные монеты, несколько больших драгоценных камней, завернутых в шелковый платок и кольцо с дюжиной железных ключей. Она тряхнула связкой ключей.

«Нужно посмотреть, какие замки они открывают. Камеры с заключенными или комнаты с сокровищами, как он сказал».

«Освободите пленников-эльфов. Меня не волнует, что вы сделаете с остальными. Вернем народу Бианоста украденное».

Его не прекращающееся навязчивое созерцание потолка заставило Кериан взглянуть вверх. Арочный потолок зала для аудиенций украшала фреска, изображавшая Кит-Канана, летящего на Аркубаллисе, своем знаменитом грифоне. Эта пара летела по голубому небу, тут и там усеянному белыми кучевыми облаками. Рисунок был хорошо выполнен, но эта сцена повсеместно встречалась в официальных зданиях Квалинести. Она раздраженно спросила, как ему нравится эта картина.

«Очень нравится», — пробормотал Портиос. Он рассказал им о Казанте, найденном им советнике, которого пытали за то, что тот не раскрыл местонахождение королевской казны.

«Он сказал, что сокровище спрятано в небе. Мне кажется, Олин был ближе к нему, чем даже мог представить», — сказал Портиос, указывая вверх. — «Мы должны подняться туда».

Путь оказался чрезвычайно непростым. Дворец Бианоста был старым, запутанной планировки с множеством комнат. Лишь простучав стены и обнаружив пустоту, эльфы нашли потайную дверь. За ней оказалась темная очень крутая лестница.

Обладавшие превосходным зрением в темноте, эльфы не нуждались в факелах. Портиос немедленно вошел, и остальные последовали за ним. Кериан прокомментировала, что, хотя дверь была хорошо спрятана, на деревянных ступенях не было пыли. Кто-то не так давно проходил этим путем.

Ступени сменили направление, явно огибая стену и следуя подъему арочного потолка. Когда отряд поднялся выше, духота усилилась. Проход резко закончился каменной стеной. Ни двери, ни люка, ничего.

«Ни в одном здании ступени не ведут никуда», — проворчала Кериан. — «Должна быть потайная дверь».

Портиос велел своим спутникам не осторожничать, так что кагонестийцы колотили по стенам, пока что-то не поддалось. У самого пола тонкая деревянная панель, окрашенная под камень, разлетелась под их ударами. Поморщившись, Портиос опустился на негнущееся колено и заглянул в отверстие, но даже его острые глаза не смогли ничего разглядеть в кромешной тьме.

Один из кагонестийцев протянул кремень и огниво. К стреле привязали шарик из тряпки и подожгли. Портиос сунул неровно горящий факел внутрь.

Кериан обеспокоило его молчание, и даже верный Наларин не мог больше выносить неопределенность: «Что вы видите, Великий Лорд?»

«Поразительные вещи!» — ответил Портиос, голосом, хриплым от переполнявших его

эмоций. — «Я вижу свободу нашей расы!»

* * *

Словно капли масла, растекающиеся по спокойной поверхности воды, бандиты, овсянки и рабовладельцы посыпались из Самустала во все стороны, в поиске другого пристанища в краденом государстве Самувала. Некоторые ушли не дальше Брода Грифона, в пятнадцати милях от павшей цитадели Олина, где обнаружили лагерь другого лейтенанта Самувала.

Гатан Грейден был известен как Гатан Добропорядочный, ироничное прозвище, заработанное из-за его тщательно выбранного внешнего вида. Большинство бандитских лордов хвастались зловещей внешностью с обилием татуировок, богатыми доспехами, экстравагантным оружием и шумным буйным поведением. Но не Гатан. Он одевался просто, но со вкусом, говорил тихо и вел себя как аристократ с безупречной родословной. На самом деле, он, бесспорно, был самым жестоким из подпевал Самувала. Его вотчина, с центром в городе Френост, к северо-западу от Самустала, была наиболее усмиренной во всем Квалинести.

Ежемесячно, он с большей частью своего войска осуществлял длинный круговой марш по своей территории. Это держало его солдат в форме и напоминало его вассалам, кто здесь главный. Гатан возвращался с одного из таких маршей, когда первые беженцы из Самустала настигли его в Броде Грифона. В последующие два дня там собралось еще несколько сотен бандитов, увеличив общую численность его войска до двух тысяч солдат. Вслед за армией, собралась толпа работорговцев, согнанных овсянок и их лакеев. Они верили, что Гатан довольно быстро восстановит порядок, и хотели быть неподалеку, когда Самустал будет возвращен. Большинство бежало лишь в том, в чем были.

Гатан повел свою армию на юг. По мере продвижения, он рассылал отряды на запад и восток, прочесывая сельскую местность в поисках повстанцев. Никого не обнаружили. Разведчики донесли, что город все еще стоял и был зловеще спокойным. Несколько храбрых бандитов пробрались в предместья, чтобы взглянуть поближе. Они доложил об отсутствии защитников в поле зрения. Было множество мертвых тел, но не повстанцев.

Чувствуя ловушку, Гатан отправил на рекогносцировку разведчиков. Опоясывавший старый город убогий лагерь скваттеров был сожжен, но сам город казался лишь слегка пострадавшим, хотя, в случае Самустала, было тяжело понять, что являлось свежими повреждениями, а что — всего лишь ветхостью.

Разведчики вошли через неохраняемые ворота, цоканье копыт их коней поднимало облака насекомых. Запах смерти был знаком всем, получавшим от Самувала монеты, и он заглушал даже привычную вонь Самустала. Бандиты проезжали мимо тел своих товарищей, работорговцев и горожан-эльфов. Мухи и хищники славно попировали.

Капитан разведчиков решил, что повстанцы и правда повели себя как трусы, сбежав из Самустала после своей неожиданной победы. Он подозвал всадника, чтобы отправить донесение лорду Гатану. Посыльный едва развернулся, чтобы поскакать обратно, когда ему в шею сбоку вонзилась стрела. Не успел он коснуться земли, как пятнадцать его товарищей также попадали в грязь с торчащими в шеях, груди и спинах стрелами.

«Засада! Отходим!» — прокричал капитан бандитов, разворачивая своего скакуна. Последовал второй залп, и еще десять человек упали. Капитан, наконец, заметил лучников.

Они были на парапете ограды. Разведчики проехали прямо под ними. Капитан выругался на бандитов, сообщивших, что город свободен от повстанцев.

Наверху стены из бревен ругалась уже Кериан. Кагонестийские лучники выстроились на парапете, а внизу группа порядка двух десятков горожан затаилась, сжимая захваченное оружие. После свержения Олина, многие отважные жители пришли и попросились на службу к Портиосу. Он оказал им эту честь.

«Вы упустили командира», — резко сказала она пригнувшемуся рядом с ней Наларину.

«Мы попадаем туда, куда целимся. Первый всадник уже доставил бы донесение их генералу».

«Мы должны были перебить их всех», — мрачно сказала она. Любой выживший мог предупредить их товарищей так же, как и тот первый.

Вечернее солнце отбрасывало длинные тени на улицах, и можно было видеть, как бандиты скачут по боковым улицам параллельно ограде. Крыши и колпаки дымовых труб защищали врагов. Кагонестийцы прекратили свой карающий дождь. Портиос не выпустил свое вновь сформированное ополчение; горожанам было не тягаться с конными бандитами.

«У них неподалеку должны быть еще солдаты. Никогда нельзя мешкать. Нам следовало немедленно покинуть это место».

Кериан знала, что ее ворчание было бессмысленным. В Бианосте их задержало освобождение тайника на чердаке дворца мэра, в противном случае они бы давно отправились прямиком под безопасную сень леса. Никто не ожидал, что бандиты вернутся так быстро и в таком количестве.

«Ты опасаешься врагов?»

Кериан обернулась. Портиос поднимался по ступеням на стену. Полы его рваной рясы облепляли костлявые ноги, подобно крыльям заполонивших город ворон. Она уставилась на него.

«Конечно же, я опасаюсь их! Двадцать воинов и толпа гражданских против неизвестного числа обученных наемников?»

Он с показным равнодушием отвел взгляд, и ее гнев усилился. Она окликнула стоявших внизу горожан, описав красно-желтые одежды поверженных кагонестийцами бандитов. Ей ответили, что это были цвета Гатана Грейдена.

Кериан было знакомо это имя. Она много узнала о ситуации в Квалинести за время короткого, но бурного периода своей жизни, проведенного в рабстве. Портиоса явно не впечатлило ее описание предводителя бандитов, как наихудшего из лейтенантов Самувала. Он вглядывался за парапет, хотя там мало что было видно. Гатан не был настолько глуп, чтобы выстроить свою армию на виду у врага для подсчета ее численности.

На самом деле, Портиос был погружен в раздумья. Из-за напряжения от взятия города наряду с обнаружением скрытого во дворце мэра неожиданного сокровища, его мысли бешено скакали. Он наполовину был уверен, что погибнет, освобождая Бианост от ярма лорда Олина. Будущее, когда-то ограниченное узкой тропинкой в лесу и безвестной гибелью, теперь выглядело намного шире. Но ему нужно было действовать осторожно. Он должен оставаться смелым, а иначе его восстание будет подавлено превосходящей мощью Самувала. И, вместе с тем, каждый ход нужно было тщательно продумывать. Вся ответственность лежала на его плечах. Кериансерай была патриотом и хорошим бойцом, но ей недоставало хитрости, чтобы возглавить задуманную Портиосом кампанию. Его небольшим отрядом следовало руководить с правильным подходом.

Предводитель должен игнорировать незначительные неприятности, изводящие более мелкие умы. Портиоса этому научила встреча с богом в лесу. Он не мог позволить себе отвлекаться на тактические проблемы. Он должен сосредоточиться на основной стратегии. Бог показал ему, что лишь заглядывая за рамки очевидного и обыденного, можно освободить свой народ.

Крик Львицы привлек его внимание к улице. Выжившие бандиты добрались до других ворот и во весь опор неслись по северной дороге. Не успели они еще добраться до леса, а среди деревьев показались их конные товарищи, наряду с изрядными отрядами пеших солдат. Подлинный лес пик заполнил дорогу.

«Они сосредотачиваются для атаки?» — спросил Портиос.

Кериан спрыгнула, повернулась и присела на узкий парапет, прижавшись спиной к ограде. «Нет», — мрачно ответила она. — «Они окружают нас. Грейдену не нужно штурмовать город. Он не может знать, сколько нас, так что атака стены будет тратой солдат. Ему всего лишь нужно запереть нас здесь в ловушке, пока голод и жажда не вынудят нас сдаться, или пока он не сможет сокрушить нас».

«Откуда ты знаешь?»

«Я так бы поступила».

Воцарилась зловещая тишина. Затем Портиос глубоко вздохнул.

«Мы не можем позволить, чтобы содержимое тайника попало в руки бандитам. Я бы лучше тогда уничтожил его», — сказал он. — «Так что мы должны сражаться».

Он встал. Тотчас у его плеча просвистела стрела, разорвав рукав. Кериан обеими руками сгребла его спереди за рясу и потянула вниз за заостренные бревна.

«Убери от меня руки».

Она вспомнила лицо под маской, и резко отпустила его. С видом крайне оскорбленного достоинства, Портиос снова встал и спустился по лестнице на улицу.

Кериан покачала головой. Она знавала воинов вроде него. Они часто были храбрейшими из храбрецов, но пугающими. Мало ценя свои собственные жизни, они часто не ценили и жизни других.

Они с Наларином осторожно вглядывались вдаль за стену. Тут и там, эльфийские глаза различали бандитских лучников, занявших позиции среди обгорелых развалин лагеря скваттеров.

Велев Наларину оставаться на месте, Кериан спустилась на улицу и отправилась с Портиосом обратно к городской площади.

Некогда место проведения невольничьих аукционов, казней и безвкусных развлечений Олина, площадь снова стала местом собраний эльфов Бианоста. Кериан полагала, что большинство первоначальных жителей давно исчезли, изгнанные или проданные в рабство. Но несколько сотен собрались, жаждущие служить своему освободителю. Распространился слух собраться на площади, а внезапное появление Гатана Грейдена, казалось, лишь разожгло их аппетит к драке.

Портиос шел впереди Кериан. Едва он вошел на площадь, его шаг замедлился. Толпа эльфов двинулась к нему, желая взглянуть поближе на своего благодетеля.

Кериан эта сцена была до боли знакома, напомнив ей о передвижении Гилтаса по палаточному городку эльфов-изгнанников в Кхуре. Беседующего с Солнцем и Звездами считали самым знатным в мире, но, в то время как его благодарные подданные жаждали приблизиться к дружелюбному Гилтасу, никто не пытался приставать к Портиосу. Ими

двигало любопытство и признательность, но его отталкивающее поведение сдерживало их энтузиазм. Они выстроились вдоль всего пути, но ни одна рука не протянулась к его рваной рясе. Выражения их лиц так же отличались.

Она была уже почти у фонтана в центре площади, пока смогла сформулировать это отличие. Беседующий с Солнцем и Звездами олицетворял высокий идеал. Портиос был отражением каждого из них, гневом и стыдом каждого эльфа в порабощенных землях, воплощенном в одном костлявом жалком теле.

Загоны для рабов были снесены толпой. С тех пор, центральный фонтан очистили от обломков и мусора. Видя это, Кериан вслух поинтересовалась восстановлением тока воды.

Стоявший на каменной платформе у обелиска эльф сказал: «Воды нет».

«Как, нет? Совсем нет?»

Он пояснил, что трубопроводы были разрушены или забиты мусором. — «Олин не беспокоился поддерживать их. Уже несколько месяцев всю воду доставляли».

«Доставляли откуда?» — спросила Львица, сужая глаза.

«Из источников в низине к югу от города».

Лагерь скваттеров вырос, когда торговцы устали бродить туда-сюда из-за ограды за водой. Они перебрались наружу, чтобы быть ближе к источникам.

Кериан сделала властный жест Портиосу следовать за ней. Ощущая на себе сотни взглядов, он подчинился. Они поднялись по ступеням дворца мэра.

Вне зоны слышимости толпы, она прошипела: «Ты слышал? Бандиты отрезали нас от единственного источника воды!»

«Под улицами есть цистерны для сбора дождевой воды. Будем пить ее».

Она гневно заметила, что цистерны, скорее всего, были практически пусты после длинной летней засухи. А оставшаяся в них вода застоялась, являясь прямым приглашением к болезни.

«Тогда, мы будем сражаться и победим до того, как нас замучит жажда», — ответил Портиос.

Знаменитое самообладание Львицы едва не оставило ее. Портиос добился изумительного результата, но его отрешенное безразличие к их безопасности бесило ее. В первый раз с момента оставления Кхура внутри нее закипала вся застарелая неприязнь лесного эльфа к городским лордам. Этот высокомерный изуродованный знатный эльф ставил на кон жизни их всех!

Невозможно представить, что бы она сделала, если бы не вмешалась судьба в лице одного из кагонестийцев Наларина, эльфийки по имени Небо. Она быстро поднималась по ступеням, зовя Кериан и Великого Лорда. Их звали обратно на северную стену.

Кериан схватилась обеими руками за свои немытые волосы. «Что там еще?» — простонала она.

«Бандиты ведут бой», — ответила Небо и пустилась обратно.

Кериан поняла это так, что отряд Наларина был в опасности. Она направилась вниз по лестнице, даже не обернувшись посмотреть, последовал ли за ней Портиос.

Толпа эльфов на площади забросала ее тревожными вопросами. Кериан отмахнулась от них, но быстро поняла, что это ошибка.

«Бандиты возвращаются», — сообщила она, не сбавляя шага. — «Если вы дорожите своей свободой и любите свою расу, следуйте за мной и прихватите оружие. Идет сражение!»

Послышалось лишь несколько криков ужаса. Как один, эльфы похватали все, что только могло служить оружием, и рекой потекли вслед за Львицей.

Приближаясь к ограде, Кериан услышала явные звуки сражения. Выйдя на последнюю улицу внутри стены, она с удивлением увидела пригнувшихся за парапетом кагонестийцев Наларина. Не похоже было, чтобы они вели бой, так кто дрался?

Она поднялась бегом по лестнице. Оставшись внизу, эльфы Бианоста крепко сжимали непривычное оружие, обратив вверх напряженные лица.

«Что происходит?» — спросила Кериан.

Один из кагонестийцев молча указал рукой. Кериан прильнула глазом к щели между бревнами и вгляделась. Она резко вдохнула.

За пустырем лачуг скваттеров и в самом деле разгорелось нешуточное сражение. Солдаты Гатана Грейдена, кто пешком, кто на конях, столпились вокруг развевавшегося штандарта своего предводителя. Никто из стоявших на ограде не мог определить их врагов сквозь вздымавшиеся облака пепла и грязи, но Наларин высказал безрадостное и логичное предположение. Бежавшие из города Олина крысы разнесли во все концы слух о его падении. Вновь прибывшие, скорее всего, были войсками другого лорда бандитов, собравшегося присвоить бывшую территорию Олина.

«Это, может, и изрядно обглоданная кость, но за обладание ею они будут драться, точно бешеные псы», — сказал он.

Кериан наблюдала, как всадники с копьями в ярких нагрудниках прорывались сквозь расстроенные порядки Грейдена. Его внимание было всецело сосредоточено на городе. Он не ожидал атаки откуда-то еще. Наемники выстраивали каре, чтобы сдержать кавалерию, но они были изолированы друг от друга и не способны на что-либо, кроме как сражаться за свои жизни.

Еще до заката бой был окончен. Сам Грейден в окружении своих лучших слуг покинул поле сражения. Своих людей он оставил на милость победителей, и, как и наемники Олина до них, бандиты дрогнули и бросились врассыпную. Последнее, что видела Кериан о Гатане Грейдене, был его штандарт, уносимый прочь воином на черном коне.

Горожане, наблюдавшие за сражением сквозь щели в бревнах на уровне земли, разразились одобрительными криками, когда солдаты Грейдена бежали. Кериан громогласной командой утихомирила их. Лекарство могло оказаться хуже болезни.

Группа конных воинов рысью направилась к ограде. Кагонестийцы наложили стрелы и ждали приказа открыть огонь. Приближавшаяся колонна насчитывала порядка трех сотен всадников.

Нужно было либо драться, либо сдаваться, и, со своей стороны, Кериан не собиралась снова дать заковать себя в цепи. Лучше умереть прямо здесь и сейчас.

Она крепко сжала трофейный меч. Будучи посредственным лучником, она оставила это искусство гораздо более способным. Вскоре бой будет кипеть вокруг.

Конная колонна остановилась у границы выжженной области лачуг. Меньший контингент из сорока всадников продолжил путь.

Все еще вглядываясь сквозь щель между бревнами, Кериан пробормотала: «Хотела бы я знать, есть ли у Пугала секретное оружие».

«Лишь мой разум и мое зрение».

Он был в полуметре от нее, с привычной беспечностью выглядывая через зазубренный парапет. Однажды он поймает стрелу. Добавила она.

«Но не сегодня. Не видишь? Это эльфы».

Если бы он осыпал собравшихся защитников стальными монетами, он бы не смог ошеломить их сильнее. Кериан приподнялась и выглянула через верхушку бревенчатого бастиона. Доспехи всадников были обычными полулатами; их шлемы — открытыми. Такие же доспехи носили наемники от Маяка до Рымдара. Упряжь их коней также не выдавала характерный эльфийский стиль. Что увидел Портиос?

Контингент остановился на границе дальности полета стрелы. По садящемуся солнцу проскользнуло облако, и, когда его тень накрыла поле, Кериан, наконец, увидела эмблемы всадников. Их яркие нагрудники были украшены инкрустированным серебром символом. При ярком свете контраст был слишком слабым, чтобы разглядеть на расстоянии.

Символ был звездой, восьмиконечной звездой Сильванести.

Передние ряды расступились, и выехали трое всадников, оставив остальных позади. Всадники по бокам были мужчинами, один в шлеме и плаще командира, другой — хорошо одетым знатным эльфом. Между ними на белой кобыле ехала эльфийка необычайной красоты. На ней был костюм для верховой езды из джасперина, тонкой белой ткани с ярким красно-золотым узором. Она откинула капюшон, обнажив черные волосы.

Кериан уставилась в изумлении. Всадница была похожа на… но этого не могло быть. Это было слишком маловероятно.

Сопровождавший ее пожилой знатный эльф поприветствовал их. Наверху стены из бревен никто не дышал, уж тем более, не ответил.

«Великий Лорд, ты будешь говорить?» — прошептал Наларин.

Ответа не последовало. В первый раз неизменно самоуверенный, в высшей степени чопорный Портиос лишился дара речи. Увидев его состояние, Кериан поняла, что ее предположение о личности этой женщины было верным. Его глаза были расширены. Костлявые плечи тряслись.

«Не могу!» — Хриплые, отчаянные, эти слова падали с его губ, точно кровь из свежей раны. Он задыхался. — «Не могу!»

Все уставились на него, особенно местные эльфы. Что за новая опасность могла лишить присутствия духа отважного спасителя Бианоста?

Затем, к удивлению, Портиос повернулся и сполз по лестнице. Внизу он споткнулся, едва не упав лицом вперед, удержал равновесие и ринулся прочь, расталкивая изумленных горожан, точно плуг целину.

Знатный эльф снаружи ограды снова окликнул их. Кериан вложила меч в ножны и направилась к лестнице.

Наларин придержал ее рукой за предплечье. «Это друзья?» — спросил он.

«Они — подарок богов!»

Она направилась к прорезанной в воротах ограды калитке для вылазок. Некоторые из эльфов Бианоста, не понимая, что происходит, принялись возражать. Кериан бросила лишь краткие заверения, прежде чем открыть рывком дверь и шагнуть наружу.

Облаченная в белое эльфийка направила к ней свою лошадь. Кериан стиснула рукоять меча и замерла, вытянувшись по стойке «смирно», подражая позе дворцового стражника.

«Приветствую», — сказала всадница. Ее голос был теплым и искренним. — «Рада, что мы прибыли вовремя. Бандиты растянулись в тонкую линию, пытаясь окружить город. Нам повезло разогнать их».

Ощущая себя неопрятной и нечесаной, Кериан провела рукой по коротко

постриженным волосам и смущенно улыбнулась. Хотя всадница говорила по-квалинестийски, Кериан ответила на сильванестийском. Она говорила не бегло, но намного лучше, чем когда они встречались последний раз. «Мы тоже этому рады, Ваше Высочество. Едва ли я могла ожидать, что буду спасена семьей», — сказала она.

Красивое лицо несколько секунд выражало непонимание, а затем: «Кериансерай?»

Это имя было произнесено недоверчивым шепотом. Улыбка Кериан растянулась во весь рот.

Вместе со своими лесными воинами вышел Наларин. Предводитель кагонестийцев спросил, кто эта знатная леди.

Всадница улыбнулась ему: «Я — Эльхана Звездный Ветер, к вашим услугам».

8

Дым стелился по городской площади Бианоста, подпитываемый все еще тлевшими развалинами домов в округе. Появляясь и исчезая в полосках дыма, Кериан с Наларином вели Эльхану Звездный Ветер к дворцу мэра. Эльхану сопровождали Самар, Чатендор и небольшой почетный караул. Основная часть ее воинов осталась патрулировать снаружи ограды и убедиться, что Гатан Грейден со своими бандитами не наберутся мужества и не вернутся.

У подножия лестницы дворца мэра, Кериан повернулась лицом к площади и Эльхане. Жители Бианоста с огромным интересом наблюдали за ними. Одетая в белое эльфийская леди, несомненно, была очень красива, но мало кто из них знал, кем она была, и почему их таинственный предводитель при виде ее выглядел таким пораженным.

Портиос и был поражен, еще сильнее, чем когда-либо. Он не ожидал снова увидеть свою жену по эту сторону смерти. Он стоял наверху лестницы с широко раскрытыми глазами. Портиос больше, чем когда-либо, напоминал пугало, и его молчаливая неподвижность лишь усиливала это сходство. Его ряса мягкими свободными складками висела на истощенном теле. Опоясывавший талию грубый пояс ослаб, и края одеяния волочились по камням.

Эльхана и два ее лейтенанта натянули поводья, и она спросила: «Кто здесь командует?»

Горожане повернулись и посмотрели на Портиоса. Эльхане не потребовалось больших усилий понять, что эта фигура в лохмотьях и была тем предводителем, которого она искала. Она ждала, что он заговорит.

Но он не стал. Взметнув лохмотья, он повернулся и исчез в особняке мэра. Эльхана растерянно моргала. Она ожидала, по меньшей мере, дружеского приветствия. Внезапный уход незнакомца в маске лишил ее дара речи. Ее эскорт был глубоко оскорблен, и из толпы послышался озабоченный ропот.

Кериан могла понять шок Портиоса. Его спасла от уничтожения собственная жена. Скорее всего, он не видел ее с момента своего ужасного обезображивания. Возможно, он позволил ей считать себя мертвым. Но был ли это стыд из-за его уродства или стыд от того, что его спасла оставленная жена, Кериан была раздражена его молчаливой грубостью. Эльхана и ее солдаты заслуживали лучшего.

Этикет и дипломатия не были ее сильными сторонами, но Кериан пришла на выручку. Ее раннее упоминание об Эльхане, как о семье, было сродни легкому поддразниванию. Гилтас приходился Портиосу племянником; но Кериан с Эльханой никогда не были особо близки.

Став по стойке «смирно», повышая голос и высоко поднимая меч, Кериан провозгласила: «Приветствуем тебя, Эльхана Звездный Ветер. Добро пожаловать в Бианост! Твое своевременное вмешательство спасло нас всех!»

Эльхана любезно ответила, а затем представила Самара и Чатендора.

Самар уставился на Кериан, словно не веря своим глазам. «Мы думали, ты в Кхуре, с Беседующим», — воскликнул он. — «Как ты оказалась здесь?»

«Это долгая и запутанная история, оставим ее». Кериан представила Наларина. Самар слышал его имя и знал его репутацию. До войны Наларин был прославленным разведчиком.

Эльхане Кериан сказала: «Тебе лучше войти внутрь. Многое нужно обсудить».

Эльхана взглянула на дверь, за которой исчез незнакомец в маске. «И в самом деле, многое нужно обсудить», — подумала она.

Она спешилась. Все простые жители Бианоста, как один, преклонили колено. Хотя среди них были и квалинестийцы, и сильванестийцы, они молча оказали дань уважения. Приподнимая платье, Эльхана с торжественной грациозностью поднялась по лестнице. Кериан последовала за ней.

Наверху лестницы Эльхана задержалась. Момент почтительности прошел. Усталые горожане продолжили расчищать разрушенные и сожженные остатки невольничьего рынка.

Бывшая королева вздохнула. «Когда-то это был такой красивый город», — сказала она. — «Я помню тот день, когда был открыт этот дворец. Была весна, и аромат гиацинтов хмелил. На площадь принесли и выложили цветной мозаикой сотни и сотни живых цветов».

Кериан едва могла представить это. Сегодня здесь были лишь дым, пот и запах крови. Она заглянула за спину Эльхане в зал для аудиенций. Портиоса не было видно. Она заговорила неофициально с Наларином, попросив его отыскать своего командира и привести сюда.

Наларин был не уверен: «Если Великий Лорд не собирается приходить, я не могу заставить его».

«Логично. Но передай ему, что я настаиваю показать Эльхане сокровище».

Наларин ушел. Подчиненные Эльханы, Чатендор и Самар, обсуждали разгром бандитов.

«Они никогда не могли противостоять нам в честном бою», — сказал Самар. — «Если бы зверюга Берил не ослабила нас, если бы не вторглись Рыцари, эти бандиты никогда бы не нашли здесь приюта!»

Да, кисло подумала Кериан, а если бы у коней были рога, то они были бы коровами.

Меняя тему, она спросила Эльхану, как они здесь оказались.

«До меня дошли слухи о восстании под предводительством неизвестного в маске с большим военным навыком. Я созвала свою старую гвардию по землям Нового Моря и сразу прибыла, чтобы оказать поддержку».

Это звучало очень просто, но и слишком отрепетировано. Кериан достаточно давно была среди членов королевской семьи, чтобы распознать дипломатическую ложь. Мог ли слух о скромных победах Портиоса так быстро добраться так далеко? Если да, то и враги эльфов должны были бы знать о них.

Зал для аудиенций представлял собой еще то зрелище. Факела освещали самодельные леса, сколоченные из обугленных бревен клеток для рабов. Башня из перекладин и столбов возвышалась в центре зала до зияющей дыры в расписном потолке.

Следуя приглашению Кериан, Самар взобрался по лесам. Он стоял, засунув голову и плечи внутрь чердака, и изучал при свете факела помещение. Оно не представляло собой привычное воздушное изящество, свойственное эльфийским сооружениям. К тонким потолочным перекладинам были добавлены толстые балки, поверх которых были уложены доски, образовав пол. Тяжелые доски, обратил внимание он. Балка над головой несла следы от блока и лебедки. Чтобы ни было спрятано здесь, оно было очень тяжелым. Все, что осталось — лишь обрывки веревок и мешковины. Он развернулся и спустился с лесов.

В зале внизу Чатендор сделал свое собственное открытие: несколько сваленных в кучу мешков. Льняные мешки были слишком тонкими для слитков. Стальные болванки прорвали бы их. Самар уловил исходящий от ткани слабый аромат. Пахло минеральным маслом и чем-то еще. Он сунул руку в пустой мешок и ощупал швы. Его пальцы оказались покрыты липким

желтым пчелиным воском.

Он выругался. Чатендор шикнул на него, напомнив о присутствии Эльханы. «И леди Кериансерай, конечно же», — немного запоздало добавил пожилой придворный. Кериан весело фыркнула.

Самар знал, что означали эти мешки. Сверля ее взглядом, он спросил: «Как вы нашли их?»

«Их?» — переспросил Чатендор.

Кериан рассказала о загадочной подсказке умирающего советника относительно сокровища в небе.

Хотя ее замешательство было очевидным, Эльхана была слишком хорошо воспитана, чтобы настаивать на быстрых ответах. У Чатендора не было таких предрассудков. «Что за сокровище?» — спросил он. — «О чем вы оба говорите?»

Самар ответил: «Клад не стали или драгоценных камней, а оружия!»

Кериан подтвердила его логические выводы. Она пояснила, что оставленный вместе с сокровищем на чердаке пергамент поведал историю. В скорбные для Квалинести дни, оружие из огромного арсенала Квалиноста было вывезено, как часть отчаянного плана вооружить каждого способного держать оружие эльфа в стране. Королевский арсенал был разделен на три части. Одна часть была оставлена в городе и потеряна, когда Берил уничтожила его. Вторую часть отправили в крепость Пакс Таркас, но она так и не прибыла туда. Быстро передвигавшийся отряд неракской кавалерии перехватил караван и похитил оружие. Последняя, третья часть предназначалась для новой собиравшейся в Вайретском лесу армии. Она также так и не достигла места назначения. События застигли караван врасплох, и оружие спрятали во дворце мэра в Бианосте. В последовавшем хаосе лишь один советник Бианоста все еще помнил, где было спрятано оружие.

«Люди Олина слышали слухи о тайном кладе и думали, что это сокровища», — рассказала Кериан. — «Они пытали Казанта, но он не выдал тайну. Он дал единственную подсказку», — она лишь слегка запнулась, — «нашему предводителю, который установил местонахождение клада».

Эльхана рассматривала разрушенный потолок. — «Поразительно. Где сейчас это оружие?»

«Разделено на много частей и спрятано в зданиях по всему городу. Мы собирали повозки и тягловый скот, когда показалась армия Грейдена».

«Куда вы собирались доставить его?» — спросил Самар.

«В лес. Мы поднимем знамя Квалинести и призовем всех годных к военной службе эльфов».

Самар и Чатендор были невысокого мнения об этом плане. Во всем Квалинести оставалось несколько тысяч эльфов, включая мужчин, женщин, детей, по большей части кагонестийцев, которым не было дела до восстановления государства Квалинести.

Кериан подумала о бывших у нее под командованием в Кхуре закаленных воинах. Если бы только они были с ней. Но они находились в пустыне, гоняясь за дурацкой мечтой Гилтаса о новой родине.

«Я бы поговорила с вашим предводителем».

Голос Эльханы вмешался в мрачные раздумья Кериан. — «Я послала Наларина найти его. Он — очень загадочный. Приходит и уходит в любое время, и не слушает никого, кроме себя».

Эльхана присела на основание разрушенной статуи, когда-то величавого изваяния бывшего правителя Квалинести, стараниями разбойников Олина превращенного в груду камней.

«Я подожду».

Кериан кивнула. Было бы чего ждать, подумала она. Эльхана заслуживала услышать правду.

«Я приложу все усилия, чтобы направить его к вам», — сказала она. — «А пока, я должна позаботиться о том, чтобы найти еще повозки и лошадей. Мы ничего не добьемся, если наши враги вновь захватят Бианост с остающимся в нем арсеналом».

Она ушла, и Самар последовал за ней, собираясь посмотреть, как королевские гвардейцы справлялись с патрулированием внешних границ города.

* * *

Солнце клонилось к закату, и рассеянный свет сумерек медленно угасал. Чатендор бродил по разрушенному залу, комментируя отделку и архитектуру. Его госпожа не отвечала, лишь вежливо слушала его болтовню. Наконец, утомленный событиями дня, он поднял большое кресло и уселся. В высоких окнах зала показались первые звезды. Звук голосов снаружи сливался в тихий убаюкивающий шелест. Чатендор начал похрапывать.

Эльхана сидела неподвижно, на ее лице не отражалось ни одно из роящихся в ее сердце сомнений. Мог ли этот предводитель повстанцев в маске быть ее мужем? Она едва видела его мельком, прежде чем он внезапно ушел. Так что она ждала с огромным терпением давно живущей эльфийки, хорошо обученной королевы и жены, всецело намеревающейся не двинуться ни на дюйм, пока не получит искомые ответы.

Звуки шагов заставили ее вздрогнуть, выдав, насколько тонкой была видимость спокойствия. Они донеслись из тени в дальнем конце зала, неторопливые и уверенные, точно поступь глашатая, желающего, чтобы его услышали. Эльхана стиснула холодными, как лед, руками колени. В шести метрах от нее возник силуэт, невыразительный в слабом свете звезд. Ее сердце заколотилось сильнее. Она сделала судорожный вдох.

«Тебе нечего бояться». — Его голос был тихим, хриплым и совершенно незнакомым.

Ее спина выпрямилась: «Я не боюсь».

«Боишься. Твое сердце колотится точно гонг».

«Я не привыкла беседовать в темноте». — Не двинувшись с места, Эльхана огляделась по сторонам. — «Здесь нет свечи или лампы?»

«Зажжешь, и я уйду».

Настал ее черед в заверениях. «Тебе нечего меня бояться. Я безоружна, и», — Чатендор захрапел сильнее, — «ну, не совсем одна».

Он подошел ближе на несколько шагов, превратившись в темную фигуру, облаченную в рваную свободно свисавшую рясу. Лицо и голова были полностью скрыты капюшоном рясы.

«Зачем ты пришла сюда?» — спросил Портиос.

«Чтобы оказать помощь восстанию».

«Ты могла прислать солдат. Зачем *ты* пришла?»

С тщательно спланированной выразительностью Эльхана сказала: «Чтобы найти тебя».

«И кто я?»

Его голос изменился. Разница была едва уловимой, но для Эльханы она была заметной, точно маяк. Тембр и модуляция, даже намек на них, были до боли знакомы. Это был Портиос!

Облегчение, столь сильное, что ее голова поплыла, тут же сменилось приливом адреналина. Ее сердце снова начало колотиться. Ей хотелось броситься к нему, обнять, потребовать ответов. Больше всего ей хотелось сорвать рваную маску, стоявшую между ними точно стена.

Ей хотелось, но она этого не сделала. Вместо этого, боясь спугнуть его, Эльхана сохраняла полную неподвижность, живая статуя, сидящая на разрушенном гипсовом цоколе. Единственное, что двигалось, это ее глаза, изучающие его.

«Ты…» — Она прочистила горло. И даже теперь, ее слова выходили самым тихим шепотом. — «Ты тот, кого я люблю».

Портиос внезапно отпрянул, и Эльхана испугалась, что он ушел, но, когда он заговорил снова, его голос раздался из темноты справа от нее.

«Если бы это было правдой, ты бы держалась подальше».

«Держаться подальше! Как я могла? Как королева, я потеряла свою страну. Как мать, я потеряла своего ребенка». — Ее голос дрогнул. Уголком глаз она видела, как он сделал шаг в ее сторону, но затем снова замер. Она сделал глубокий дрожащий вдох. — «Я не живу. Я едва существую в центре огромной пустоты. Не важно, куда я иду или с кем я; эта пустота всегда со мной. Чтобы получить ответ на самую малую толику ‘почему’, я бы погрузилась на самое дно Налис Арен или взобралась на Ледяную Стену. Отправиться сюда было пустяком!»

Произнесение вслух так долго вынашиваемых внутри слов успокоило ее. Но не Портиоса.

«Ты хочешь знать, почему?» — Прошипел он. — «Иногда нет никакого почему! Иногда это всего лишь поворот судьбы. Когда боги покинули нас, они не взяли с собой Судьбу. Она осталась в мире, жестокая, капризная и бессердечная. Она забрала мою жизнь, но не позволила мне умереть. Так что, я здесь, пойманный между ними. Один».

Она повернулась к нему. Она снова почувствовала, как он отпрянул, но не могла остановиться: «Тебе не нужно быть одному! Ты не возьмешь мою руку?»

Ее вопрос и ее протянутая рука надолго повисли в воздухе. Наконец, он прошептал: «Возвращайся туда, откуда пришла. Если хочешь, оставь своих воинов, но уходи. Я выиграю эту кампанию, а затем умру. Это — моя награда за спасение нашего народа. Если ты останешься, то тоже умрешь, а я не выдержу это. Я вынесу все, что угодно, Эльхана, кроме этого».

Шуршание подола лохмотьев по мусору на полу сказало ей о его уходе. В венах Эльханы вместо чувства потери пело ликование. Во время его речи она ощущала нараставшее отчаяние, пока он не произнес ее имя. Он насытил это единственное слово такими эмоциями, что она, наконец, знала, что ее поиски не были безнадежными. Он мог быть холодным и недостижимым, как звезды над головой, но Портиос был жив.

Голоса возвестили о возвращении Самара и Кериан. Львица несла горящий факел.

«Эльхана?» — Воскликнула Кериан, с удивлением обнаружив ту все еще сидящей в темноте. — «Ты в порядке?»

Она пошлепала себя по щекам. «Я в порядке».

«Ты с кем-то говорила?» — спросил Самар.

«Лишь с Чатендором». — Ее пожилой советник как раз только просыпался, тем самым опровергая ее слова, но Самар никогда не стал бы возражать ей.

Так же, как и Кериан, которая знала правду. Эльхана говорила с Портиосом. Одни ее слезы уже были доказательством этого.

* * *

Прошли два дня, Портиос не показывался. Сперва, Наларин и его кагонестийцев не обеспокоило отсутствие их предводителя. Он часто уходил сам по себе. Но в текущей ситуации его продолжительное отсутствие начало выглядеть зловещим.

Жители Бианоста также были неспокойны. Они сплотились вокруг таинственного вождя в маске и свергли своих угнетателей, но их предводитель пропал, и никто не знал, что делать.

Кериан занималась военными вопросами, и ее не тревожило отсутствие Портиоса. Ее вдруг осенило, насколько сильно он должен был страдать при виде жены, которую покинул. В каком-то смысле она понимала, что он чувствовал. Если бы Гилтас прибыл к воротам Бианоста, она бы захотела сбежать или двинуть ему. И то и другое было равновероятно.

Самар отвечал за королевскую гвардию, но презрительно относился к милиции Бианоста и подозрительно к кагонестийцам Наларина. Он не слишком дипломатично сказал Эльхане, что при первых признаках опасности горожане разбегутся, а кагонестийцы скроются в лесу, оставив остальных драться за себя против какой-нибудь присланной Самувалом армии.

Разгневанная его высокомерием, Кериан напомнила, что эти кагонестийцы и жители Бианоста нанесли поражение всему отряду Олина. Самар пренебрежительно махнул рукой; трусливые наемники Олина разбежались еще до того, как был убит их вожак. Он выразил мнение, что смерть Олина была результатом чистой случайности, а не следствием умения Кериан и кагонестийцев.

«Смелый вывод со стороны того, кого здесь даже не было!» — резко ответила Кериан. — «Ты всегда ведешь сражения своим ртом?»

Прежде чем произошел обмен еще более гневными репликами, Эльхана с Чатендором развели упрямых воинов. Чатендор попросил Кериан провести его по городу, чтобы взглянуть на тайники с оружием из Квалиноста. Эльхана отослала Самара с шестьюдесятью всадниками прочесать область вокруг Бианоста в поисках следов бандитов.

Когда солнце начало клониться на второй день отсутствия Портиоса, Эльхана поняла, что должна встретиться с горожанами, чтобы помочь успокоить их нараставшую тревогу. Она отправила Чатендора пригласить командиров добровольцев Бианоста на совещание этим вечером после заката.

Городскую площадь очистили от обломков и тел, и разожгли костер. Эльхана уселась перед дворцом мэра на складной стул на третьей ступени снизу. Справа и ниже Эльханы стояли Чатендор и Самар. Кериан с Наларином стояли слева от Эльханы.

Львицу не порадовал доклад Самара о его разведке местности вокруг Бианоста. Он не нашел ничего. Кериан была уверена, что за городом наблюдают, и была не слишком высокого мнения о мастерстве Самара, что он не сумел обнаружить разведчиков или шпионов бандитов.

Горожане Бианоста прислали троих представителей: Ванолина, нотариуса; Териontаса, ювелира; и Герантаса, целителя животных. Эльхана любезно поприветствовала их, похвалив за отважные действия при помощи в спасении города. Эти трое испытывали явное благоговение в ее присутствии, но беспокойство придало Териontасу, их представителю, храбрости высказать бывшее на уме.

«Великая Госпожа, народ Бианоста встревожен исчезновением Орексаса», — произнес он.

«Кого?» — Вырвалось у Эльханы, и Кериан едва сдержалась, чтобы не фыркнуть. Это квалинестийское слово всего лишь означало «начальник» или «управляющий», но Кериан знала, что на востоке страны им называли управляющих оркестрами или хорами. Она нашла намек на артистизм особенно забавным, учитывая холодный расчетливый стиль руководства Портиоса.

Териontас принялся пояснять, как жители Бианоста дали это имя своему спасителю в маске, не имея другого имени, чтобы называть его. Кериан прервала его витиеватую речь.

«Как бы вы не звали его, это не изменит того факта, что он пропал», — резко сказала она. Она посмотрела на Эльхану, которая последняя говорила с Портиосом перед его исчезновением. — «Он вернется?»

Мерцающий свет огня делал линии лица Эльханы более глубокими, и на мгновение ее алебастровая красота сменилась маской старости. Это длилось лишь краткий миг, и могло быть всего лишь игрой мерцающего огня, но стоявшая к ней ближе всех Кериан почувствовала, что уловила муку, тщательно скрываемую элегантной леди.

«Не уверена», — ответила Эльхана. — «Но, пока он не вернется, мы должны продолжать».

Териontас, как я и вся городская делегация, явно был расстроен. «Что это значит?» — спросил он. — «Мы начали революцию. Теперь она закончена, потому что Орексас исчез?»

«Нет, она не закончена!» — Быстро ответила Кериан. — «Мы можем продолжать. Помните, у нас есть оружие, чтобы снарядить огромную армию».

«Какую армию?» — Поинтересовался Самар. — «Три сотни королевских гвардейцев, двадцать диковатых эльфов и несколько десятков горожан?»

Териontас почтительно, но строго поправил его, озвучив общую численность эльфов Бианоста как триста сорок девять.

«И все равно, не много для армии», — сказал Самар.

«Мы взяли Бианост с намного меньшей численностью, и защитили его», — резко произнесла Кериан.

«Бандитов застали врасплох. Когда Самувал выяснит, что здесь произошло, он выступит сам. У него двадцать тысяч людей, и он может призвать, по крайней мере, еще столько же гоблинов. Как вы обманете толпу в сорок тысяч воинов, леди?»

Кериан скрестила руки на груди, от гнева крепко сжав плечи ладонями: «Так уже было. Я остановила Рыцарей с гораздо меньшими силами».

«Тогда у тебя были безопасные убежища. Где теперь ты укроешься? Тебя тайно поддерживал Беседующий с Солнцем и большая часть населения Квалинести. Где они теперь?»

«Довольно».

По приказу Эльханы воцарилась тишина. Самар, с пробудившейся профессиональной гордостью, во время их спора сделал шаг в сторону Львицы. Он отступил назад.

«Ясно, что мы должны сделать трудный выбор», — продолжила Эльхана. — «Первое и самое главное, мы должны вывезти тайник с оружием и спрятать его где-то в безопасном месте».

Ее прервало появление всадника. Один из ее гвардейцев легким галопом пересекал площадь. Его неспешное приближение сказало им, что какие бы новости он не вез, те не были срочными. Самар направился принять послание у гонца. Коротко обменявшись фразами, Самар вернулся и доложил Эльхане.

«Обнаружили двоих незнакомцев. Эльфов. Один серьезно ранен. Они выглядят и ведут себя как воины, но их оружие и одежда крайне необычны».

Самар махнул всаднику приблизиться и попросил его дать пояснения. «Они в оборванной одежде», — сказал эльф. — «Очевидно, они проделали очень долгий путь. У пострадавшего нанесенная мечом в ребра рана, сильно нагноившаяся. Он был на лошади. Второй вел эту лошадь. На каждом странный прямой халат до лодыжек, когда-то светлый, но сейчас очень грязный. У них конические заостренные шлемы».

Дрожь охватила тело Кериан. «А их мечи?»

«Длинные изогнутые сабли, выглядящие, точно потеряли гарды…»

Ее восклицание заставило всех вздрогнуть.

«Это кхурские мечи!» — Крикнула она. — «Они назвали вам свои имена?»

«Ведший лошадь, сказал. Он говорил, точно грубый пехотинец, но назвал благородное имя: Амбродель».

«Гитантас!»

Крикнув это, Кериан рванула к всаднику, запрыгнула сзади него на лошадь и крикнула: «Доставь меня к нему! Я знаю его!»

Самар запротестовал, что совещание еще не было окончено, но Кериан проигнорировала его. Она пнула лошадь, и они с грохотом направились прочь через площадь. Они покинули Бианост по восточной дороге, затем повернули, чтобы срезать через сожженный лагерь скваттеров. Огибая разросшуюся рощу яблоневых деревьев, они неслись галопом по грунтовой дороге, пока не добрались до группы конных гвардейцев.

«Где эти двое незнакомцев?» — спросила Кериан.

Гвардейцы не четко видели ее, но были уверены, что она — не одна из их офицеров. Один спросил ее имя.

«Я — Кериансерай, командующая армией Беседующего с Солнцем и Звездами!»

Это прозвучало весьма впечатляюще, и все эльфы вытянулись по стойке «смирно», что было не так просто, учитывая, что они были в седлах. Они сопроводили ее и гонца вдоль оврага к пересохшему руслу, заросшему молодым ивняком. Скрытый из виду высокими берегами пересохшего ручья, там горел небольшой костер. Вокруг него собрались эльфы. Кериан соскользнула с лошади и, расталкивая эльфов, добралась до костра.

Среди блестящих рядов королевских гвардейцев сидел очень грязный эльф. Спутанные волосы падали на его худое лицо, но смотревшие на Кериан голубые глаза были все теми же глазами ее молодого товарища.

«Гитантас!»

Он встал, слишком быстро, и пошатнулся. Стоявшие рядом эльфы поддержали его.

«Командир? Леди?» — Он протянул тонкую руку, словно пытаясь убедиться, что у него не галлюцинации. Широко улыбаясь, Кериан сделала шаг вперед и обняла его. Он всеми костями и сухожилиями чувствовал себя в ее объятиях, точно дитя.

«Это *действительно* ты», — изумленно прошептал он.

«Что случилось? Как ты оказался здесь?»

«Командир, я могу спросить тебя то же самое», — печально пошутил он. — «Большей частью, пешком, из самого Кхура».

Он едва держался на ногах. Кериан помогла ему снова сесть, и сама села рядом с ним. Он показал рукой на лежавшего у огня своего истощенного охваченного лихорадкой товарища: «Это Камарантас. Мы двое — все, что осталось от посланного Беседующим на твои поиски отряда».

Когда они повернулись посмотреть, присматривавший за Камарантасом эльф покачал головой. Последний из товарищей Гитантаса умер. Не говоря ни слова, стоявшие вокруг воины склонили головы, дважды хлопнули в ладоши, сделали паузу, и еще раз дважды хлопнули в ладоши — древнее отдание чести мертвому из Дома Защитников.

«Он так и не узнал, что мы сделали это». — Лицо Гитантаса приняло безрадостное отсутствующее выражение того, кому довелось слишком много скорбеть.

Кериан сочувствовала его потере, но время поджимало. «Ты должен идти со мной. Я должна услышать твой рассказ. Ты должен поговорить кое с кем важным». — Она запоздало добавила, — «Ты ел?»

Он уже поел. Гвардейцы Эльханы дали ему еды и воды. Что ему было нужно, так это сон. Камарантас был ранен, когда они наткнулись на засаду гоблинов четырьмя днями ранее. Гитантас поклялся, что найдет целителя, и не осмеливался отдыхать, чтобы не дать умереть своему товарищу.

Кериан пообещала, что он вскоре будет спать в лучших апартаментах Бианоста, но сейчас он должен еще немного продержаться.

Когда им привели лошадей, Гитантас сказал: «Леди, у меня печальные новости. Беседующий и весь народ в смертельной опасности!»

Она подавила нетерпение: «Как и когда я оставила их. Как и было всегда в Кхуриносте».

«Они больше не в Кхуриносте!»

Он пояснил, что Беседующий начал великое переселение всей нации в Инас-Вакенти. Стаи кочевников преследовали их по пятам. Последние полученные Гитантасом от других путешественников новости были двухнедельной давности. В них говорилось, что Беседующий с народом были у северных гор. Многие погибли от нападений кочевников. Гитантас намеревался остановиться, чтобы сдержать нараставшую угрозу со стороны пустынных кочевников.

Нетерпение Кериан исчезло, сменившись недоверием. Остановиться? У них была выгодная для обороны позиция в Кхури-Хане, но Гилтас оставил ее. Вместо этого, он привел их народ умирать в пустыню!

Она сделала глубокий вдох, с трудом стараясь сохранять хладнокровие. «Пойдем», — сказала она, беря его за руку и мягко подталкивая к лошади.

Они сели на лошадь. По дороге, Кериан рассказала о совещании во вновь свободном городе, о присутствии Эльханы Звездный Ветер, ее гвардейцев и нескольких сотен городских эльфов, готовых свергнуть бандитских оккупантов.

«Они все должны услышать то, что ты мне рассказал», — закончила она.

«Затем мы вернемся в Кхур? Это было моим заданием, вернуть тебя к Беседующему».

Она отвела взгляд в сторону залитого светом факелов города. «Если то, что ты слышал, Гитантас, правда, Беседующего больше нет. Как и нации эльфов».

9

На огромном просторе северной пустыни Кхура возвышалась серия скалистых вершин. До Первого Катаклизма они были частью находившейся на севере Халкистской гряды, соединяясь с горами длинными горными хребтами, выдававшимися в сухую южную равнину гигантскими костлявыми пальцами. Время и та катастрофа разрушили сами пальцы, оставив лишь изолированные вершины. Их было шесть, известных кочевникам как Зубы Льва. По отдельности, с северо-запада к юго-западу, они назывались: Клешня, Пила, Большой Клык Резец, Малый Клык и Сломанный Зуб. Большой Клык была самой высокой; Клешня — самой маленькой. Сломанный Зуб покрывал самую большую область и имел широкую плоскую макушку.

Вокруг оснований этих шпилей рассредоточились тысячи эльфов, выживших при исходе из Кхуриноста, их палаточного города под стенами Кхури-Хана. За шесть месяцев неповоротливая колонна продвинулась едва на шестьдесят миль. Наряду с огромными логистическими проблемами перемещения такой массы народа, их имущества и домашнего скота через негостеприимную территорию, эльфов на каждом шагу преследовали все большие отряды кхурских кочевников.

Пустынные племена всегда возмущались присутствием посторонних в их священных землях, но, по большей части, они игнорировали эльфов, пока Адала, женщина — вождь племени Вейя-Лу, не поведала им об особой опасности, которую представляли эльфы. Не их вторжение (что рассматривалось кочевниками как серьезный грех), не их пренебрежение кхурскими традициями заставили Адалу действовать. Пока *лэддэд* оставались в своем жалком палаточном городе, Адала могла не обращать на них внимания. Тем толчком, что наконец побудил ее поднять свой народ против них, было решение их Беседующего увести свой народ от кхурской столицы, чтобы поселиться в долине на северной границе Кхура. Эльфы звали ее Инас-Вакенти, Долина Молчания. Городские жители Кхура знали ее как Долину Голубых Песков, и считали ее чуть больше, чем легендой.

Кочевники знали ее лучше. Для них долина была *Алия-Алаш* (Дыхание Богов), дом Тех, Кто Наверху, когда Они жили в мире смертных. Странные силы дремали в ее холодных туманных изгибах. Потревоженные незваными гостями, эти силы могли покинуть свое горное убежище и обрушить кару на народы пустыни. Сам мир мог прийти к концу, если бы был нарушен священный покой Алия-Алаш.

Те, Кто Наверху наполнили Адалу Своим священным замыслом. Ее *маитой*, ее божественной судьбой было объединить народ пустыни против незваных гостей. *Маита* и милость Тех, Кто Наверху позволили было кочевникам превозмочь коварство и превосходство в воинском умении *лэддэд*. К сожалению, *маита* никому не служила, чтобы распоряжаться ей по своему усмотрению. Адала призвала за свою борьбу шесть из семи кхурских племен, и они одержали несколько побед, но окончательное уничтожение эльфов ускользнуло от них. Под защитой ханской армии *лэддэд* бежали из Кхуриноста и начали свое путешествие на север. С выставленными против них грозными войсками Сахим-Хана и эльфийской кавалерией, кочевники могли лишь беспокоить своих врагов. Пройдя много миль, солдаты хана повернули домой, и атаки кочевников на *лэддэд* усилились, стали решительнее.

В тени Зубов Льва всадники кочевников нанесли удар по левому флангу медленно и

неуклонно продвигавшейся на север-северо-запад колонны эльфов. Крепкие всадники племен Вейя-Лу и Микку прорубили кровавые просеки сквозь строй перепуганных эльфов, отбрасывая воинов и гражданских к центру колонны. Охваченные паникой гражданские мешали усилиям воинов перестроиться и контратаковать. Разгром казался неминуемым. Эльфы должны были быть рассеяны по иссушенной солнцем пустыне и перебиты.

Среди своего стершего ноги народа находился Гилтас Следопыт, Беседующий с Солнцем и Звездами. Когда бой докатился до него, он остановил своего коня среди бегущего потока своих перепуганных подданных. Вокруг Беседующего образовалось железное кольцо воинов, пытавшихся сдержать орду кочевников.

«Великий Беседующий, тебе нужно уходить!» — сказал генерал Хамарамис, командир личной гвардии Беседующего. Кровь стекала у него по лбу.

Воины и простые эльфы присоединились к просьбе уходить, но Гилтас не собирался перебираться в безопасное место. Даже когда мимо него засвистели стрелы кочевников, он не сдвинулся с места.

«Генерал, вы сделали все, что могли. Теперь мы должны помочь вам отбить эту атаку», — сказал он, затем повернулся в седле, чтобы обратиться к своему народу. — «Эльфы двух наций! Нас изгнали из родных земель, преследовали, грабили и убивали. Возможно, это наше последнее испытание! Больше не будем бегать. Встретим свою судьбу как истинные потомки Сильваноса и Кит-Канана, не дрогнем под клинками убийц!»

Эльфы издали рев, и переменчивая *маита* Адалы отступила. Эльфы всех родов: знатные, простолюдины, ремесленники, фермеры, мужчины и женщины — хлынули вперед, огибая коня Беседующего. Вооружившись всем, что подвернулось под руку, они напали на кочевников. Потрясенных кхурцев стаскивали с седел, либо опрокидывали их коней. Огромная масса эльфов окружала с двух сторон, беря кхурцев в тиски. Множество эльфов пали под мечами кочевников, но порыв целого народа невозможно было подавить. Словно медленный прилив, накатывающий на песчаную отмель, они истирали ряды кочевников и угрожали полностью поглотить их.

Некоторые из кхурцев в задних рядах побежали. За ними последовали другие, и еще. Потеряв стремительность, смертоносный натиск кочевников ослаб. Когда, наконец, их строй распался, их острие — несколько сот воинов племени Вейя-Лу — были окружены эльфами. Хамарамис призвал людей сдаться.

Их ответ был грубым и оскорбительным. Сожалеющий, но непреклонный, генерал подал сигнал своей перестроившейся кавалерии, и предоставил кочевников их неотвратимой судьбе.

Гилтас спас свой народ, но цена была высока. Сотни были убиты, еще сотни ранены, и невосполнимые припасы были потеряны в безумной суматохе при отражении нападения кочевников. Повозки были перевернуты, и масло, вода и другие драгоценные жидкости пропитали безжалостный песок. Тщательно сбереженное и накопленное продовольствие было растоптано.

Пока эльфы восторгались своим спасением, несмотря на заплаченную высокую цену, подавленные кочевники вернулись в свои тайные лагеря. Целый месяц они размещали свои силы, собирая в единое целое широко раскинувшиеся племена и кланы со всех уголков Кхура. Это должно было стать решающим сражением, окончательной ликвидацией эпидемии *лэддэд*, и оно провалилось. Их величайшие усилия пропали даром.

Некоторые из вождей и военачальников кланов открыто говорили о прекращении. В

конце концов, долина, в которую направлялись *лэддэд*, на самом деле не была частью Кхура. Кочевники там не жили. Кочевники даже не посещали ее. Почему бы не позволить *лэддэд* отправиться в эту долину и быть проклятыми находящимися в ней силами? Зачем снова жертвовать жизнями кхурцев, чтобы ускорить смерть, неизбежно ждавшую *лэддэд*?

Вожди и военачальники собрались вокруг своей предводительницы. Их выносливые выросшие в пустыне кони были ниже боевых коней эльфов, но возвышались над ослицей Адалы.

Известная как Вейядан, Мать Вейя-Лу, но чаще зовущаяся своими последователями просто «Маита», Адала сидела на спине Маленькой Колючки под квадратным навесом из черной плотной ткани, натянутом на четырех высоких шестах. Как всегда, ее руки были заняты. Она штопала дыры в халате одного из своих родственников. Несколько месяцев назад большинство женщин и детей Вейя-Лу были убиты в ночном нападении на незащищенный лагерь. В этом злодеянии обвинили *лэддэд*, у которых поблизости находился военный отряд. С тех пор Адала выполняла различную мелкую домашнюю работу для оставшихся без жен мужей. Она могла быть вождем Вейя-Лу и священным предводителем временно объединившихся пустынных племен, но при необходимости она также шила, штопала и чистила, чтобы поддержать своих верных воинов.

«Что скажешь ты, Маита?» — спросил Данолаи, военачальник Микку. — «Зачем тратить наши жизни на отступающего врага?»

«Кровь наших людей все еще дымится на песке», — невозмутимо ответила Адала. — «Кто не станет мстить за своих родственников, незаслуженно убитых?»

Мужчины отвели взгляды. Младшие дочери Адалы, Чизи и Амалия, были среди погибших в предательском ночном нападении. Адала всегда была уверена, что за этим ужасным преступлением стоял*и лэддэд*. Ее последователи были не так уверены, пока поблизости не были обнаружены следы подков. Пони кочевников не подковывались.

«Маита, они слишком искусны для нас».

Было очевидно, что большинство из присутствовавших людей были согласны с Данолаи. Адала жестким взглядом посмотрела на него.

«Тогда отправляйся домой», — сказала она. — «Если ты думаешь, что *лэддэд* искуснее вас, то ты — ничтожество. Забирай другие ничтожества, и уходите, но оставьте в песке свои мечи. У вас нет права носить оружие».

Мужчины побледнели. Для кочевника, его меч, с узким лезвием без гарды, был такой же жизненной частью его личности, как мастерство в верховой езде или искусство рассказчика. Он не мог испытать большего стыда, чем когда у него забирали меч и втыкали в песок. Этот жест означал высочайшую степень трусости.

Заговорил сидевший рядом с ней на коне кузен Адалы Вапа: «Наш замечательный бросок не привел к успеху. Но, пока мы живы, мы можем снова драться». Его бледно-серые глаза были необычными для кочевника, но широко распространенными в клане Вапы Прыгающего Паука.

«Каждое сражение ослабляет *лэддэд*. Это не их земля. Это не их климат. Однажды их чужеземные особенности подведут их, и они будут нашими».

Доброжелатели звали Вапу философом. Менее доброжелательные вешали на него ярлык болтливого пустобреха. Но его голос был единственным голосом разума среди непоколебимой веры Адалы в свою *маиту* и отчаяния вождей. Старый Кэмин, единственный вождь клана из правящего кхурского племени, присоединившийся к делу Адалы, поддержал

Вапу.

«Нам нужно набраться терпения», — посоветовал он. — «Внимательно наблюдайте за *лэддэд*. Снова соберем племена и ударим, когда придет время».

Адала закончила шить и откусила нитку. «Кэмин мудро говорит», — сказала она, складывая заштопанный халат. — «Мы будем висеть у *лэддэд* на пятках, пока моя *маита* не укажет нам, когда снова напасть».

Никто не смог предложить лучшей идеи, и никто не выказал желания покинуть драку. В кхурцах глубоко сидели страх позора и глубочайшая приверженность чести.

В нескольких милях от них эльфы столкнулись с собственным кризисом. Урон их скудным запасам оказался хуже, чем на первый взгляд. Во время нападения была потеряна одна пятая их запасов воды и шестая часть пищевого масла. Большое число раненых означало, что колонна не сможет сохранять даже прежний медленный темп. Время их нахождения в пустыне затягивалось, и у них не было припасов обеспечить каждого.

Планчет, камердинер и телохранитель Гилтаса, прибыл с генералом Таранасом и остальными офицерами армии. Планчет возглавлял правый фланг колонны эльфов. При виде разрушений, его загорелое лицо слегка побледнело. Следы побоища людей, эльфов и лошадей тянулись прямо в сторону Беседующего. Планчет достаточно хорошо знал своего суверена, чтобы понять, что тот не отступил ни на дюйм.

Стоя рядом со своим конем, Гилтас был тонкой фигурой в кхурском наряде. Большинство эльфов переняли практичное пустынное одеяние. Некоторые, как Хамарамис и Планчет, добавили традиционные квалинестийские леггинсы, чувствуя себя неудобно без них на лошади. Сильванестийские советники Беседующего упорно цеплялись за свои шелковые одежды, неважно, насколько поношенные и обветшалые.

Планчет с огромным облегчением поприветствовал своего сеньора. «Сир, какие будут ваши пожелания?» — спросил он, спешиваясь.

«Лежать в прохладной тени березовой рощи, погрузив ноги в прозрачный ручей». — Гилтас печально улыбнулся эльфу, бывшему его камердинером, телохранителем, иногда генералом, и близким другом. — «Что бы вы пожелали, добрый Планчет?»

Будучи насмешенным, Планчет, тем не менее, ответил серьезно, указывая на отдаленные шпили Зубов Льва. «Разведчики доложили, что те пики легко оборонять. Думаю, нам следует незамедлительно направиться к ним».

«Ты предлагаешь, чтобы наш народ залез в горы?» — спросил Хамарамис.

«Да. Мы слишком уязвимы в открытой пустыне. Еще одна атака, как сегодня, и никто из нас не доживет, чтобы увидеть Инас-Вакенти».

Старый генерал нахмурился: «Мы запрем себя в подземной темнице. Кхурцы никогда больше не позволят нам выйти из нее».

Все офицеры спешились. Гилтас взмахом руки велел им расступиться и прошел несколько метров вперед, где стояли тысячи эльфов, преклонив колени или сидя на корточках на песке, готовые выслушать, что он им скажет. Они устали и были напуганы, но на всех и каждом лицах было одинаковое выражение доверия. Они верили, что Гилтас выведет их из огненного горнила пустыни, как вывел из измученной родины, когда туда вторглись минотавры, бандиты и гоблины. Они провозгласили его Гилтасом Следопытом. Такое доверие было огромным источником сил для Беседующего с Солнцем и Звездами. А еще было огромной ношей.

Гилтас глубоко вдохнул сухой перегретый воздух. Его нога в сандалии задела разбитую

амфору. Находившееся внутри оливковое масло пропало, впитавшись в ненасытный песок.

«Как далеко ближайший из этих пиков?»

«Сломанный Зуб в девяти милях, Великий Беседующий», — ответил Планчет.

«И как далеко от Инас-Вакенти самый ближний к ней пик?»

Никто не знал. Когда Гилтас вернулся к своим офицерам, те уже развили бурную деятельность, доставая и обсуждая карты. Планчет доложил: «От самого западного пика, Клешни, устье Инас-Вакенти, похоже, в двадцати пяти — тридцати милях».

«Большой разброс». — В пустыне пять миль могли легко означать разницу между выживанием и гибелью.

Планчет заверил его, что они подсчитают тщательнее. Гилтас изучил карту, которую держал для него Планчет, а затем объявил о своем решении.

«Мы отправимся к первой вершине. Мы по очереди будем занимать каждый пик, используя их в качестве крепости против пустынных племен».

Солнце клонилось на западе. Гилтас вернулся к своему коню, и Планчет пошел с ним. Глядя, как они уезжают, один из младших офицеров Хамарамиса сделал пренебрежительное замечание касательно умственных способностей Беседующего. Старый генерал развернулся и ударил оскорбителя рукой в латной рукавице. Эльф упал на землю, из его губы текла кровь.

«Как ты смеешь!» — проскрежетал Хамарамис. Жара и выкрикивание команд сказались на его голосе, но в каждом хриплом слове ясно звенела ярость. — «Преемника Сильваноса не будут оскорблять!»

Молодой офицер, сильванестийский протеже покойного лорда Мориллона, поднялся с изрядно раненой гордостью. «Прошу прощения», — сухо произнес он. — «Но вы сами сказали, что направиться туда будет равносильно тому, чтобы прыгнуть в темницу».

«Может, так и будет. И если Беседующий прикажет, мы прыгнем!»

Пристыженные капитаны разошлись к своим поджидавшим солдатам. Генерал Таранас остался с Хамарамисом. «Ты опасаешься подобного развития?» — спросил Таранас, провожая взглядом дерзкого сильванестийца.

Хамарамис пожал плечами, поморщившись от боли. «Трудно знать будущее. Я не провидец», — проскрежетал он.

«Однажды я сказал это Гитантасу Амброделю. Он тогда ответил: ‘Будущее всегда наступит, хотим мы этого или нет’».

«Я скучаю по молодому Гитантасу. Мы потеряли одного из многих прекрасных офицеров».

Таранас не поправил старого генерала. Беседующий отправил Гитантаса на поиски своей пропавшей жены. Многие месяцы от него не было ни весточки, но насколько всем было известно, Гитантас не был мертв.

Резкий рев труб поднял на ноги массу измученных эльфов. Они приготовились продолжить свой поход. Хамарамис с Таранасом торжественно пожали руки. Так близко к гибели, каждое расставание ощущалось как последнее.

* * *

Они успешно добрались до вершин. Как и докладывали разведчики Планчета, Зубы Льва

были доступны для подъема, особенно для тех, кто был столь мотивирован и ловок, как эльфы. Много дней они держались этих открытых ветрам крепостей. Дни под жгучим солнцем, холодные ночи, и постоянно убывающие запасы воды. Две трети эльфов, включая Беседующего и Планчета, разбили лагерь на Сломанном Зубе. Гораздо меньший отряд окопался на гораздо более крутом соседнем пике, Малом Клыке. Ниже них оставшиеся эльфы укрылись на Резце. Посредством сигнальных зеркал, находившиеся на Резце уведомили Беседующего, что обнаружили небольшой родник, пузырившийся в расселине на склоне вершины. До него было бы трудно добраться и при лучших обстоятельствах, и почти невозможно под постоянным обстрелом лучников кочевников, но Таранас, командовавший эльфами на Резце, организовал цепочку кожаных ведер для подъема воды из этого родника под покровом темноты. Находившиеся на Резце не испытывали жажды, но у них не было возможности поделиться своей живительной находкой.

Ежедневно, пустыня вокруг вершин наполнялась эхом звуков боя. Генерал Хамарамис с оставшейся кавалерией дрался, чтобы держать свободным пространство между крутыми горами. Кочевники больше не искали и не принимали открытого сражения. Вместо этого, они старались устраивать засады на небольшие отряды эльфийских воинов, обстреливать вершины стрелами, а затем исчезать в слепящей пустыне, когда Хамарамис прибывал с основными силами своей армии. Беседующий приказал каждую ночь разводить костры на вершине пиков. Костры служили двойной цели: не только разубеждать кочевников от внезапных нападений, но и сигнализировать эльфам на соседних пиках, что их товарищи держатся.

Одной ночью, незадолго до полуночи, маяк на вершине Малого Клыка погас. Беседующему отправили донесение, и он поспешно созвал совет. Его устроили наверху сооруженной на Сломанном Зубе пирамиды из камней. С этой пирамиды открывался свободный вид черных контуров Малого Клыка, Резца и Большого Клыка. Большой Клык самый высокий из пиков, закрывал собой обзор Пилы и Клешни.

«Возможно, у них закончилось топливо для огня», — сказал сильванестийский советник. В настоящий момент, масло было ценнее стали, а для костра было мало дерева. Обычным топливом в пустыне был сушеный навоз.

«Мы не можем с этим согласиться», — сказал Планчет. Воины вокруг него заворчали, мрачно соглашаясь.

«Вы ничего не слышали?» — спросил Гилтас.

«Совсем ничего, сир».

Из-за человеческой крови его предка органы чувств Гилтаса были не такими острыми, как у чистокровных эльфов. Если Планчет и остальные ничего не слышали с Малого Клыка то нечего было и слышать. Несмотря на это, Гилтас перегнулся через хилое деревянное ограждение платформы и вгляделся в темноту Малого Клыка. Он напряженно всматривался, пока в глазах не выступили слезы, но ничего не увидел, и не донеслось ни звука.

«Мы должны знать!» — сказал он, стукнув кулаком в ладонь. Не впервые он мечтал о присутствии какого-нибудь мага или провидца. С момента изгнания эльфов, они были в дефиците, находясь под прицелом одновременно и минотавров, и неракских рыцарей, чтобы ослепить эльфийское сопротивление и посеять страх и отчаяние.

Два молодых воина вызвались добровольцами, чтобы отправиться на Малый Клык и выяснить, что случилось. Этот пик был всего лишь в четверти мили, но этим двоим придется спуститься со Сломанного Зуба, пересечь открытую пустыню, а затем подняться по крутому

склону соседнего пика, и все в темноте, избегая бдительных кочевников.

Гилтас не видел другого выхода. Он предупредил пылких молодых воинов беречь жизни: «Если враги захватили гору, немедленно возвращайтесь. Не пытайтесь никого спасти. Возвращайтесь и доложите мне, что обнаружите».

Они отсалютовали и поспешили прочь. Постоянно дувший ветер на вершине пика посвежел, закручиваясь вокруг каменной пирамиды. Гилтас закашлялся. Спазм не прекращался, а только усиливался. Преданный Планчет положил руку ему на плечо.

«Вы больны, сир».

Гилтас покачал головой, делая дрожащий вдох: «Это всего лишь прохладный ночной воздух. Он сушит мне горло».

Камердинер ни на минуту не поверил в это, но это дало ему повод настоять, чтобы Беседующий покинул незащищенный наблюдательный пост. Они спустились вдвоем, но Гилтас не собирался возвращаться в лагерь.

«Я останусь тут, под защитой пирамиды», — сказал он.

Его тон подсказал Планчету, что его опеку до сих пор терпели, но больше не будут. Планчет охотно сдался.

«Превосходная идея. Мы позовем вас в случае любых событий». — Он забрался обратно на каменную кучу.

Гилтас плотнее запахнул *аффр* на горле. Кашель, как только он начинался, становилось все труднее и труднее остановить. Иногда он выкашливал сгустки крови.

Он знал, чем болен. Чахотка истощала тело и разлагала легкие. Легенда гласила, что чахоточный становился красивее по мере приближения смерти. Беглый взгляд на свое отражение говорил ему, что он не был красив. Он был на добрых пятнадцать фунтов легче, чем когда жил в Кхуриносте. Под его глазами легли глубокие тени, белки покраснели, и, несмотря на загар на носу и щеках, его бледность заметно усилилась. Нет, определенно не красив, так что он все еще должен быть полон жизни. Но кашель становился все более частым, а глаза — чувствительнее к яркому свету кхурского солнца, чем раньше. Глубоко в груди была пустота, разновидность вакуума смерти, будто там застрял кусок дерева.

Внезапно полился пот, и Гилтас ослабил воротник своего халата. Он знал, что этот неестественный жар быстро пройдет, заставив его мерзнуть еще сильнее, чем прежде, но пока тот длился, его тело пылало, будто поджариваемое на огне.

Прислонившись к холодным камням пирамиды, впервые за многие дни оказавшийся в одиночестве, Гилтас позволил своим думам унестись в другое время и место. Он представил реакцию Кериан на свою болезнь. Ты не болен, заявила бы она, но ее строгие черты лица смягчились бы при взгляде на него. Тебе просто нужен отдых, хорошая еда и обилие горячих ванн.

Его жена истово верила в почти чудодейственную силу горячей воды и мыла, вероятно потому, что стала взрослой, прежде чем получила возможность иметь вдоволь того и другого. Горячая вода без ограничения, хорошо сконструированная ванна и мыло из розовых лепестков представляли для Львицы вершину цивилизации, наряду с очень немногими вещами, ради которых стоило оставить ее любимый лес.

Бусинка пота скатилась по лбу Гилтаса. Он вытер ее. Его кожа была горячей на ощупь даже для него. Ветер кружил вокруг рукотворной башни за его спиной, заставляя трепетать края *геба* и покрывая гусиной кожей руки. Гилтас задрожал, хотя пот все еще выступал на его лице. Это была особенно интенсивная часть лихорадки.

От физического недомогания его внимание отвлек шелест. На каменистую землю у его ног посыпались листья. Он моргнул, не уверенный, не галлюцинация ли это. На Сломанном Зубе ничего не росло, даже трава. Он поднял лист. Это был лист ясеня, зеленый и мягкий. Откуда они могли взяться?

Еще один звук нарушил его размышления. Сверху раздались удивленные возгласы его советников на наблюдательном посту. Отойдя от пирамиды, Гилтас посмотрел вверх. Над головой кружилось облако летучих мышей. Некоторые из эльфов махали на быстрых существ, стараясь отогнать их.

Гилтас крикнул им прекратить. Появляющиеся из ниоткуда в безжизненной пустыне летучие мыши и листья? Они должны были быть знамением. Хорошим или плохим, он не знал, но им не следовало восстанавливать против себя любые задействованные силы. Возможно, эльфы были достаточно близко к Инас-Вакенти, что действовавшие там силы влияли на окрестности.

Внезапно Гилтас подавился. Ветер швырнул один из листьев прямо ему в открытый рот. Он инстинктивно выплюнул его, затем внезапно нагнулся, поднял другой и положил на язык. Его глаза расширились. Ему не показалось; на вкус листья ясеня были превосходны, напоминая спаржу, его любимый овощ.

Когда советники спустились, они обнаружили своего короля пригнувшимся к земле и запихивавшим в рот зеленые листья. Прежде чем Планчет принялся возражать, Гилтас сунул ему горсть листьев.

«Попробуй их! Они великолепны!»

С видом эльфа, потакающего просьбе душевнобольного, Планчет откусил кончик листа. Он едва мог описать ощущения во рту. Вкус был ярким и хрустящим, как у свежего редиса. Планчет любил редис, особенно росший в окружавших Бианост лугах, откуда он был родом.

«Собирайте их!» — приказал Гилтас. — «У нас есть свежая еда!»

Даже надменные сильванестийские советники с охотой присоединились, собирая продолжавшие падать с неба листья.

Слух о нежданном сокровище разнесся по всей горе. Урывками спавшие на холодных камнях эльфы проснулись. Замешательство сменялось радостным изумлением, едва каждый из них пробовал на вкус листья. Наиболее сообразительные расстелили одеяла и брезент, чтобы собрать больший урожай.

В течение часа ветер выдувал листья ясеня на переполненную вершину горы. Эльфы собирали все, что могли, пока ветер не стих, и листья не перестали падать.

Гилтас наблюдал с тихой радостью. «Планчет, что ты об этом думаешь?»

«Чудо богов, сир». — Планчет съел еще один лист. Он с Беседующим сравнили свои ощущения, но, вне зависимости от того, сколько листьев они съели, каждый по вкусу для Беседующего напоминал спаржу, а для его слуги — редис.

В праздничной обстановке появились двое разведчиков, вернувшихся с Малого Клыка. Они прибыли, тяжело дыша, так как бежали весь обратный путь.

Их мертвенно-бледные лица подсказали Планчету, что Беседующему лучше выслушать доклад с глазу на глаз. Но, не успел он предложить это, как разведчики выпалили свои новости.

«Они исчезли, Великий Беседующий! Все они!» — сказал один.

Другой добавил: «На Малом Клыке никого!»

Гилтас сделал шаг назад, явно потрясенный. Тысячи погибли? Это было невозможно. С

момента эльфийского прибытия в Кхур кочевники не одерживали подобной победы.

«Вы обнаружили следы боя?» — резко спросил Планчет.

Немного, ответили они. На каменистой тропе на северном склоне вершины лежали тела восьми убитых кочевников. На вершине, шестьдесят эльфов пали, защищая плато. У Гилтаса это число вызвало сомнения, он хотел знать, куда подевались остальные. Один из разведчиков предположил, что основная масса эльфов, опасаясь плена, эвакуировалась на Резец. Но на это не было похоже. Маяк на Резце горел, как и прежде. Если бы случилось что-то серьезное, Беседующий был уверен, что Таранас подал бы им сигнал, хотя бы разведя второй костер. Но с Резца подобных сигналов не поступало.

Тем не менее, подобную возможность следовало проверить. Свежих разведчиков отправили на опасную прогулку к Резцу. Беседующий также приказал вернуть армию. Хамарамис укрывал ее, если она не была занята. Той ночью армия лежала среди высоких дюн к юго-западу от Зубов Льва, в получасе пути от подножья Сломанного Зуба. Одну из немногих бывших на Сломанном Зубе лошадей оседлали, и отправили всадника привести армию.

«Это невозможно», — продолжал настаивать Планчет. — «Сир, мы бы что-то услышали! Если бы их все убивали, мы бы это услышали!»

Гилтас положил руку на плечо своему потерявшему голову слуге. Он был согласен с Планчету, но мало что еще можно было сделать, пока не рассветет. В сопровождении Планчета, он ходил среди своих встревоженных подданных, напоминая им о чуде с листьями ясеня и обнадеживая насчет пропавших собратьев. Скорее всего, эльфы на Малом Клыке были застигнуты кочевниками врасплох и решили бежать на Резец или спрятаться в пустыне, но их найдут.

Утешения Беседующего и его присутствие успокоило его подданных. С облегчением на сердце, эльфы закончили складывать сокровище из листьев, а затем устроились поспать остаток ночи.

Несмотря на уверенность на лице, которую он демонстрировал перед своими подчиненными, Гилтас был глубоко озабочен пропажей своих подданных. Он подозревал не кхурцев, а более таинственную причину. Он лишь с Планчетом поделился докладом Кериан об исчезновении многих ее воинов в Инас-Вакенти. Возможно, эльфов на Малом Клыке похитила схожая неизвестная сила.

Сама Кериан пропала возле Кхуриноста, после того как поскакала навстречу неминуемой смерти от рук кочевников. Никто из обитателей пустыни, которых они схватили и допрашивали, не смог дать им о ней хоть какую-то информацию. Лично Гилтас считал это хорошим знаком. Если бы кхурцы схватили или убили легендарную Львицу, они бы хвастались этим до самых небес.

От Гитантаса и пяти опытных охотников, которых Гилтас отправил на поиски Кериан, не было совсем ни весточки. Все, что было известно Гилтасу, лишь, что шестеро поисковиков были также потеряны.

На залитой светом звезд вершине было тихо. Бриз, слабее, чем принесший листья ветер, но холоднее, заставил всех достать одеяла, накидки, запасные *гебы* и *аффры,* все, что могло спасти от холода.

Планчет раскатал спальный мешок Гилтаса под косым навесом. Это укрытие было лишь чуть больше спального мешка по размеру, но оно защищало от постоянно дувшего ветра. Ложась в свою одинокую постель, Гилтас сердцем знал, что его жена была жива. В тот день,

когда она умрет, краски мира поблекнут, суматоха мира живых стихнет, и где бы ни находился Гилтас Следопыт, он узнает, что она больше не дышит.

Столь странным образом успокоенный, он лег между тюками с листьями ясеня и вскоре заснул.

10

Столовая дворца мэра в Бианосте когда-то принимала в основном собрание благородных эльфов. В отличие от пищи минувших десятилетий, сейчас не было богатой трапезы, тщательно спланированной кухонных дел мастерами. Кериан, Эльхана, Чатендор и Самар сидели на краю стола, предназначенного для гораздо большего числа гостей. Еда была простой, и обедавшие сами себя обслуживали — все, кроме Эльханы. Ей прислуживал Чатендор. Долгий опыт научил ее, что протестовать было бессмысленно. При желтом свете свечей и масляных ламп, обедавшие обсуждали свои планы.

С момента появления Гитантаса Амброделя, разногласия среди освободителей Бианоста лишь усилились. Гитантаса устроили к раненым под присмотром целителей, и он медленно восстанавливал силы, но Портиос так и не появлялся. В его отсутствие, горожане обратились за руководством к Эльхане. Она указала, что Кериан, как жена Беседующего с Солнцем и Звездами, должна по праву занять это место. Прямая, как всегда, Львица сказала ей не волноваться о таких деликатностях: «Здесь, никто из нас не король или королева. Если горожанам удобно смотреть на тебя, ну и хорошо — пока все понимают, что на мне военное руководство».

Это было сказано с многозначительным взглядом на Самара, который, как Кериан и знала, тут же начал огрызаться. Эльхана вмешалась, чтобы предвосхитить ссору, которая, казалось, каждый раз повисала в любом месте, где встречались ее надежный командующий и Львица. Примирительно глядя на Самара, Эльхана согласилась.

Эльхана сказала, что им нужно следовать первоначальному плану Портиоса: как можно скорее покинуть Бианост и отвезти в лес для сохранения огромный запас оружия. В этом месте они с Львицей сходились во мнениях. Однако, в порядке исключения, Самар не соглашался со своей королевой. Он склонялся к захвату другого удерживаемого бандитами города в глубине леса, например, Френоста. Он настаивал, что еще один успех, подобный Бианосту, сплотит всех эльфов в нацию и серьезно деморализует бандитов.

Кериан покачала головой. «Это не сработает», — сказала она.

Отодвинув пустую тарелку, она нагнулась и подняла с пола возле своего кресла тяжелый свиток пергамента. В развернутом виде он оказался подробной картой Квалинести, раскрашенной в четыре цвета и отображающей такие детали, как отдельные колодцы, дома и тропинки. Она обнаружила ее в куче документов, которые бандиты использовали в качестве трута для разжигания огня на кухне. Более поразительной, чем подобное небрежное обращение с таким высококачественным документом, была надпись на обратной стороне карты: «Копия выполнена Фаваронасом, королевским архивариусом, в Квалиносте. Год VI», что означало шестой год правления Гилтаса.

Увидеть имя Фаваронаса было потрясением, напомнившим Кериан о Инас-Вакенти, и о Кхуре вообще. Что случилось с робким библиотекарем и славными воинами, сопровождавшими ее в Долину Молчания? Последнее время она была слишком занята, чтобы тратить время на размышления об их судьбе. Стоя на кухне дворца мэра, держа в руках тяжелую карту, она вспомнила их лица, но их многообразие быстро сменилось лицом ее мужа, улыбающегося усталой, мягкой, но непреклонной улыбкой. Она отогнала его, пнув кучу манускриптов и книг.

«Захват Бианоста был обусловлен внезапностью и абсолютной неподготовленностью

Олина и его солдат», — заявила она сидевшей во главе стола Эльхане. — «Теперь бандиты бдительны, и их оборона повсюду будет усилена. У нас нет соответствующей численности или опыта, чтобы штурмовать укрепленный город, и уж тем более, брать его в осаду».

«Что, по твоему мнению, нам нужно делать?» — спросила Эльхана.

«Рассредоточиться». — Кериан махнула рукой по поверхности карты. — «Сформировать сотню небольших отрядов, каждый с вооружением для тысячи, и разослать во все уголки Квалинести и дальше, в Абанасинию, Харолис и Тарсис. Подобно термитам, мы будем точить изнутри, ослабляя повсюду Самувала, минимально подвергая опасности наших сторонников. Вскоре вся прогнившая структура королевства Самувала рухнет».

Самар был не согласен, суть его доводов сводилась к тому, что королевские гвардейцы Эльханы, вне всякого сомнения, смогут сделать то, сделали Портиос, Кериан и горстка кагонестийцев. Нельзя не воспользоваться победой в Бианосте. Им следует снова нанести удар.

Чатендор отложил серебряные нож и вилку, которые прежде держали руки лорда мэра Бианоста, и сказал: «План леди Кериансерай кажется превосходным — в плане будущего, а что насчет настоящего, нескольких ближайших дней? Городские добровольцы, хоть, я уверен, и полные энтузиазма, новички в бою. Разве им не требуется обучение, прежде чем выступать против наемников-бандитов?»

Дипломатичный, как всегда, старый казначей задал вопрос, ответ на который он знал так же хорошо, как и они. Подняться, повинуясь порыву, чтобы напасть на своих угнетателей — это одно. Жить в лесу, планировать и осуществлять атаки против закаленных и беспощадных врагов — совсем другое. Милиция не шла ни в какое сравнение с бандитами.

«Я не брошу их», — твердо сказала Эльхана. — «Они рискнули всем, чтобы вернуть себе свободу. Я не оставлю их на милость самуваловых варваров».

«Благородное чувство».

Голос эхом прозвучал с восточного конца зала. Из глубокой тени появился Портиос.

Кериан с нескрываемым раздражением сверлила его взглядом: «Где ты был?»

«Лучше спросить: Почему вы все еще здесь?»

«Мы готовили к перевозке склад оружия. Все еще не хватает тягловых животных…»

«Гатан Грейден в двадцати милях с армией в несколько тысяч».

Все тут же вскочили. Эльхана открыла рот, а Самар пробормотал проклятье. Кериан стукнула рукой по карте на столе: «Где, точно?»

Он не подошел: «Под стенами Мереклара».

Мереклар был городом к юго-востоку от Бианоста, в предгорьях Красных Скал. Согласно карте Фаваронаса, он находился менее чем в двадцати милях.

«Он движется сюда?» — спросил Чатендор.

«Он на день-два разобьет лагерь. Он движется по Большой Дороге». Это была мощеная дорога, соединявшая Мереклар с Бианостом, и продолжавшаяся на северо-запад до Френоста.

«Откуда ты все это знаешь?»

Голова в маске повернулась к Кериан: «Я знаю. Мы должны уйти сегодня вечером».

Эльхана отправила Самара наблюдать за сборами гвардейцев. Кериан напомнила ей, что сперва следовало проинспектировать милицию Бианоста. Необученным и пешим, им требовалось больше времени, чтобы собраться в дорогу. А еще, как быть с нехваткой тягловых животных, чтобы тянуть груженые оружием повозки?

«Что не может быть вывезено, должно быть спрятано или уничтожено», — ответила Эльхана. — «Проследишь за этим?»

Кериан кивнула. Они с Самаром торопливо ушли. И пока были слышны их голоса, они громко спорили, следовало ли спрятать или уничтожить излишки оружия.

Чатендор, поспешивший, было, присмотреть за их имуществом, остановился и посмотрел на Портиоса, которого не узнал. «Леди», — прошептал он, — «возможно, вам не следует оставаться наедине с этой личностью?»

Она пожала ему руку и успокаивающе улыбнулась: «Все в порядке, друг мой. Я в полной безопасности. Теперь иди. Мы должны быть готовы отбыть без задержки».

Когда казначей неохотно ушел, Эльхана наполнила два оловянных кубка из узкого серебряного кувшина. Подняв один, она показала ему на другой: «Выпей. Пеший путь до Мереклара и обратно был долгим».

Портиос вышел в теплый свет свечей и масляных ламп. Несмотря на свою рваную слишком длинную рясу, он двигался исключительно бесшумно, даже для эльфа. Наблюдая, как он берет чашу, Эльхана была поражена тем, как знаком ей был этот жест. Какие бы с ним не произошли метаморфозы, в маске и перчатках, или без, она бы везде узнала его просто по тому, как он бережно держал свой кубок. Ножка была зажата межу большим и средним пальцами; остальные пальцы не касались чаши.

«На что ты так пристально смотришь?» — спросил Портиос.

Она рассказала ему. Он посмотрел на свою руку. «Привычки трудно изменить», — пробормотал он. Портиос задумался, могли ли другие узнать его по таким предательским мелочам, или этим искусством владела лишь его наблюдательная жена.

Бывшая жена. Та часть жизни, что была уничтожена в огне, боли и крови. Но если это так, то почему он по-прежнему чувствует к ней привязанность? Несмотря на свое твердое намерение держаться от нее на расстоянии, он понял, что не может уйти из комнаты. Ее неприкасаемая близость была мукой, но он растягивал этот момент.

«Куда ты теперь направишься?»

Ее фиолетовые глаза расширились от удивления: «Мои привычки тоже не изменились. Я отправляюсь с Кериансерай и остальными».

«Даже если это будет стоить тебе жизни?»

Она протянула свой кубок, слабо стукнув им по его чаше. «Мы все умрем, Портиос».

Его имя на ее губах было подобно раскату грома. Опустив глаза, он отпил вино. Тонкое квалинестийское марочное вино обожгло ему язык, но Портиос совсем не почувствовал вкуса. После огня, ни пища, ни напитки больше не пахли правильно и не имели правильного вкуса. Единственным исключением были нектарные вафли, которые дал ему в лесу бог. Вино согрело ему желудок, так что он допил кубок и протянул его для наполнения. Она налила, и, прежде чем он убрал чашу, накрыла его руку своей.

Портиос вздрогнул, но, к радости Эльханы, не отодвинулся. Сквозь перчатки она могла чувствовать лишь кость. Это было все равно, что схватить за руку скелет. Но этот скелет был все еще жив. Без предупреждения, он выпустил оловянный кубок и взял ее за руку, крепко сжав обеими своими руками, и разлитое вино забрызгало ей ноги.

* * *

Изрядно за полночь, эльфы покинули Бианост.

Кериан рекомендовала поджечь город, чтобы скрыть любые доказательства того, что здесь было найдено, но местная милиция возражала. Несмотря на плачевное состояние, до которого его довел Олин, Бианост был их домом, и они не могли вынести мысль о его полном уничтожении. Кериан не оставили равнодушными их призывы, но, скорее всего, она бы отклонила их, если бы не Эльхана. Бывшая королева также посоветовала оставить город в покое, хотя и по другой причине. Если они собирались завоевать сердца простых жителей Квалинести, эльфов, людей или кого-то еще, им нужно было продемонстрировать свое превосходство над врагом. Сжечь пустой город — именно так бы и поступили бандиты Самувала.

Кериан согласилась с этой логикой. Усмехнувшись, она сказала, что оставление города нетронутым, скорее всего, задержит их преследователей, которым придется пройтись по всем зданиям в поисках повстанцев.

С телегами, груженными запасами оружия, эльфы ушли. Гитантас ехал в телеге с грузом, потому что был все еще слишком слаб, чтобы сидеть на коне. Вскоре после того, как его нашли, он свалился с лихорадкой. Один из кагонестийцев Наларина назвал ее лихорадкой истощения, вызванной неделями недостатка или отсутствия пищи, воды или отдыха. Они устроили его как можно удобнее, но он ничего не знал о найденных для него одеялах из шерсти ягненка и мягких подушках. Он сражался с призрачными кочевниками и чудовищами, пока свирепствовала его лихорадка. В моменты прояснения он старался уговорить Львицу вернуться с ним в Кхур, чтобы помочь окруженному Беседующему. Она каждый раз категорически отказывалась. Кериан сказала, что с ней порвали. Гилтас даже не выслушал ее. Он не нуждается в ней и не хочет ее помощи. Ибо все знали, что эльфы были перебиты, а Гилтас — схвачен. Какой смысл был возвращаться в Кхур, если война там была окончена? Будущее их расы было связано с Квалинести, древней родиной. Странная магия доставила ее сюда, когда Орексас начал свое подающее надежды восстание.

Посовещавшись с Эльханой и Портиосом, Кериан повела эльфов из Бианоста прямо на восток. В двадцати пяти милях по широкой королевской дороге (ее покрытие потрескалось, и трещины густо поросли травой) располагалось место, где когда-то был Квалиност, а теперь — лишь Озеро Смерти. Толпа бандитов устремилась к Бианосту с юга. Они должны были ждать, что эльфы направятся в свой лесной дом, на запад от города. Кериан надеялась, что курс на восток собьет бандитов с толку и позволит ей увеличить расстояние между убегавшими эльфами и мстительным воинством Гатана Грейдена, пока она не повернет колонну на север, в лес.

Они двигались ночью, днем отдыхая под нависавшими деревьями. В темном сердце разрушенного королевства эльфов повсюду были шпионы и соглядатаи. Ежедневно, авангард Эльханы выгонял из леса гоблинов, безо всякой пощады убивая их. Неожиданность была одним из немногих их преимуществ. Они не могли позволить, чтобы их местонахождение было открыто слишком рано.

Осмотрительность, наряду с груженными повозками и большим числом пеших гражданских, замедляла их передвижение. Самар нервничал из-за задержек.

«Какое жалкое ползание! Ох, где те дни, когда королевские эльфы летели в бой на спинах грифонов! Ни один враг не мог устоять перед ними!»

«Насколько я помню, имперские орды Эргота смогли», — сухо произнес Чатендор.

Между ними двоими вспыхнула запутанная дискуссия о тактике и стратегии давних

Эльфийских Войн. Они стоили друг друга. Самар был историком, а Чатендор когда-то был весьма доблестным воином.

Они ехали в компании с Эльханой и Кериан. Наларин остался со своим кланом, держась края леса по сторонам дороги. Портиос, как обычно, приходил и уходил, не говоря ни слова, исчезая и появляясь по своему усмотрению.

Эльхана ехала все медленнее и медленнее. Увлеченные спором Самар и Чатендор не заметили, что она отстала. Кериан описала круг, чтобы присоединиться к ней.

«Эльхана, тебе нужно держаться с остальными», — проворчала Львица.

«Если бы у нас были грифоны, это бы сильно выправило дисбаланс», — задумчиво сказала Эльхана.

Несомненно, это было так. Кериан упомянула о своем собственном грифоне, Орлином Глазе, который выручал ее во множестве опасных ситуаций.

«Но он далеко, с… в Кхуре», — Кериан неуклюже закончила фразу. Она потянулась к уздечке белой кобылы Эльханы. — «Ваше Высочество, нам следует догнать колонну».

Эльхана стряхнула оцепенение. Она мгновение задумчиво рассматривала Кериан. «Почему бы тебе не звать меня ‘тетя’?» — спросила она. — «Мы — семья, не так ли, Кериансерай? А у меня так мало осталось от семьи».

Удивленная просьбой, Кериан довольно охотно согласилась. Она еще сильнее удивилась, когда Эльхана наклонилась вбок и положила руку ей на стриженую голову. «Твои прекрасные волосы», — печально сказала Эльхана. — «Я знаю, едва ли это было самое худшее, что могло произойти, но было зло и обидно с их стороны, так поступить».

Кериан поняла ее ошибку: «О, это не отбросы Олина обрезали их. Я сделала это сама, еще до того, как меня схватили. Казалось хорошей идеей скрыть свою личность».

Эльхана на мгновение удивилась, а затем воскликнула: «Каким неукротимым духом ты обладаешь, племянница!»

Кериан усмехнулась ей, и они пустили лошадей рысью, догоняя, а затем обгоняя Самара с Чатендором.

Колонна была еще более чем в восьми милях от Озера Смерти, когда начали появляться первые признаки опустошения. Сломанные верхушки деревьев, поваленные ориентировочные знаки и разрушенные живые изгороди говорили об огромном взрыве. Обломанные верхушки деревьев пустили новые листья, но последствия падения Берил были видны безошибочно.

Кагонестийцы становились все более обеспокоенными. Обычно самые терпеливые из эльфов, они едва волочили ноги. Никто не хотел проникать глубже в пришедшее в упадок бывшее месторасположение Квалиноста. Териontас и добровольцы из Бианоста, замыкавшие строй, обогнали застрявших лесных жителей. Кериан пришлось вернуться, чтобы поговорить с копушами.

«Эта земля проклята!» — настаивал один из них, а другой добавил: «Любой вошедший будет заражен злом!»

«Я упала в это озеро, когда появилась здесь, и выжила», — сказала она им. Конечно, вскоре после этого ее схватили работорговцы. Ее избивали, она голодала, и с нее едва не содрали заживо кожу. В конце концов, возможно, в их страхах что-то было.

Хвост каравана скрылся за поворотом, оставив позади Кериан и кагонестийцев.

«Я не могу заставить вас идти», — сказала она. — «Но как бы хотел, чтобы вы поступили, Великий Лорд?»

«Мы спросим его», — ответил Наларин, указывая ей за спину.

Она быстро обернулась в седле и увидела хромавшего по обочине Портиоса. Кериан подъехала к нему и спросила, где он был.

«Тут и там. У меня были дела».

«Я оставила для тебя коня. Ты мог бы ехать с Эльханой».

Даже под маской, Кериан знала, что его глаза сверлили ее. «Занимайся своими делами», — резко произнес он.

Мы — семья, не так ли?

Кериан не чувствовала родственной связи со стоявшим перед ней вспыльчивым высокомерным эльфом, но с отдававшимся эхом в голове горестным вопросом Эльханы, она с несвойственной ей дипломатичностью склонила голову перед бывшим Беседующим с Солнцем и рассказала о нежелании кагонестийцев двигаться дальше.

«Они мудры. Эта земля отравлена». — Его настроение резко переменилось, и он внезапно добавил, — «Конечно! Для нас это великолепно! Даже эти скоты люди не могут не чувствовать его миазмы. Озеро скроет наше направление движения!»

«В каком смысле?» — спросила Кериан.

Он рассказал ей. Они продолжат свой путь и не повернут на север, как планировала Кериан. Вместо этого, они обогнут Озеро Смерти: пройдут по краю северного берега, повернут на юг, минуют восточный край и, наконец, вернутся вдоль южного берега.

«С какой целью?» — спросила Кериан.

«Мы ударим по Мереклару».

Она уронила челюсть. Он был не в себе? Напасть на большой хорошо защищенный город?

Прежде, чем она смогла еще что-то сказать, один из кагонестийцев сообщил о возвращении Эльханы, и Портиос исчез среди деревьев. «Вернись сюда!» — прошипела она. — «Я с тобой не закончила!»

«Кериансерай!»

Так как ей не оставалось выбора, она повернула лошадь навстречу Эльхане. Бывшая королева приближалась легким галопом в сопровождении Самара и трех воинов. «У меня есть важная идея!» — крикнула Эльхана. — «Грифоны!»

Ее лицо светилось от волнения, а густые черные волосы, на этот раз не спрятанные под привычный шарф, развевались за ней. Природа несправедлива, проворчала про себя Кериан. Она отмыла грязь в Бианосте, и на ней были чистые штаны из оленьей кожи, одолженные у одного из членов клана Наларина, но рядом с Эльханой она напоминала пастуха коз из Кхури-Хана. Эльхана была в несколько раз старше Кериан, но никто бы так не сказал, глядя на нее. Когда Кериан будет в ее возрасте (если доживет), скорее всего, она будет выглядеть как старый башмак.

Кериан вежливо повторила: «Грифоны, тетя?»

«Да. Если мне не изменяет память — и так уже много-много лет — на южном склоне Красных Скал было убежище грифонов. Сильванестийские дрессировщики совершали туда паломничества, чтобы брать молодых грифонов и выращивать из них боевых скакунов. Возможно, некоторые все еще остались там!»

Это была замечательная идея. Даже горстка грифонов здорово бы их усилила. Даже с одним Орлиным Глазом, Кериан расстраивала засады минотавров и парировала серьезные атаки кочевников.

«В любом случае, кагонестийцы отказываются приближаться к Налис Арен», — сказала Кериан. — «Мы можем отправить их к Красным Скалам, чтобы все проверить».

Предводитель кагонестийцев заинтересовался. Он никогда не видел грифонов живьем. Его клан не были горцами, но новая задача была гораздо предпочтительнее, чем и дальше приближаться к могиле Квалиноста.

«Мы сделаем так, как говорит Метелка», — заявил Наларин.

Кериан состроила гримасу. Кагонестийцы наградили ее в Бианосте новой кличкой. Вряд ли столь же агрессивная или романтичная, как «Львица», к сожалению, та слишком хорошо описывала ее нынешнюю изуродованную прическу. Они знали, что Кериан она не нравилась, но она знала, что было бы не слишком хорошо жаловаться. Ее народ любил прозвища. Каждого кагонестийца можно было назвать двумя или тремя именами за раз. Среди клана Наларина были эльфы с именами Небо, Бегун, Трехпалый и Сломанный Лук.

«Если у тебя получится вызвать Орексаса, расскажи ему о плане леди», — сказала Кериан.

Наларин пожал плечами: «Он узнает. У Великого Лорда есть уши ветра».

Маленький отряд быстро скрылся среди деревьев на южной стороне дороги. Кериан ощутила без них странную пустоту. Во время всей борьбы за Бианост, ни один кагонестиец не был ранен или убит. Они были воинами словно из дыма, существами, которых клинки бандитов не могли коснуться.

Она рассказала Эльхане о свежей идее Портиоса протащить их вокруг Налис Арен и атаковать Мереклар. Она ожидала возмущения, как у нее самой, но Эльхана, сперва слегка удивившись, поддержала план Портиоса.

«Он всегда был смелым стратегом», — прошептала она.

Она как нельзя более точно описала отличительную черту их предводителя, но Кериан лишь подумала, что жена Портиоса была такой же безрассудной, как и сам Портиос.

Медлительная колонна еле тащилась. Местность начинала казаться одновременно знакомой и кошмарно другой. Вдоль дороги появились разбитые камни. Некоторые были развалинами местных зданий; другие — выброшенными из Квалиноста при ударе Берил обломками. Вьющиеся растения с сине-черными листьями сжимали разрушенные камни в жутких объятиях. Высокие шпили лежали, точно громадные упавшие деревья — белые пятна на фоне спутанной листвы. Прямо в нескольких метрах от края дороги, южная обочина круто уходила вниз, вдобавок к зыбкой опоре. Таинственная ядовитая атмосфера подействовала на всех. Разговоры стихли. Тягловые животные стали вялыми.

За два часа до рассвета, колонна растянулась по дороге. Поднимался туман, сероватая мгла, слабо пахшая гнилой плотью. Этот запах был чересчур сильным для многих из эльфов Бианоста. Ощущая тошноту, они выходили из строя, чтобы найти облегчение у края дороги.

Даже ветераны вроде Самара с трудом выносили эту вонь. С пепельным лицом, он спросил: «Мы правильно поступаем? Если воздух станет еще хуже, мы не сможем продолжать!»

«Несомненно, это лишит бандитов мужества преследовать нас», — ответила Эльхана, с трудом сглатывая.

Самар с минуту молчал, обдумывая, как лучше поднять тему, что занимала его мысли последние дни: он знал личность эльфа в маске.

Сколько себя помнил, Самар был влюблен в Эльхану. Она не знала, и он старался, чтобы она никогда не узнала. Даже после предположительной гибели ее мужа, Самар не

позволял своим чувствам нарушить ее покой. Но что случится теперь с этим покоем? Самар боялся, что для маскарада Портиоса могла быть лишь одна логичная причина. Не убивший его огонь так ужасно изувечил его, что на него нельзя было смотреть без маски. Если так, на какое будущее с ним могла надеяться Эльхана?

Он был так взволнован своими опасениями, что, когда, наконец, заговорил, его слова прозвучали гораздо резче, чем он хотел: «Вижу, нашего предводителя в маске нигде не найти. Полагаю, для себя он выбрал более целительный маршрут».

Он тотчас пожалел о своих резких словах, но Эльхана натянула поводья и повернулась к нему раньше, чем он успел смягчить их.

«Ты ничего не знаешь о нем! Как ты смеешь судить?»

Ее голос в тишине прозвучал очень громко. Самар опустил голову. Покрасневшая от гнева, Эльхана пришпорила свою лошадь и легким галопом проскакала мимо ехавших впереди Кериан с Чатендором.

«Миледи», — позвал старый казначей. — «Это место небезопасно! Пожалуйста, держитесь с нами!» Он подстегнул своего упрямого скакуна вслед за ней.

Кериан оглянулась на Самара. Мгновение, на вечно суровом лице сильванестийца отражалась лишь одна доминирующая эмоция: страх. Она поняла, что это был не страх за себя в опасном путешествии, а за Эльхану.

А затем Кериан поняла кое-что еще: Портиос с Эльханой пришли к некоему соглашению. Каким бы оно ни было, оно смягчило тенью лежавшее на лице Эльханы беспокойство. К счастью для нее, подумала Кериан; никто не должен быть так одинок и сам по себе.

Что же до Портиоса, где бы он ни был, Кериан желала ему искупаться в дважды более сильном зловонии чем то, что забило ей нос.

* * *

Небо начало светлеть зарей, когда повозка со страдавшим от лихорадки Гитантасом проезжала под низко нависавшей веткой дерева. С ветки спрыгнула фигура и бесшумно приземлилась в открытый грузовой отсек. Гитантас зашевелился.

«Кто здесь?» — прошептал он.

«Друг».

Голые пальцы коснулись лба Гитантаса, а затем убрались. К его губам поднесли веточку.

«Пожуй, но не сглатывай».

«Ты — целитель?»

«Не задавай вопросов. Жуй».

Гитантас жевал, пока голос не велел ему выплюнуть горькую на вкус ветку. Спустя несколько минут, он почувствовал облегчение, боль в конечностях впервые за несколько дней стихла. Он со вздохом расслабился, опустив голову на одеяло из шерсти ягненка, смягчавшее его постель из тюков с квалинестийским оружием.

«Какие у тебя новости о Гилтасе?»

В полусне, Гитантас пробормотал ответ. Под мягким, но настойчивым допросом незнакомца, Гитантас рассказал о затруднительном положении, в которое попали эльфы в

Кхуре и о нежелании Львицы возвращаться. Он ничего не утаил, ни из того, что знал, ни свое мнение. Наконец, вопросы закончились, и целебная кора, что успокоила его лихорадку и развязала язык, погрузила Гитантаса в глубокий сон.

Портиос сел, откинувшись на стенку повозки. Он оставался здесь долгое время, глядя в никуда и погрузившись в раздумья.

11

Британ Эверайд была в покоренном Квалинести меньше двух месяцев назад, но произошедшие за это время перемены были значительными. Когда она направлялась в Альдерхелм расследовать исчезновение неракских наемников, она ехала по земле мира — мира павших духом. Однако теперь, направляясь из Френоста в Самустал, она проезжала по сельской местности, находившейся в тревожном возбуждении, с дорогами, забитыми бежавшими на север или запад людьми. Большинство были направлявшимися к побережью овсянками, чтобы вернуться на корабле туда, откуда прибыли. Среди них затесались различные гражданские и маркитанты, всегда сопровождавшие армии наемников.

Несколько заданных беженцам вопросов, подкрепленных несколькими монетами, вытянули удивительные новости. По всему северному Квалинести, туземцы поднялись против своих угнетателей. С исчезновением Берил и засевшими на юге неракскими рыцарями, местным жителям приходилось бороться лишь с бандитской армией Самувала. Успех повстанца в маске в Самустале показал им, что победа возможна. В сотнях мест, отряды бандитов попадали в засады. Некоторые были тщательно спланированными ловушками; другие — спонтанными бунтами. Бандиты казались неспособными восстановить контроль. Всякий раз, когда они направлялись подавить один мятеж, еще два вспыхивали у них за спиной. Медленно, но верно люди Самувала и их союзники покидали открытую сельскую местность и укрывались в укрепленных городах.

Хотя на ней были полные доспехи ее Ордена, и она, не таясь, носила свой новый арбалет, никто не приставал к Британ. Повстанцы держались подальше от Темного Рыцаря. Офицеры бандитов, осознававшие свои неудачи, сторонились ее, опасаясь, что их слабость побудит ее выступить против них. Лишь беженцы приближались, прося помощи и стальных монет. Британ платила за полезную информацию, но, во всем остальном, отказывалась помогать жадным побитым вымогателям.

Она добралась до Самустала, когда сгустились сумерки. Ее мишень, вождь повстанцев, известный как Пугало, вряд ли находился так близко к месту своей первой победы, но она могла собрать здесь ценную информацию. Кроме того, ей требовались обед, питье и место для ночного отдыха.

Над центром города повисла дымовая завеса. Слухи о том, кто был ответственен за поджог города, разделились: бандиты или эльфийские повстанцы. Старинный центр города, который лорд Олин окружил оградой, представлял собой тлеющие развалины. С быстрым приближением ночи, движение ускорилось в сторону южной границы города, где лорд Гатан воздвиг частокол вокруг земляной насыпи. Британ направилась туда.

Ворот не было, лишь щит из бревен охранял единственный вход. Частокол был возведен в явной спешке. На бревнах все еще оставалась кора, и они не были обтесаны; почти между каждым и соседними были зазоры. Некоторые из этих щелей были достаточно широкими, чтобы пропускать стрелы большого лука. Британ не видела сторожевых башен, лишь несколько открытых платформ наверху стены. Она покачала головой. Грейден загнал гарнизон в смертельную ловушку.

У щита трое пеших солдат преградили ей путь. «Кто ты?» — прорычал один из них.

«Странник в поисках еды и постели».

Он резко рассмеялся: «Здесь не Палантас. Здесь спят в грязи».

«В грязи, под защитой стен», — спокойно сказала она.

Он отошел в сторону, и она проехала. Огороженный участок внутри бревенчатой стены был лишь порядка двухсот метров в поперечнике. На тесном пространстве палатки и лачуги были разбросаны в полном беспорядке, не оставляя свободных проходов для защитников, чтобы добраться до стены в случае повсеместной атаки. Британ снова почувствовала отвращение. Один решительный штурм, и это место падет, точно гнилое яблоко под осенним бризом.

Рисованная вывеска на длинной палатке впереди гласила, что внутри можно получить Вино, Мясо и Хлеб (последние два слова были написаны с ошибками). Британ спешилась и привязала животное к ряду штакетника. С арбалетом в руке, она нырнула под низкую брезентовую крышу.

Вдоль дальней стены располагалась стойка, образованная лежавшими поверх бочек досками. Мускулистый человек с наголо обритой головой разливал обеими руками напитки. Его фартук был потрясающе белым посреди всеобщей грязи.

«Подходите и заказывайте!» — рекламировал он.

Она потребовала вина и — после небольшого обсуждения с хозяином — говядины, хлеба и всего, что к ним полагается. Он проревел заказ в сторону полога в конце палатки. Британ мельком заметила огонь и вращающегося на вертеле большого теленка.

Вино на удивление оказалось приличным, костлундским красным. Не успела она осушить первую чашу, перед ней уже поставили поднос с едой. Щедрый кусок говядины, все еще красный в середине, в окружении вареной картошки, лука и моркови. Поверх мяса лежала половина круглой буханки хлеба.

«Никакой нехватки продовольствия», — заметила она.

Он рассмеялся: «Не для тех, кто в состоянии заплатить!»

Она ела, стоя у стойки, так как в этом месте не было стульев. За разбросанными по комнате столиками по пояс различные люди обрабатывали толпу бандитов и беженцев, предлагая игры, предсказания и любовь за деньги. В нескольких метрах от стойки слепой человек за подаяние играл на флейте. В его чашке было очень много осколков морских ракушек и очень мало монет.

Пока ела, Британ расспрашивала трактирщика. Он находился здесь меньше недели и считал разрушенный Самустал «удачным шансом». Он, определенно, казался способным позаботиться о себе. Поменяй он урну для вина на меч, и стал бы грозным бойцом.

К тому же, он не был глупым. Разглядывая ее, пока вновь наполнял ее чашу, он спросил: «Ищете повстанцев, леди?»

«Я осматриваюсь», — осторожно ответила она.

«Рыцарям может понадобиться подключиться, если Самувал не сможет восстановить порядок. Дороги так забиты дураками, уносящими ноги из этого места, что он не может направить своих людей туда, где они нужны. Полагаю, он к осени потеряет эту провинцию».

Британ проглотила кусок дефицитной говядины. — «Эти повстанцы, в самом деле, так опасны?»

«Они сражаются за свою родину. Что делает их довольно опасными».

Его позвали в дальний конец бара наполнить кружки. Когда он вернулся, Британ положила на стойку несколько стальных монет, побеспокоившись, чтобы ее поднос скрыл их от остальной комнаты.

«Я вижу, вы умный человек. Может, вы еще и проницательный человек?» — спросила

она. Он набросил тряпку на монеты и плавным движением смахнул их со стойки. Это было красноречивым ответом. — «Что вы слышали о предводителе этого мятежа?»

Впервые он потерял свой веселый уверенный вид и опустил взгляд. Он притворился, что вытирает тряпкой доски вокруг подноса Британ. Она молчала, давая ему время на обдумывание, и, наконец, он ответил.

«Говорят, он — волшебник. Эльфийский волшебник. И всегда носит маску!»

Британ скрыла свое волнение, жуя и глотая следующий кусок пищи. Стараясь сохранять обычный тон, она спросила: «Какие-нибудь новости о том, где он сейчас?»

Он явно чувствовал себя неуютно, и слегка отодвинулся. Она положила ему под тряпку еще монет. Он взял их, как и прежде.

«Говорят, лорд Гатан преследует отряд эльфов под предводительством повстанца в маске. По слухам, они бегут к Озеру Смерти».

Странное место для эльфов, чтобы прятаться. Если бы ей удалось подтвердить этот намек, она бы отправилась к Озеру Смерти, невзирая на опасность.

Британ больше ничего не узнала от трактирщика. Напуганный ее расспросами, он вернулся на противоположный конец длинной стойки из досок и повернулся к ней спиной.

Она осушила чашу и собиралась попросить снова наполнить ее, когда ей на плечо опустилась тяжелая рука. Ее арбалет был на полу, его приклад был прислонен к ее ноге. Она протянула руку вниз, чтобы взять оружие.

«Не стреляйте, леди. Это Джералунд».

Сержант вышел вперед и прислонился к стойке рядом с ней. Он был небрит, с синяком под глазом и отвратительным порезом под подбородком.

«Выглядишь здоровым», — сухо сказала она.

«Я тоже рад вас видеть. Еще день, и я бы присоединился к бандитской армии».

Он рассказал о своих приключениях с кагонестийцами, своем прибытии в Самустал, мятеже и своем последующем выживании в бегах в полях и фермах вокруг города. Когда показалась армия Гатана Грейдена, Джералунд вернулся, заявив, что он потерявший свой отряд один из наемников Олина. Для того, кто всю жизнь был солдатом, служба Самувалу была предпочтительнее любой другой работы.

Закончив свой рассказ, Джералунд облизал губы и бросил взгляд на остатки еды Британ. Она подтолкнула к нему поднос и попросила вина. Хозяин поставил перед сержантом еще одну чашу. Прежде, чем он торопливо удалился, Британ велела ему оставить кувшин с вином. Она бросила на стойку несколько монет, хотя уже более чем достаточно тайком заплатила за еду и полупустой кувшин вина.

Сержант с жадностью набросился на остатки картошки, мяса и подливки, затем осушил чашу и налил себе еще.

«Спасибо вам, леди. Я могу жить!» — воскликнул он.

Голод и жажда отступили, и он спросил, может ли быть чем-то полезным ей в ее миссии. Она лишь на мгновение задумалась, а затем кивнула. Было бы здорово иметь за спиной человека, которому она могла доверять, и Британ была рада сильнее, чем ожидала, обнаружив его целым и, в основном, невредимым.

Когда они вдвоем показались из палатки, сквозь дымный туман слабо сияли звезды. Пища тяжестью легла в желудке Британ, и она заявила, что готова отправиться в кровать. Джералунд скептически разглядывал ее, потирая бородатую челюсть.

«Леди, в этой дыре я бы нигде не чувствовал себя в безопасности во сне».

«Тогда будем по очереди дежурить».

Они нашли комнатки по соседству, именовавшие себя таверной, хотя это были всего лишь бревенчатые строения с тремя стенами с брезентовой крышей. В каждой комнатке были подогнанные друг к другу доски, с набитыми узкими планками, чтобы спящий не скатился. Это было лучшее, что они смогли найти, и не было дешевым, но, по крайней мере, им не пришлось лежать в грязи.

Джералунд сел в своей комнатке, вытащив из ножен и положив на колени меч. Британ раскатала одеяло и легла рядом со своим арбалетом. Сон долго не шел. Обитатели форта разговаривали в полный голос, и любая деятельность, казалось, сопровождалась лязгом, стуком или треском. Всю ночь горели факела, пока часовые нервно высматривали крадущихся по развалинам повстанцев. Было три тревоги, все ложные. Британ дремала менее часа, когда дежурство Джералунда закончилось. Она без жалоб сменила его, но то, как бывалый солдат свернулся на своей кровати и тотчас заснул, вызвало у нее огромную зависть.

Она пустым взглядом уставилась в темноту, вздрагивая от каждого звука, пока светлеющее на востоке небо, наконец, не закончило эту шумную тревожную ночь.

* * *

Воодушевленные первой за много дней победой, кхурские кочевники возносили благодарности Торгану, пустынному богу мщения. Каждая семья пожертвовала козла или барана. Когда церемонии были закончены, в лагере стоял сильный запах крови, и он напоминал поле боя.

Адала сидела под защитным пологом своей маленькой черной палатки, накручивая нить на веретено и готовясь ткать. Подошел Вапа, из уважения не говоря не слова, пока его тень не упала на колени его кузины.

«Маита», — сказал он, — «Я выбрал для жертвоприношения прекрасного белого козла. Тебе, как главе семьи, следует принести эту жертву».

Она сосредоточенно продолжала свою работу, накручивая нить ровными прямыми петлями. Для получения плотной ткани натяжение было критичным. Плотность будет постоянной, лишь если нить будет равномерно накручена на веретено. Вапа молча ждал, зная, что она ответит ему в свое время.

«Пощадите это животное», — наконец, сказала она.

«Может, мне сделать это за тебя? Если ты занята…»

Она сделала паузу, держа нить туго натянутой относительно почти полного веретена, и посмотрела на него. — «Кузен, если ты своей болтовней испортишь мне работу, я буду очень недовольна!»

Он низко поклонился, лицом до земли. Она с отвращением фыркнула. — «О, вставай! Я что, хан, что ты унижаешься передо мной?»

Он присел на корточках на теплый песок и принялся наблюдать, как она продолжает свою работу, наматывая нить, сперва медленно, чтобы вернуть потерянный ритм. Нить была насыщенного золотисто-желтого цвета, оттенка, давно ассоциировавшегося с ткачихами Вейя-Лу. Этот цвет получался использованием комбинации цветков, включая повсеместные одуванчики и редкие белые пустынные розы. Другие племена пробовали повторить его, но

никто так и не приблизился к сочности и невыцветающей долговечности золотого цвета Вейя-Лу.

Когда Вапа заговорил снова, он говорил тихо, чтобы не нарушить сосредоточенности Адалы.

«Все семьи принесли жертву Хозяину Пустыни». — Произносить имя Торгана считалось к несчастью даже среди его детей. — «Почему мы не поступаем так же?»

«Не сегодня. Моя *маита* говорила со мной. Она сказала: ‘Держите руки чистыми, и победа будет вашей’. Я понимаю это так, что не должна проливать кровь, даже в честь богов».

Вапа был вынужден согласиться. После множества смертельных разочаровывавших стычек с *лэддэд*, дети Торгана, наконец, загнали их в безвыходное положение. Хан *лэддэд* нашел убежище на Зубах Льва. Это было серьезной ошибкой. *Лэддэд* было проще обороняться наверху Зубов, но и кочевникам было проще сдерживать их. Время было врагом чужеземцев. Их запасы еды и воды сократятся, солнце и ветер заберут у них силы, и в конце они станут беспомощными перед кочевниками.

Падение захватчиков было уже близко. *Лэддэд* были изолированы на двух скалах. Пик между ними попал в руки кочевников во внезапной атаке, осуществленной Мэйякхур. Самое южное и самое небольшое из семи племен, Мэйякхур были известными следопытами и славились хорошим ночным зрением. В полной скрытности, пятьсот воинов Мэйякхур, завернувшись в черные плащи и босиком для бесшумности, взобрались на Малый Клык. Они полностью застали *лэддэд* врасплох, и находившиеся на соседних пиках ничего не узнали. Несколько тысяч *лэддэд* томились в огромном загоне, в котором обычно держали стадных животных. Связанные в запястьях и лодыжках, пленники ожидали решения Адалы.

Вапа спросил, что с ними делать.

Адала пожала плечом. — «Я еще не знаю. Я ожидаю знака».

Никто не мог сказать, как Те, Кто Наверху проявят Свою волю. Но Вапа знал, что Они ясно дадут понять, в Свое время.

Когда Адала заполнила веретено, она попросила принести ручной ткацкий станок. Его принесла из палатки Зейна, ее двенадцатилетняя племянница. Ребенок стал жить со своей тетей после смерти двух младших дочерей Адалы в устроенной *лэддэд* резне. Ручной станок был старым, сделанным из ценного дерева, и любовно сохраненным поколениями Вейя-Лу. Рама была потертой, бледная твердая древесина потемнела от державших ее бесчисленных пальцев. Адала начала продевать золотую нить поперек рамы.

Ветер носился по лагерю, забрасывая Адалу жалящим песком. Она велела Вапе сесть с другой стороны, чтобы укрыть ее работу от ветра. Он не ответил, лишь остался сидеть на корточках, положив руки на колени и опустив голову. Его широкополая шляпа защищала лицо от ветра и песка.

«Дурак», — снисходительно подумала Адала. Слишком много ночных прогулок и набегом под светом звезд. Вапа уже не был молод.

Полосы белых облаков поднялись с гор и протянулись по небу, пряча послеполуденное солнце и понижая температуру. Адала обмотала вокруг шеи черный шарф. Когда ее пальцы достаточно замерзли, чтобы стать неуклюжими, она велела Вапе разжечь огонь.

Не поднимая головы, Вапа ответил: «Пламя не спасет от моего дыхания. Ты мерзнешь, женщина, потому что я так хочу».

Это не был голос Вапы. «Кто ты?» — спросила она, отставляя в сторону ткацкий

станок. — «Кто осмеливается овладевать кузеном Маиты?»

Голова Вапы поднялась, и она вздрогнула от удивления. Его серые глаза были зелеными как листья.

«Я — Оракул Дерева».

«Оракул был человеком. Он умер много поколений назад!»

«Я — это он. Время и место ничего не значат для меня. Я могу беседовать с тобой сейчас, хотя и гулял по поверхности Кринна пятьсот лет назад». — Вялые губы Вапы едва шевелились, но выходящий из его горла голос был сильным и глубоким.

Лицо Адалы озарилось пониманием. — «Ты — тот знак, которого я ждала?»

«Ты должна отпустить захваченных *лэддэд.* Забери своих людей из этого места. Прекрати свою кампанию против чужеземцев».

Она потрясенно отпрянула. — «Но они — убийцы!»

Воспоминание о ее мертвых дочерях было неисцелимой раной: Чиси, лежащая одной рукой на Амалии, словно пытаясь прикрыть свою добрую старшую сестру от смерти, что разорвала на части их тела. Не важно, сколько, Адала поклялась не знать покоя, пока их убийцы не будут уничтожены.

Свежий порыв ветра, холоднее, чем ранее, заполнил палатки Вейя-Лу. Они захлопали, словно стараясь взлететь. Адала закрыла шарфом нижнюю половину лица и прищурилась от сильного потока воздуха.

«*Лэддэд* должны быть освобождены, чтобы продолжить свой путь!» — Пророкотал голос. — «От этого зависит баланс мира!»

«Месть *и есть* баланс!» — возразила она, столь же разгневанная, сколь и удивленная. — «Говори о своем мире! Я знаю лишь пески Кхура, и здесь *лэддэд* — проклятье, и с ними будет покончено!»

Пришли вожди племен, чтобы посоветоваться с Адалой насчет странного холодного ветра. Некоторые пришли как раз вовремя, чтобы услышать последнее заявление голоса. Все видели, как Адала встала и кричит на своего кузена. Болтливость Вапы раздражала их всех, но никто ни разу не видел, чтобы Адала потеряла из-за него самообладание.

«Я, так или иначе, уберу *лэддэд* из Кхура!» — Яростно кричала она кузену. — «Это моя *маита!* Те, Кто Наверху показали ее мне! Ты осмеливаешься выступать против Них, древний пророк?»

Раздался гром. Грозовых облаков не было видно, лишь высокие полоски белых облаков. Как один, вожди кочевников упали на песок. Те, кто даже не видел этого сам, слышали, как *маита* Адалы вызвала молнию с ясного неба и уничтожила осмелившегося перечить ей военачальника Микку.

Адала воздела руки к небу. — «Слышишь это, ложный оракул? Твоя ложь пробудила мою *маиту!* Прочь, пока Те, Кто Наверху не уничтожили тебя!»

«Это ты в опасности, женщина. Ты получила мое предупреждение», — прошипел странный голос. Правая рука Вапы поднялась, пальцы вяло указывали в глубокую пустыню к югу от лагеря. — «Немедленно откажись от своей агрессивности; или обретешь *маиту*, которой не желаешь: судьбу, ожидающую всех, кого ненавидят».

Внезапно Вапа обмяк. Снова прогремел гром, и ледяной ветер исчез. Вожди и военачальники медленно поднялись на ноги. Вапе, казалось, было ничуть не хуже от его одержимости. На самом деле, он громко спал, пока двое людей не разбудили его тряской.

«Э?» — С затуманенным взором произнес он. — «Мне снилось, что надвигается

гроза…»

Его прервали крики из лагеря кочевников. Палатка Адалы была поставлена на восточной стороне низкой дюны, развернутая так, чтобы ловить первые лучи солнца. Она поспешила за вершину, с вождями и Вапой по пятам.

Мужчины и женщины в лагере вышли из своих палаток и уставились на юго-восток в точку, где расплывалась резкая грань между бледным песком и синим небом. Туманное пятно быстро увеличивалось в размерах, пока все не увидели поднявшийся над ним высокий столб пыли, точно кинжал, указывающий с неба на землю.

«Ураган!»

Дюжины голосов прокричали это страшное слово, и воины вокруг Адалы подхватили крик. Находившиеся в лагере ринулись к своим палаткам. Воины с Адалой запрыгнули на своих коней и понеслись во весь опор к своим находившимся в опасности семьям. Лишь Адала не паниковала. Она спокойно стояла в одиночестве, пока к ней не присоединился Вапа.

«Какой живой сон у меня был!» — сказал он, потирая глаза обеими руками. Когда он убрал руки, то увидел приближавшуюся к ним опасность и открыл рот. «Маита, мы должны бежать!» — крикнул он.

Все кочевники боялись ураганов. Они не часто случались, но их ужасная сила была темой для легенд у лагерного костра. Говорили, что гигантский ураган унес на Черную Луну величайшего героя пустынных племен, военачальника Хадара. Хадар несколько веков сражался с богом черной луны. Когда Хадар, наконец, одолел его, бог бежал, убедив своего брата на Белой Луне и их сестру на Красной бежать с ним, иначе отважный военачальник напал бы и на них тоже. Это было тогда, когда небо изменилось, и исчезли луны, что чужеземцы назвали Вторым Катаклизмом.

Адала железной хваткой держала Вапу за запястье. Он пытался вырваться, умоляя ее укрыться в безопасности. Она не собиралась уходить.

«Моя *маита* не допустит этого!» — сказала она, жмуря глаза от вздымающегося песка. — «Моя *маита* сильнее любого ложного оракула!»

Она так и стояла, сжимая одной рукой запястье Вапы, другой прижимая ко рту и носу шарф. Вокруг нее, мужчины и женщины бежали или копали ямы с подветренной стороны дюны, ища укрытия от бури-убийцы. Адала закрыла глаза. Перепуганный Вапа поступил так же.

Ветер ревел, точно выли десять тысяч волков. Песок ушел у них из-под ног, и Вапа опустился на колени. Адала погрузилась по лодыжки, но оставалась гордо выпрямленной. Она кричала в зубы урагану. Вапа не слышал ее слов. Он склонился, прижав лицо к бедрам. Ветер медленно толкал его назад, пока его рука, все еще удерживаемая Адалой, не оказалась вытянутой вперед.

Он посмотрел вверх. Столб ветра изгибался, точно живое существо, разрывая палатки и разбрасывая во все стороны их содержимое. Бронзовая сковородка, использовавшаяся для приготовления общественной еды для всей семьи, прокувыркалась по воздуху и приземлилась рядом с Вапой. Плоская метровая металлическая сковорода на треть погрузилась в песок. Если бы она попала в него, то разрезала бы надвое.

Он потянулся к сковородке, вытянувшись насколько можно, так как Адала упрямо отказывалась двигаться. Он ухитрился ухватиться пальцами за рукоятку и подтянуть сковороду ближе. Держа ее перед собой, словно щит, он начал медленно продвигаться на

коленях вперед. Когда Вапа снова оказался рядом с Адалой, он принялся стучать кулаком ей по ноге, пока не привлек ее внимание. Он встал, и они вытянули перед собой широкую сковороду. Песок пел о ее дно. Время от времени от самодельного щита отскакивали вырванные из лагеря более крупные предметы.

Центр урагана прошел прямо над ними. Бронзовую сковороду вырвало у них из рук. Адала выпустила его руку, и Вапа упал на колени. Ноги Адалы оторвались от земли на пятнадцать сантиметров.

Он ухватил ее руками за лодыжки. Сила ветра поднимала его, пока лишь кончики сандалий все еще касались песка. С лицом, зарытым в халат кузины и воздухом, забитым песком, Вапа не мог дышать и не мог видеть. Он чувствовал, как Адала выскальзывает из его хватки.

Неожиданно, словно лопнула струна, сила, тянувшая их вверх, исчезла. Они упали на песчаный нанос. Вапа скатился с Адалы и принялся отряхивать песок с ее рукавов и платья, все время спрашивая, все ли с ней в порядке, не ранена ли она. Она поднялась на руках. Он увидел, что она дрожала, но один взгляд на ее лицо сказал ему, что ей двигал не страх.

«Я раскусила его!» — заявила она, со светившимися триумфом глазами. — «Ложный пророк думал, что может предотвратить мою *мауту*. Никто этого не может! Со мной Те, Кто Наверху!»

Он помог ей встать. С их халатов посыпался песок. Пока Вапа отряхивался, Адала глядела на рассеивавшийся ураган. Тот удалялся на северо-восток, быстро теряя силу. Вскоре он представлял собой лишь вращавшееся облачко пыли, кувыркавшееся по дюнам в сторону Зубов Льва. Она надеялась, что он сохранится достаточно долго для того, чтобы швырнуть песок в *лэддэд*.

Внимание Вапы было обращено в противоположном направлении. Их лагерь был полностью разрушен. Не выстояла ни одна палатка. Земля во всех направлениях была усеяна обломками. Тут и там обезумевшие мужчины и женщины разрывали холмы песка, выкапывая похороненных под ними. На лице Адалы застыла жестокая ухмылка, но Вапа не видел ничего, чему можно было бы радоваться. Он испытал огромное облегчение, увидев племянницу Адалы. Зейна вытягивала ручной ткацкий станок из-под расплющенных остатков палатки ее тети. Она принялась чистить механизм осторожными пальцами.

Из лагерей других племен прибыли всадники. Ураган не ударил больше ни по кому, кроме Вейя-Лу. Даже лагерь Микку, на прямой линии с бурей, избежал повреждения. Ураган обогнул их палатки, причинив лишь легкие повреждения.

Это выглядело как послание, направленное Адале и ее племени. Те несколько вождей, которые слышали голос, говоривший Адале, что *лэддэд* должны продолжать, поделились этой информацией со своими людьми. Многие размышляли вслух, не лучше ли было отпустить пленников, чтобы умиротворить гнев древнего оракула.

«На следующий день», — объявила Адала, — «хан *лэддэд* получит обратно своих людей. Их число пополнит ряды голодных и страдающих от жажды на Сломанном Зубе и Резце, и их хан узнает, что его гибель близка».

Вожди испытали облегчение. Она приняла во внимание предостережение оракула.

Она уселась в тени своей палатки, которую воздвигла Зейна с помощью Вапы, и подобрала ручной ткацкий станок. Так как она явно собиралась вернуться к своему ткачеству, Вапа и вожди кочевников начали расходиться.

«Еще одно», — громко сказала Адала, счищая последний песок со станка. — «Пусть

каждого мужчину из плененных *лэддэд* клеймят с тыльной стороны левой руки. Используйте клеймо для скота Вейя-Лу».

Вапа в шоке уставился на нее. Он сделал шаг в ее сторону, протягивая руки, словно в мольбе. — «Но зачем, Маита? Какой цели может служить такая ужасная жестокость, кроме как разгневать хана *лэддэд*?»

«Это скажет ему и всем, кто увидит эти клейма, что его люди были освобождены по *нашей* воле, не рукой Сахим-Хана, не усилиями хана *лэддэд*, и не назойливым ложным пророком, называющим себя Оракулом. Это клеймо будет знаком их неудачи и нашей *маиты*».

Вожди не были счастливы от такого приказа. Они были людьми чести. Клеймили лишь рабов и стадных животных. Нанести такое клеймо на пленного врага было грубым оскорблением. Но все видели, как Адала выстояла перед ураганом и поднялась невредимой. Такая храбрость демонстрировала огромную душевную силу. Ее выживание подчеркнуло ужасающую силу действовавшей внутри нее Судьбы. Они не могли не повиноваться ее приказу.

Пока Вапа наблюдал, как разъезжаются вожди и военачальники, он почувствовал, как внутри него что-то изменилось. Возможно, это были открывшиеся широко, наконец-то, глаза его души, возможно, это был всего лишь надрыв его сердца, но в тот момент он знал, что Адала ошибалась. Несомненно, в его кузине действовали могущественные силы, но он больше не верил, что ее действиями руководили *маита* и воля Тех, Кто Наверху. Если бы он не вцепился в нее, когда проносился ураган, ее бы оторвало от песка и унесло, как Хадара, в небеса, чтобы никогда не вернуться. Он ощущал ужасающую тягу этого ветра, и это он спас ее, а не божественный жребий. Это и бессмысленная жестокость отданного ей только что приказа были доказательством, которое он не мог игнорировать. Адала была на неверном пути. Боль и ненависть ослепили ее.

Вапа нашел своего коня, к счастью, пощаженного бурей. Взяв бурдюк с водой, он выехал из разрушенного лагеря. Его миссия — его *маита* — была ясна.

12

Словно громадное черное зеркало, Озеро Смерти накрывало то, что когда-то было великим городом Квалиностом. Днем вода была насыщенного нефритового цвета, но на рассвете, перед тем, как первые лучи солнца начинали пробивать восточный край неба, вода напоминала самые темные чернила, которые только можно представить. Несмотря на разгар лета, воздух был холодным, и над озером стоял неизменный туман. От падения Берил образовался такой огромный кратер, что земля вокруг озера постепенно спускалась к его зловещему берегу. Тут и там торчали свинцово-серые остатки каменной кладки на фоне сломанных деревьев, вытянувшихся в светлеющее небо потемневшими бесплотными руками. Все было покрыто серым мхом и смердело хуже, чем сотня выгребных ям.

«Ты упала в это?» — воскликнул Самар. — «Где-то есть колдун, которому ты не нравишься».

Кериан была не согласна. Кто бы ни выдернул ее из Кхура и ни бросил сюда, он побеспокоился о ней, и не пытался причинить ей вред. Злой волшебник мог оставить ее там, где она была, чтобы встретить смерть среди кочевников, или мог дать ей рухнуть со всего маху в Налис Арен. Ее спасли с умыслом. Чтобы принять участие в восстании Портиоса? Возможно. Было много вопросов. Нахождение здесь снова, созерцая отвратительное озеро, задавало новые вопросы.

Вскоре после рассвета колонна эльфов сделала короткий перерыв на отдых. Никто не хотел покидать дорогу и устанавливать палатку или раскатывать одеяло на окружавшей озеро темной земле, так что они просто спали в или под повозками, или совсем не спали.

Озеро и его ближайшие окрестности были укутаны вечным полумраком. Лишь собственное врожденное чувство времени сказало эльфам, когда прошел час. Эльхана проехала по всей длине каравана, поднимая милицию Бианоста и желая им доброго утра. Усталые плечи расправлялись, и горожане уважительно склоняли головы, когда она проезжала мимо. Она разительно отличалась от Орексаса, который появлялся изредка, говорил мало, и отдавал таинственные приказы. По мере продвижения вдоль строя, Эльхана доброй улыбкой и теплым словом восстанавливала их моральные силы.

В хвосте каравана она попросила ехавшего с ней Самара отправить несколько всадников назад по их пути, чтобы посмотреть, нет ли погони. Тяжелая атмосфера вокруг озера до тревожной степени притупляла зрение и обоняние. Они не хотели быть захваченными врасплох бандитами.

Вернувшись во главу колонны, Эльхана обнаружила Кериан и Чатендора изучавшими найденную Кериан в Бианосте карту. Конечно же, озера на ней не было, так как карта была нарисована задолго до падения Берил, и они пытались привязать текущую топографию к изображению на карте.

«Это должна быть наша дорога», — сказала Кериан, тыча тупым ногтем в карту, — «Дорога Сильверана».

«Я вспоминаю ее», — сказал Чатендор, закрыв глаза и копаясь в памяти. — «Она спокойно пересекает местность к северу от города». — Открывая глаза, он резко вернулся в реальность. — «Это не представляется возможным».

Эльхана спросила, не видели ли они Орексаса. Кериан ответила утвердительно. Она дремала на земле, когда он призраком прошел мимо нее, направляясь прямо вдоль дороги.

Настало время последовать за ним. Никаких криков глашатаев; никаких трелей серебряных труб. Эльхана отдала приказ, и его передали по королевской гвардии до милиции Бианоста. Она повела их вперед. Кериан с Чатендором следовали на полкорпуса лошади позади нее, а Самар скакал в нескольких метрах сзади, во главе королевской гвардии.

Пеший шаг было лучшим, что они могли выдать, учитывая состояние дороги. Когда-то ровная, тщательно ухоженная дорога была изрезана трещинами. На дорогу с крутых склонов холмов смыло грязь, камни и валуны. Городские эльфы не были опытными погонщиками, и многие из их животных не подходили на роль тяглового скота. Эльфам часто приходилось спрыгивать и толкать колеса руками, помогая груженым повозкам преодолевать неровные или грязные участки. Продвижение шло таким черепашьим шагом, что передовым всадникам приходилось останавливаться и ждать, пока их догонит караван повозок.

«С такой скоростью, Самувал помрет от старости прежде, чем наше восстание начнется», — сделала наблюдение Кериан.

Ободряющие слова, которые собиралась произнести Эльхана, замерли у нее на губах. Вместо этого, она, задыхаясь, сказала: «Милостивая Э'ли. Смотрите!»

Над этим краем озера собралось облако тумана порядочных размеров. Оно извивалось, будто от дувших в противоположных направлениях ветров, хотя воздух был абсолютно неподвижным.

«Видите это?» — крикнула Эльхана.

«Этот туман, леди?» — спросил сбитый с толку Чатендор.

«Да! Он выглядит, точно дракон!»

Кериан прищурилась, вглядываясь. — «Правда?»

«Его пасть раскрывается!»

Облако растаяло, ленты тумана расползлись в разные стороны. Эльхана резко обернулась к своим спутникам, но они сообщили, что видели лишь бесформенное скопление тумана. Чатендор пробормотал: «Леди, вы очень устали. Вы не отдыхали должным образом с момента покидания Бианоста».

Кериан не относилась к этому так пренебрежительно. — «Это могло быть видение, знамение, предназначавшееся только для твоих глаз».

«Знамение чего?»

Кериан понятия не имела, но как только туман поредел, она увидела странное желтое свечение над озером. Эльхана тоже его видела, но никто из них не мог сказать, что это было. Лишь Чатендор, чьи старческие глаза были слишком слабыми, чтобы различить его, понял, что это.

«Башня Солнца», — прошептал он.

Бывшее местонахождение Беседующего с Солнцем и центр каждой квалинестийской жизни и каждого сердца, огромный монумент омывался грязными водами Налис Арен, сияющая слава его золотого пика съежилась до слабого бледно-желтого пятна.

Пытаясь развеять мрак перед глазами и в сердцах, Эльхана послала за факелами. Со скелетных деревьев обрубили ветви. Кериан боялась, что они окажутся гнилыми, но это было не так. Дерево было сухим и очень твердым, почти окаменелым. Оно охотно загорелось, со столь тусклым пламенем, что оно было почти белым, и давало мало дыма.

Двое всадников поехали с факелами вперед. Почти немедленно их свет упал на стоявшего посреди дороги Портиоса. Все без исключения вздрогнули от удивления, и,

казалось, что у Кериан для него есть набор непристойных ругательств, но она посмотрела на Эльхану и подавила их.

«Мы не можем двигаться дальше по этой дороге», — сказал он им. — «Когда-то переброшенный через Белую Ярость мост уничтожен».

Река Белая Ярость протекала к северу от Налис Арен. Они не могли продолжать свой курс, если не могли пересечь ее. Нахождение подходящего для повозок брода требовало длинного путешествия на север.

В гнетущей тишине, Портиос сказал: «Другой мост все еще стоит».

Кериан шлепнула рукой по бедру. — «Почему бы тебе сразу это не сказать? Как далеко на север?»

«Недалеко, но единственный способ добраться туда…» — Его рваная ряса взметнулась, словно изодранное знамя, когда он указал вверх на склон холма. Этот путь был не только крутым, но земля была изодрана и усеяна валунами, затрудняя подъем.

Снова обратились к карте. Изучая ее, они установили, что до найденного Портиосом моста можно было добраться по Березовой Тропе, узкой дорожке, шедшей более-менее параллельно Дороге Сильверана.

Едва они решили подняться на Березовую Тропу, как по разбитой дороге галопом очертя голову прискакал всадник. Он с грохотом остановился перед Самаром.

«Милорд! Враги позади нас!» — крикнул он. — «Менее чем в часе пути!»

«Какие силы?» — спросила Кериан.

Сильванестийскому гвардейцу не нравилось отвечать на вопрос кагонестийки, но Самар нетерпеливо велел ему поторапливаться.

«Пятьсот лошадей и тысяча пехоты».

Эльхана быстро отослала Самара организовать оборону. Они с Кериан вместе унеслись галопом, обмениваясь скорострельными мнениями, как встретить угрозу. Они вдвоем недавно нашли вопрос, по которому сходились во мнении: никто из них не одобрял план Портиоса атаковать Мереклар.

Едва двое воинов скрылись из виду, Эльхана обнаружила, что Портиос подошел и стал у ее левого стремени.

«Мы должны защитить запас оружия», — сказала она.

«*Ты* должна держаться в стороне. Пусть воины защищают оружие».

Вздернув подбородок, она ответила: «Я выбираю свое место, и мое место с моим народом».

Пришпорив скакуна, она направилась в заполнивший дорогу водоворот деятельности. Кериан собрала всех горожан, которые не управляли повозками, очистить транспорт и вооружиться. Первая телега начала подъем по склону холма. Ее возница стоял на козлах, держа поводья в руке, и свистом и криками подгонял своих лошадей. Они храбро двинулись вверх, но через несколько метров заскользили на толстой сыпучей поверхности. Повозку занесло, и она перевернулась. Посыпались завернутые пачки копий и мечей.

Портиос руководил повторной загрузкой телеги. Как только она была закончена, он велел вознице освободить упряжку.

«Что?» — одновременно спросили возница и Кериан.

«На этой неустойчивой поверхности эльфы преуспеют лучше лошадей. Тележки нужно поднять на руках».

«Это безумие!» — воскликнула Кериан.

«Да. Приступайте».

Эльфы приступили. Как только лошадей распрягли, двое эльфов взялись за оглобли, а еще двое пристроились сзади толкать. Напрягаясь, они протащили телегу на два с половиной метра вверх. Колеса погрузились в сыпучий грунт, но, дергая и раскачивая, эльфы продвинули телегу до плоского участка над Дорогой Сильверана.

Наблюдавшие одобрительно подбадривали, пока Портиос не рявкнул: «А вы чего стоите? Нужно работать!»

Кериан изумленно наблюдала, как эльфы ухватились за повозки и телеги, и двинулись вверх по крутому склону. Первую телегу проволокли еще двадцать метров. Эльфы при ней объявили об обнаружении еще одной дороги, уже Дороги Сильверана, но в лучшем состоянии. Они нашли Березовую Тропу.

Караван состоял из тридцати одной телеги и тридцати пяти повозок. В милиции было недостаточно эльфов, чтобы вытянуть их все разом, так что, когда команды достигали Березовой Тропы, им приходилось скользить обратно вниз по холму и все повторять.

Кериан предоставила их самим себе, и направилась по дороге, чтобы отыскать Самара и гвардейцев, готовившихся обороняться от пятикратно превосходивших их числом бандитов.

«Орексас велел им затаскивать телеги вверх на руках», — доложила она. — «Лошади не справляются».

Самар посмотрел на своего собственного скакуна: «А как мы туда поднимемся?»

«Никак». — Кериан вытащила меч и положила клинок плашмя на плечо. К ним присоединился еще один всадник. Ее глаза расширились. — «Ты не в форме, чтобы сражаться!»

Гитантас Амбродель, бледный и изнуренный, но державшийся в седле прямо, выдвинул свой меч. — «Меня не будут поднимать вверх на холм, точно груз», — раздраженно ответил он. Она не могла с этим спорить.

Довольно скоро до их ушей донесся топот множества обутых в сапоги ног, громкий даже в застывшем воздухе Налис Арен. Контрапунктом ему слышался другой звук: резкие щелчки кнутов. Кериан знала, что это означает.

«Гоблинская пехота! Приготовьтесь отражать атаку пехоты!»

Воины отделениями разворачивались и отъезжали назад на шестьдесят метров, останавливаясь возле хвоста каравана. К ним приближалась фаланга гоблинов в черных доспехах. Позади каждого из четырех батальонов на коне ехал офицер-человек. Перед ним, подгоняя гоблинов кнутами, пешком шли полдюжины сержантов.

Заметив конных эльфов, передний батальон гоблинов остановился, и их трехметровые пики тут же опустились. Затем они с согласованным криком снова двинулись вперед.

«Будут тактические предложения?» — спросил Самар, надевая шлем на голову.

«Убить их».

С мрачной улыбкой, Самар поднял меч и крикнул: «Эльфы! По отделениям, в атаку!»

Гоблинам было сложно набрать большой импульс, маршируя вверх по холму, в то время как покатый уклон придавал эльфам дополнительную стремительность. Вид несущихся на них сильванестийцев заставил передние ряды гоблинов сбиться с шага, несмотря на подгонявшие их кнуты.

Два отряда столкнулись. Эльфы отбивали в сторону гоблинские пики, чтобы те, не причиняя вреда, проходили над головами. Первые две шеренги гоблинов пали под натиском коней. Кериан привстала в стременах и наносила удары направо и налево. В результате

получилось простое избиение. Гоблинские щиты висели у них за спинами, в походном положении. Без защиты, как только их пики отклонили, существа стали полностью уязвимы.

Несмотря на удвоенные усилия сержантов и их кнуты, задние ряды попятились. Гоблины по краям строя потеряли равновесие и покатились с холма, врезаясь в камни и стволы деревьев. Весь первый батальон рассыпал строй и бежал в ряды второго.

Самар отдал приказ отступить. Окровавленные, но невредимые, эльфы вернулись туда, откуда начали.

Стирая с глаз пот, несмотря на неестественный холод в окрестностях озера, Кериан заметила взлетевшую с деревьев выше по склону холма стаю темных птиц. Это были падальщики, которые собираются на каждом поле боя, но что-то спугнуло их.

«Засада!» — крикнула она.

Ее предупреждение опоздало на роковую секунду. Среди гвардейцев замелькал рой стрел. Некоторые нашли свою цель, и эльфы упали. Оставшиеся гвардейцы рассредоточились, некоторые попробовали подняться по склону холма к укрывшимся лучникам. Их скакуны добились не большего успеха, чем ранее лошади с повозками. Просвистел второй залп, и многие из пытавшихся взобраться на склон всадников попадали из седел.

Что-то толкнуло лошадь Кериан, и она услышала тяжелое дыхание. Самар качался в седле, под его левой рукой застряла стрела. Он бросился вперед и принял снаряд, который сразил бы ее. Он начал сползать, и она крикнула ему держаться. По ее приказу, Гитантас схватил поводья коня Самара, и увез раненого эльфа.

Окруженная мертвыми и ранеными, Кериан повернулась спиной к бандитской армии. Она подняла свой небольшой щит, прикрываясь от стрел, и крикнула: «Эльфы Бианоста, присоединяйтесь ко мне! Сражайтесь за себя! Сражайтесь за свой народ!»

По двое и по трое, добровольцы выбирались из-под оставшихся повозок. Они были напуганы, их лица были бледны, как снег, но Кериан гордилась ими. Никто из них не был воинами, но они пришли.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

«Да! Молодцы!» — Кричала она. — «Мы не позволим им пережалить нас! Присоединяйтесь ко мне! Давайте выкурим этих шершней!»

Териontас с дюжиной эльфов, вооруженных разнообразным оружием, построились за ней. Дождем посыпался еще один залп. Услышав предупреждение Львицы, подняли щиты, и эльфы отбили стрелы — все, кроме одного. Один эльф проявил любопытство, услышав пение снарядов в полете. Он выглянул за наружный край своего щита, и получил стрелу в лицо.

«Не опускайте щиты!» — Кериан спешилась и побежала к краю дороги со стороны холма. — «Держитесь вместе! Вперед!»

Пока оставшиеся гвардейцы сдерживали рассыпавшихся гоблинов, Кериан повела свой маленький отряд вверх по склону к затаившимся лучникам. Еще отдельные эльфы прятались за валунами и кустами. Львица велела им следовать за ними. К тому моменту, когда она добралась до тонкой линии деревьев вдоль Березовой Тропы, за Кериан следовало уже примерно шестьдесят эльфов. Некоторые были вооружены луками. Она отправила их расстреливать наполовину скрытых вдоль тропы лучников.

Пока эти группы обменивались стрелами, она повела отряд из примерно двадцати добровольцев выше по склону холма под прикрытием валунов, разрушенной каменной

кладки и искривленных деревьев. На первом ровном участке она велела им пригнуться и повела в сторону бандитских лучников.

К сожалению, один из членов ее отряда проявил инициативу. Потеряв терпение от осторожного продвижения Львицы, Териóнтас ринулся вдоль склона. Он сделал не больше трех шагов, прежде чем лучник отправил ему в грудь стрелу с черным опереньем. Последовавшие за ним двое эльфов также были сражены. Кериан отдала приказ, и эльфы Бианоста атаковали лучников — семнадцать людей в темно-красных кольчугах. Большинство из этих людей продолжали вести перестрелку с находившимися внизу эльфами и не среагировали вовремя. Они быстро пали под ударами взбешенных эльфов.

Разъяренные городские эльфы перебили бы всех, но Кериан остановила их. Она хотела допросить двух оставшихся лучников.

У одного, с густой черной бородой, был порез на шее, и он не мог говорить. Другой, гладко выбритый юноша, был так напуган, что Кериан пришлось дважды спросить его имя, прежде чем он, заикаясь, ответил. Его звали Викул, он состоял в Вольном Обществе Френоста, отряде наемников, свободно аффилированным с войском Гатана Грейдена. Основная часть армии маршировала в Мереклар, получив доклады о волнениях в этом городе. Вольному Обществу и гоблинской пехоте приказали преследовать эльфийских преступников, куда бы те ни направились. Гоблины были не рады нахождению в окрестностях Озера Смерти. Они говорили, что здесь были те, кто *ел* гоблинов.

Внизу проревел рог. Несколько гвардейцев Эльханы махали руками, чтобы привлечь внимание Кериан. Она приказала своему маленькому отряду отправляться обратно на Дорогу Сильверана. Они подобрали оружие мертвых людей. Неся тела Териóнтаса и других своих павших, в сопровождении Викула, поддерживавшего своего раненого товарища, они спустились вниз.

После ликвидации ловушки лучников, гоблинская пехота отступила и скрылась из виду, оставив разрушенную дорогу усыпанной телами. Взад-вперед бродили кони, ища своих павших всадников.

Двое королевских гвардейцев Эльханы встретили Кериан у края дороги. «Леди! Катастрофа!» — воскликнул один. — «Наша госпожа королева!..»

Опасаясь худшего, Кериан уже неслась к деревьям. Она оставила двоих пленников людей с всадниками.

Эльхана не была мертва. Она лежала на земле без сознания, ее голова бережно покоилась на коленях у Чатендора. Их окружали встревоженные эльфы, но при виде вздымавшейся и опадавшей груди Эльханы, Кериан испытала такое огромное облегчение, что ощутила слабость в коленях. Самар лежал без сознания рядом с Эльханой. Рана у него под левой рукой была крепко перевязана. Он потерял много крови, и его лицо был бледным, но он дышал. Кериан не заметила видимых ран на Эльхане.

«Что случилось?» — спросила она.

Чатендор ответил: «В ее лошадь попала стрела. Та понесла и сбросила ее».

Кериан осторожно коснулась тыльной стороны шеи Эльханы. Она поблагодарила богов, что шея Эльханы не была сломана, но когда ее ищущие пальцы обнаружили влажное пятно выше и ниже ее левого уха, Кериан поморщилась. Тяжелый удар мог вызвать внутреннее кровотечение в черепе, результатом будет медленная смерть. Эльхану нельзя было двигать из опасения ухудшить ее состояние. Тем не менее, эльфы находились в крайне уязвимом положении на этой дороге, с действительными отрядами наемников у них на пятках.

С выбытием из строя Эльханы и Самара и смертью Териóнтаса, эльфы Бианоста ожидали от Львицы руководства. Она действовала быстро.

«Всем подняться на Березовую Тропу. Оставшиеся телеги и повозки бросить здесь, их содержимое поделить и поднять на холм. Разобрать пустые повозки на доски и сделать носилки для раненых».

Эльфы поспешили выполнить ее приказы. Полные слез глаза Чатендора оторвались от неподвижного лица его госпожи. — «Что нам делать, леди?» — Прошептал он Кериан. — «Она будет жить?»

«Будет. Я не позволю ей умереть».

Подошел Портиос. В виде исключения, Кериан была крайне рада его видеть.

Он приказал королевским гвардейцам перекрыть дорогу, чтобы защитить Эльхану, которая должна была оставаться там, где была. Его голос и поведение были таковы, что воины беспрекословно подчинились. С Чатендором он добился меньшего успеха. Старого казначея невозможно было отослать с ранеными.

«Я не оставлю свою госпожу», — спокойно сказал он, и Портиосу пришлось уступить. Либо так, либо силой поднимать старого эльфа.

Находившегося без сознания Самара унесли, и Кериан тоже приготовилась уйти, зная, что от нее здесь не будет пользы. Прежде чем уйти, она бросила на Эльхану последний озабоченный взгляд и тихо спросила Портиоса: «Ты — целитель? Чтобы спасти ее, требуется незаурядное умение».

«Я исцелился, когда я был ничем, кроме крови и переломанных костей. И ее я вылечу».

В голосе Портиоса звенела убежденность. Кериан кивнула, но сердцем была уверена, что Эльхана Звездный Ветер не переживет грядущую ночь.

13

Гилтас стоял на самом краю плато, в сантиметрах от трехсотметрового обрыва. От пустыни поднимался теплый воздух, шевеля его волосы. Дувший прошлым днем ветер поднял в небо огромное облако пыли. Сиявшее сквозь эту дымку солнце выглядело лишь тусклым светящимся алым шаром, точно забытое в кузнечном горне железо.

«Клейменое железо», — подумал он, взирая на мрачное небо.

На плато позади него расположились сотни его сородичей, захваченных, а потом отпущенных кочевниками. Их вернули без воды, еды, оружия и инструментов, бывших при них на Малом Клыке. Припасы уже достигли критического уровня, и это дополнительное бремя еще больше осложнило ситуацию. Оно даже не компенсировало пополнение их боевого состава. Кочевники искалечили каждого мужчину-эльфа.

Когда Гилтас уже думал, что постиг самые глубины несправедливости и страданий, дно этой бездны снова опустилось. Так много целенаправленно изувеченных эльфов. Даже неракские рыцари не опускались до подобной тактики. Это был удар, достойный повелителя драконов, только никто даже не думал об этом.

Был ли выбор левой руки преднамеренным? Знали ли кочевники, что большинство эльфов, в отличие от большинства людей, были левшами? Или они считали, что проявляют милосердие, клеймя левую руку?

Гилтас еда не задохнулся при этой мысли. В конце концов, это не имело значения. Ужас самого деяния делал такое тонкое различие несущественным.

Сопровождавшие освобожденных эльфов к подножью Сломанного Зуба кочевники не переставали заверять эльфов, что они не несут ответственности за клеймение.

«На вас клеймо Вейя-Лу», — сказали они. — «Мы из Микку, и остальные племена тоже не делали этого».

Так что среди разных племен не было полного согласия. Позже это может оказаться полезным.

На головокружительный насест Гилтаса прибыл Хамарамис. За старым генералом следовала группа молодых воинов. Все были пыльными и загорелыми от солнца и ветра, и все столь же яростно горели жаждой мести. Выражения их лиц вынудили Гилтаса оборвать Хамарамиса прежде, чем тот даже начал говорить.

«Генерал, я не буду выслушивать планы мести. Если у вас есть какие-то другие военные вопросы, которые надо обсудить, я готов слушать».

Лицо Хамарамиса какое-то мгновение дергалось, затем он взорвался: «Сир, что-то нужно делать! Каждый эльф на этой вершине знает, что случилось, и все ждут, что мы нанесем удар во имя правосудия и во имя чести!»

Он говорил как Кериан. Гилтас почувствовал, как огромная усталость наваливается на его конечности. Со всем терпением, какого только смог набраться, он сказал: «Все, чего мы добьемся, еще больше смертей. Найди другой вариант».

Лейтенанты Хамарамиса откровенно кипели от возмущения, но сохраняли молчание.

«Великий Беседующий, наша ситуация стала еще ужаснее. Если мы не пробьем себе путь от этого пика, мы никогда не уйдем отсюда живыми».

Это было абсолютной правдой. По существу, сейчас они были слабее, чем когда взобрались на Сломанный Зуб, и больше не могли оставаться в безопасности бездействия.

Кочевники демонстрировали необычную стойкость, держась вне досягаемости и одновременно оставаясь достаточно близко, чтобы угрожать любым силам, что осмелятся спуститься в пустыню. Захват Малого Клыка придал кхурцам новой уверенности и ослабил решимость многих эльфов.

Гилтасу было бы гораздо проще спуститься с воинами с пика, крича: «Давайте умрем, сражаясь!». И так в точности и будет: солдаты умрут в бою, а оставленные позади гражданские погибнут от жары и жажды. Таким образом, закончит существование самая древняя раса в целом мире. Пламя Кит-Канана Сильваноса погаснет.

Глядя на заволоченный дымкой простор кхурской пустыни, Гилтас сжал кулаки. Его лицо застыло от гнева, а выбеленные солнцем брови сурово сдвинулись. Он не позволит этому случиться! Его народ не умрет здесь, по крайней мере, пока он дышит.

Он отвернулся от обрыва. — «Генерал, всегда есть другой путь», — резко сказал он. — «Умереть от голода или погибнуть в бою — не единственные варианты. Найдите мне другой!»

Его приказ наткнулся лишь на пустые взгляды. Он вздернул подбородок. Несмотря на поношенную одежду и спутанные немытые волосы, Гилтас Следопыт внезапно оказался Беседующим до кончиков пальцев.

«Пустите весть», — сказал он, используя терминологию королевского декрета. — «Беседующий с Солнцем и Звездами пройдет среди своих подданных и задаст один вопрос: Как нашей нации убраться с этой скалы?»

Воины были настроены скептически, но отсалютовали своему суверену и поспешили выполнить его приказ.

Когда закат омыл безоблачное небо своим обычным пурпурным и золотым блеском, Гилтас надел лучший из оставшихся нарядов — не кхурский *геб*, а шелковое платье цвета лесной зелени с узкой желтой тесьмой на шее и запястьях — и придал себе настолько представительный вид, насколько могли позволить расческа и сухая тряпка. Со своими советниками и высокопоставленными воинами по пятам, он отправился говорить со своим народом. Останавливаться у каждой палатки и спального мешка на Сломанном Зубе было бы не практично. Вместо этого, он собирался посетить усеявшие плато общие костры.

Он быстро выяснил, что преобладали мирные настроения. Даже жестоко клейменые Вейя-Лу эльфы отчаянно желали мира.

«Мы обретем его», — поклялся Гилтас, — «в Инас-Вакенти. Проблема в том, как выжить, чтобы добраться туда».

Простые эльфы имели лишь смутные представления о своих врагах. Они видели в кочевниках мародеров, грохочущих с поднятыми мечами на конях по слепящим пескам. Политика Кхура, религия пустынных племен и вмешательство мага-ренегата Фитеруса не были общеизвестными. Многие эльфы, когда их король спрашивал, как лучше спасти нацию, говорили: «Великий Беседующий, не могли бы мы поговорить с этими людьми?». Хан Кхура пять лет позволял эльфам жить у стен его столицы в обмен на сталь и торговые товары. Несомненно, всемирно известные своим красноречием эльфийские дипломаты могли бы договориться о проходе в эту долину.

Это была идея, которую Гилтас обещал рассмотреть. Никто не пытался поговорить с кочевниками с момента отбытия из Кхуриноста. Кхурская ярость была такой неистовой и такой необъяснимой, что никто со стороны эльфов не рассматривал возможность поговорить с ними. Возможно, настало время изменить это.

Некоторые эльфы не проявляли интереса к переговорам. Они хотели одолеть кхурцев в бою. В противном случае, говорили они, жертва всех тех, кто до сих пор умер, была бы напрасной. Кочевники показали себя вероломными, неразумными и невероятно жестокими. Никто не стал бы говорить с такими врагами.

Около полуночи, когда многие из его свиты сдались от усталости, Гилтас все еще переходил от костра к костру, продолжая слушать. Когда он проходил мимо палатки знатного сильванестийца по имени Йесиланас, его охватил приступ кашля. Йесиланас и его жена Керимар пригласили Гилтаса внутрь. Кашель не унимался, и когда с губ Беседующего закапала кровь, двое сильванестийцев позвали его эскорт.

Планчет ворвался внутрь и обнаружил Беседующего осевшим на землю. Его худое тело сотрясалось от спазмов кашля, а лицо смертельно побледнело. Планчет опустился на колени и положил голову короля на свое колено. Как раз, когда Керимар предлагала немного оставшегося у них вина, прибыл генерал Хамарамис. Генерал попросил чего-нибудь покрепче. Йесиланас протянул ему пузырек с прозрачной жидкостью. Глаза Хамарамиса расширились, когда тот прочел ярлык, но он открыл пузырек и передал Планчету.

«Сир, выпейте», — велел Планчет.

Гилтас послушался, и настала его очередь удивляться. В пузырьке оказалась Драконья Роса, дистиллированная жидкость, используемая в основном в медицине. Она была такой крепкой, что у Гилтаса на мгновение полностью перехватило дыхание, достаточно для того, чтобы прервать цикл кашля. Планчет собирался, было, опустить его на расстеленные поверх каменистой земли коврики, но Гилтас сказал: «нет». Ему было легче дышать так, сидя прислонившись к колену своего друга.

«Ты болен», — укоризненно произнес Планчет.

«Всего лишь кашель».

Пятна крови на его платье опровергали этот комментарий, как и окровавленный льняной носовой платок Керимар, который Гилтас все еще сжимал в руке.

«Сир, это не просто кашель!» — сказал Хамарамис. — «Скажите мне, это чахотка?»

Гилтас кивнул, но настаивал, что у него все под контролем. Хамарамис со всем уважением выслушал его, а затем спросил насчет целителя, чтобы осмотреть Беседующего. Йесиланас сказал, что самым опытным из имеющихся целителей был сильванестиец Трусанар. Генерал вышел, чтобы отправить воинов найти Трусанара.

Планчет осторожно вытер кровь с губ своего суверена. — «Планчет, я должен продолжить», — прошептал Гилтас.

«Нет, сир».

Его тон и крепкая хватка на плече Гилтаса не допускали возражений. Гилтас слабо улыбнулся. — «Мятеж».

«Да, сир».

Гилтаса охватил озноб. Его зубы стучали, и холодный пот бисером выступил на лбу. Планчет положил его на древние ковры, устилавшие пол маленькой палатки, и натянул коврик потоньше поверх его дрожащего тела. Эти ковры когда-то украшали залы поместья Йесиланаса в Сильваносте. Четырехсотлетние, они были работой мастера и стоили целого состояния. Гилтас прокомментировал это, и Йесиланас пожал плечами.

«Сир, здесь ковер — это просто ковер», — сказал он. — «И лучше спать на ковре, чем на камнях».

Вскоре у Гилтаса начался бред, он то терял сознание, то приходил в себя. Он бормотал,

нес бессмыслицу Планчету, беседовал с давно умершими друзьями, и неоднократно произносил имя своей жены, с безнадежной и грустной интонацией.

Планчет выражал недовольство задержкой, спрашивая Хамарамиса, почему так долго ищут целителя. Сломанный Зуб был не такой уж большой зоной поиска.

Как бы в ответ, снаружи палатки послышались торопливые шаги, но облегчение находившихся внутри было недолгим. Вернулись лишь воины Хамарамиса.

«Генерал, мы принесли странные новости», — задыхаясь, сказал один из них. — «Нам сдался кочевник, заявляющий, что он родственник предводителя всех племен!»

Не желая потревожить беспокойный сон Беседующего, Хамарамис говорил шепотом, но в каждом его слоге клокотала ярость: «Дураки, где целитель? Лучше бы ему следовать за вами по пятам, а иначе, клянусь Хаосом, я сам побросаю многих из вас с этой проклятой горы!»

Второй солдат заверил его, что их товарищи вели целителя. — «Но, милорд, этот человек, он настаивает, что может увести нас с горы, минуя кочевников!»

На маленькую палатку опустилась тишина. Гилтас дернул Планчета за руку, и камердинер помог ему сесть. — «Как зовут этого человека?» — проскрежетал он.

«Вапа, Великий Беседующий».

«Сир, это уловка. Они хотят выманить нас со стратегической высоты».

«Генерал, кочевники не настолько коварны. Я поговорю с этим кочевником».

Пришли еще два солдата, приведя сильванестийского целителя, Трусанара. — «Кто послал за мной солдат? Я лечил жертв клеймения!» — пожаловался пожилой сильванестиец.

Гилтас прочистил горло. — «Прошу прощения, добрый целитель. Не я отдавал приказ, хотя я тот пациент, которого вас привели осмотреть».

Трусанар поклонился и немедленно приступил к обследованию. Он изучил глаза и рот Беседующего, послушал грудь и приложил ко лбу Гилтаса маслянистые листья митра. Подсчитав время, за которое листья высохли и отвалились, Трусанар мог определить температуру своего пациента. Диагноз не занял много времени.

«Несомненно, чахотка. Усугубленная истощением, лишениями и, осмелюсь сказать, душевной болью. Сир, у вас большой жар, но пока что ваши легкие не слишком сильно поражены. Через месяц, если ничего не изменится, станет намного хуже».

«Не волнуйтесь, мастер Трусанар. Через месяц мы все окажемся в лучшем месте».

Хамарамис опасался, что Беседующий имел в виду, что они все будут мертвы, но Планчет лучше знал своего сеньора. Он не удивился, когда Гилтас добавил: «Приведите мне этого человека, Вапу. Его помощь может оказаться границей между жизнью и вымиранием всего нашего народа».

* * *

Фаваронас сидел на корточках на западном берегу широкой мелкой речки, которую знал как Река Львицы, погрузив руку в воду. В другой руке он держал пучок дикой полевой горчицы. Зелень была горькой, но голод был хуже. Если он собирался пересечь населенную призраками долину, ему нужны были все силы.

Библиотекарь по образованию, Фаваронас сопровождал разведывательную экспедицию Львицы в таинственную Долину Голубых Песков, надеявшуюся найти новый дом для

эльфийской нации. Хотя долина и в самом деле обладала умеренным климатом и была зеленой, они быстро обнаружили, что все не так уж хорошо. Это место, известное по эльфийским хроникам как Инас-Вакенти, Долина Молчания, было напрочь лишено животного мира, даже насекомых. Единственными его обитателями были массивные каменные развалины и странные светящиеся сферы, бродившие по долине ночью, чье прикосновение вызывало исчезновение воинов. Под развалинами они нашли сеть фантастически расписанных туннелей и комнат.

После того, как у Львицы было видение подкрадывавшейся к ее мужу опасности, она убыла в Кхуриност на своем грифоне, оставив остальных солдат следовать за ней на лошадях. Прежде чем покинуть долину, Фаваронас сделал поразительное открытие: найденные им в туннелях под долиной странные каменные цилиндры на самом деле являлись свитками. Беглый взгляд на содержавшееся в них знание убедил его, что гигантская сила лежит нетронутой в долине, сила, неведомая миру со времен Века Света. Если он сможет научиться использовать ее, то сможет спасти свой народ и победить тех, кто оккупировал их родные земли. При первой возможности, он ускользнул от воинов и вернулся в Инас-Вакенти.

Многие бесплодные месяцы он жил в долине, узнав разочаровывающе мало. Призрачных огней, таких многочисленных, пока присутствовала леди Кериансерай со своими воинами, внезапно нигде не стало видно. Вход в подземные комнаты был потерян. Фаваронас был уверен в его месторасположении, у основания перевернутого валуна песчаника, но хотя огромный камень был на месте, ничто не указывало на отверстие, кроме неглубокой ямы. Он пробовал копать, но нашел лишь окрашенную в голубой цвет почву, давшую имя долине.

Его усилия составить карту протяженных каменных развалин также были бесплодными. Развалины были безумно хаотичными. Вблизи, последовательность стен, колонн и монолитов имела кажущийся смысл, но, рассматриваемая как целое, ничего не давала. Не было следов меньших строений между циклопическими камнями. Если они являлись остатками города, то у этого города не просматривалось плана. Все выглядело гигантской церемониальной стройплощадкой, строительство на которой началось, но так и не было закончено.

Как раз прошлой ночью, когда Фаваронас начал опасаться, что променял свою старую жизнь на недостижимую мечту, он сделал открытие. Пока он бездельничал у реки, используя маленькие голыши, чтобы смоделировать некоторые из каменных развалин, которые в тот день нанес на карту, он внезапно понял, что эти развалины были совсем не развалинами. Эти монолиты не были остатками более крупных строений. Все они, взятые вместе, были неким кодом или символом. Проблема была не в том, чтобы узнать, чем они были, а в том, что они должны были олицетворять. Единственным способом сделать это, было увидеть целое, а не разрозненные части. Ему было нужно взглянуть орлиным взглядом на это поле камней.

Восточные горы были единственной доступной высокой точкой. На западе пики вздымались от дна долины отвесно, точно стены запретной крепости. Склоны восточных гор были более пологими. Хотя, добраться туда, представляло собой серьезную задачу. Ему пришлось бы покинуть относительную безопасность Реки Львицы. Ночные призраки и блуждающие огоньки никогда не заходили за реку, так что Фаваронас каждый вечер не забывал вернуться на ее западный берег. Чтобы добраться до восточных гор, ему придется несколько дней идти пешком, пересекая самую широкую часть долины.

С большим трепетом, он решился на это. У него был небольшой выбор. Его привычка оставаться в дне ходьбы от реки означала, что он постепенно лишал близлежащие земли и без того скудного запаса еды. Если Фаваронас намеревался раскрыть тайну Инас-Вакенти прежде, чем начнет голодать, ему нужно было забыть про безопасность и отправляться к восточным горам.

Он ел сырую полевую горчицу и размышлял, как нести воду, которая понадобится ему в его путешествии. Был прохладный день, яркое голубое небо делили белые облачные гряды. Пока Фаваронас наблюдал, как облака величаво плывут с востока на запад, он почувствовал поблизости какие-то перемены. Он так много времени провел в одиночестве, что стал очень чувствительным к малейшему движению. Опустив взгляд, Фаваронас увидел, что кто-то стоит на восточном берегу реки. Он так резко отпрянул, что упал на спину.

Утреннее солнце искрилось позади обернутой с головы до пят в слои пыльной темной ткани фигуры. Мантия была такой безразмерной, что полностью скрывала незнакомца, и тот мог в равной степени быть эльфом, человеком или драконидом.

«Кто ты?» — воскликнул Фаваронас.

Он так долго не разговаривал, что его собственный голос казался ему странным. Когда он только пришел в долину, Фаваронас разговаривал сам с собой, больше за компанию, но вскоре перестал. Каким-то образом казалось неправильным нарушать это безмолвие.

Незнакомец в мантии не ответил. Вместо этого, он начал двигаться, скользя по воде. Его ноги в сандалиях касались поверхности реки, но не проваливались. Фаваронас завопил. Прежде чем смог вскочить на ноги и убежать, незнакомец оказался прямо перед ним.

«Поднимись и посмотри на меня, Фаваронас». — Голос незнакомца был низким, с умышленной модуляцией.

«Кто ты?»

«Искатель знания, как и ты. Служи мне, и я защищу тебя. Мне нужен кто-то, знающий эти развалины».

Честность заставила Фаваронаса отказаться от такой оценки, так как он не отваживался удаляться от реки дальше, чем на день ходьбы.

Фигура в мантии спросила, чего он боялся. Это был тот толчок, в котором нуждался отчаянно одинокий ученый. Он рассказал о привидении, которое видел в туннеле под монолитами, цветных огоньках, чье прикосновение заставляло эльфов исчезнуть, и самое странное из всего, о своей встрече у входа в долину с четырьмя женщинами, полуэльфами-полуживотными.

Незнакомец крикнул: «Это как раз то знание, которое мне нужно!» — Он вытащил руки оттуда, где они были спрятаны в широких рукавах, и взволнованно зажестикулировал. — «Фаваронас, я — маг. Под моим покровительством ты можешь рискнуть удалиться от укрытия этой реки. Я защищу нас обоих».

Судя по форме и размеру бледных рук, Фаваронас был уверен, что перед ним эльф. Набравшись смелости, он спросил имя незнакомца.

«Фитерус».

Это имя было знакомым. Фаваронас был уверен, что слышал его в Кхуриносте. — «Тебя прислал Беседующий?» — спросил он.

Внутри глубокого капюшона раздался лишенный веселости смешок. — «Я здесь ни по чьей воле, кроме собственной».

Фаваронас был обеспокоен. Уверенность незнакомого эльфа была обнадеживающей, но

было в нем что-то отталкивающее, и дело не только в его бесформенной неряшливой одежде. Было тревожно осознавать, что он слышал об этом маге в Кхуриносте, и этот парень не был одним из советников Беседующего. Опытные маги были в большом дефиците, и эльфийский народ нуждался в каждом источнике силы, который мог получить. Указы Беседующего не дозволяли странствующим магам открыто практиковать свое искусство. В мире было лишь несколько эльфов, не признававших власть Беседующего. Что за личностью был Фитерус?

«Следуй за мной, Фаваронас! Ты получишь ответы на все роящиеся у тебя в голове вопросы».

«А если я откажусь?»

«Тогда я предоставлю тебя твоей собственной судьбе. Загадки этой долины погубят тебя, и ты даже не узнаешь, почему!»

Фаваронас еще с минуту поразмыслил, но, в самом деле, какой у него был выбор? С компаньоном было бы безопаснее, чем в одиночку. — «Я пойду с тобой. Не как твой слуга или подданный, а как коллега».

Его смелое заявление не произвело впечатления. Внимание Фитеруса было отвлечено движением в кустах дальше по западному берегу реки. Хотя и слабый, этот шум не мог остаться незамеченным. В Инас-Вакенти не было пения птиц, стрекотания белок или жужжания насекомых, но что-то двигалось.

Что бы это ни было, оно явно расстроило мага, возможно, даже напугало. Его надменные манеры исчезли, сменившись спешкой.

«Да, да. Коллеги. Теперь давай уйдем!»

Фаваронас не собирался торопиться. У него не было особо имущества, но он бы не оставил то немногое, чем владел, и в первую очередь, каменные свитки.

«Ладно», — сказал Фитерус. — «Собери свои пожитки. Отправляйся к восточным горам. Я присоединюсь к тебе позже».

«Позже? Но я не…»

Шорох в кустах стал громче, и притворное спокойствие оставило мага. — «Помни о нашем соглашении!» — Приказал он, а затем исчез. Одно мгновение он был здесь, в бесформенных лохмотьях, в следующее его уже не было. Под взглядом Фаваронаса даже следы, оставленные ногами мага на голубой почве, поднялись и разгладились.

Суета в кустах не беспокоила Фаваронаса. Призраки долины выходили только по ночам, и они никогда не перебирались на эту сторону реки. Кочевники вообще никогда не заходили в долину, так как в их религии она была табу. Если здесь кто и был, это могло лишь означать, что Беседующий направил еще одну экспедицию, возможно, чтобы найти своего любимого библиотекаря?

Он повернулся, чтобы вернуться к своему лагерю, и вскрикнул от удивления.

В нескольких метрах от него у кустов стоял эльф.

«Кто ты?» — Фаваронас был напуган, но также был и рассержен. Недели абсолютного одиночества, и двое незнакомцев, появившиеся один за другим в течение нескольких минут!

Этот парень не был членом королевской стражи. Он был кагонестийцем, но одевался, скорее, как человек. Избегая привычных бахромчатых оленьих шкур и украшений из бирюзы, он носил кожаную куртку, узкие замшевые штаны и парусиновые ботинки по лодыжки. Короткие волосы под коричневой кожаной кепкой охотника обрамляли лицо, лишенное раскраски или татуировок. У него на носу сидели очки в тонкой оправе с ярко-желтыми

линзами.

«Мир», — сказал он. — «Меня зовут Робин. Я не причиню тебе вреда».

«Зачем ты здесь?»

«Я — охотник».

Фаваронас нахмурился. — «В этой долине нет дичи».

Робин снял свои странные очки и осторожно убрал их в карман куртки. — «О, нет, есть», — довольно радостно ответил он. — «Ты как раз говорил с ней».

14

Портиос сидел рядом с Эльханой, не сводя глаз с ее лица. Она лежала на спине, руки были сложены на талии, голова слегка повернута вправо, к нему. Из одной ноздри появилась маленькая капелька крови, выделяясь на ее перламутровой коже, точно чернила на снегу. Он осторожно вытер ее кончиком пальца в перчатке.

Они были наедине вдвоем, ну, или, почти наедине. После часа сидения строго выпрямившись рядом с Эльханой, Чатендор, наконец, покинул свой пост и отполз на несколько метров, чтобы поспать. Оставшаяся колонна укрылась в лесу. Ни единый звук или огонек не выдавал их местонахождение, но часть разума Портиоса знала, что они были здесь. Большая часть знала лишь Эльхану и гнев.

Эльхана не заслуживала подобной судьбы. В самые мрачные дни своего выздоровления Портиос строил картину последних мгновений своей жены. Эти грезы позволяли ему цепляться за обрывки рассудка, пока исцелялось его тело. Они не были сопряжены с их воссоединением. Ни единой мысли об этом не возникало в его голове с того момента, как он осознал масштабы своего увечья. Он никогда бы не обременил своим омерзительным существованием кого-либо столь прекрасного, столь чистого и светлого. Вместо этого, его грезы были о том дне, много десятилетий спустя, когда Эльхана оказалась бы на смертном одре. Ей доставили бы маленькую золотую шкатулку. В ней было бы его кольцо и короткий свиток, объясняющий причины, почему он держался в стороне. Она прочла бы свиток и, наконец, узнала бы всю глубину его любви. Она бы уронила слезу о его непреклонной чести и самопожертвовании, а затем, спокойно и безболезненно, жизнь оставила бы Эльхану Звездный Ветер.

Подобной смерти, омываемой зловонием Налис Арен, с храпящим по соседству пожилым слугой, не было в его грезах. Портиос многое вынес. Знание, что Эльхана жива, хотя и разлучена с ним навсегда, давало ему силу терпеть. Но если ему придется смотреть, как она умирает…

Она не умрет. В сторону грезы и романтику, ей просто еще слишком многое нужно сделать. Слишком многое было на кону, и слишком многое осталось несказанным.

Портиос взял ее за руку. — «Как мне тебя спасти?» — прошептал он. Ее пальцы в его руке были вялыми.

Боль спасла его от смерти. Агония от ожогов и сломанных костей так яростно бушевала в нем, что он не слышал тихие зовы смерти. Он по-прежнему боролся с болью с каждым пробуждением. Эта бесконечная война сделала его сильным.

Он понял, что изо всех сил сжимает ей руку. Но, вместо того, чтобы ослабить хватку, он усилил нажим, давя ее пальцы между своими. Если бы она просто спала, она бы проснулась и вскрикнула. Неожиданно он поднял свободную руку и ударил ее по лицу. Ее голова отвернулась от него.

«Ты этого не чувствуешь?» — сказал он, повышая голос.

Вопреки ситуации, стыд скрутил ему живот. За всю их долгую совместную жизнь он никогда не поднимал на нее руку. Он почувствовал, как желчь подступает к горлу, но снова ударил ее. Реакции не последовало.

Его глаза пылали. С момента своего увечья, он не мог плакать слезами. Горе струилось из его глаз.

Звук шагов заставил его поднять голову. Чатендор по-прежнему спал, и Портиос сперва решил, что это Кериан явилась без приглашения, но шаги приближались с дороги, не из леса. Он не побеспокоился встать. Смаргивая влагу из глаз, он просто ждал.

Ночь у Озера Смерти не слишком отличалась от дня. Было темнее, хотя и не особо, и, возможно, вонь была слабее. За берега озера цеплялся туман, создавая иллюзию черного котелка, обрамленного снегом.

При слабом свете звезд появилась фигура. Это был человек, тучный старик с торчащими во все стороны короткими белыми волосами. Он опирался на терновый посох, и на нем была поношенная ряса жреца. Портиос сразу же узнал своего лесного наставника.

Старый жрец произнес: «Приветствую, мой друг без лица».

Портиос не ответил. Старик шаркающей походкой подошел ближе. — «Ты горюешь. Я довольно далеко почувствовал твою скорбь».

«Чего ты хочешь?» — Голос Портиоса был придушенный и сухой.

«Того, чего я всегда хочу — предложить свою поддержку».

Дыхание Эльханы на мгновение прервалось, и Портиос почувствовал, как его сердце пропустило удар. — «Поддержку? Если бы ты действительно хотел поддержать мой народ, ты бы исправил сотворенную с ним несправедливость».

Жрец приблизился. Он остановился в нескольких шагах от ног Эльханы. — «Ее я долгое время знал. Она знала так много великих смертных, даже не достигая величия сама». — Портиос уставился на него, но старик рассеянно продолжал. — «Прямое вмешательство редко хорошо срабатывает. Поверь тому, что я тебе говорю, мой раненый друг. Пытались и прежде, и последствия неизбежно были хуже, чем исходная проблема».

«К черту твои последствия! Помоги ей!»

«Ты любишь ее. Тем не менее, ты заставил ее верить все эти годы, что ты мертв». — Старый жрец покачал головой. — «Странная у тебя гордость».

«Я сделал, что ты просил», — проскрежетал Портиос. — «Я поднял восстание с горсткой сторонников против врага, под чьим командованием тысячи. Мы добились замечательных результатов. Теперь Эльхана должна умереть, чтобы революция продолжилась?»

Глаза на дружелюбном лице с двойным подбородком искрились странным внутренним светом. — «А если я скажу, да?»

«Тогда я умру вместе с ней».

«Ты должен спасти свой народ».

«Кериансерай может возглавить восстание, или Самар, или Наларин».

«Никто кроме тебя не сможет этого сделать».

«Тогда исцели ее!» — Прошипел Портиос, быстро поднимаясь. — «Ты — бог, не так ли? Это в твоей власти. Исцели ее, или, клянусь, я умру этой ночью вместе с ней!»

Тело жреца заколыхалось и растаяло, как дым. Одно мгновение он был здесь; в следующее, его уже не было. Портиос подкрался к тому месту, где был старик. Он открыл рот, готовый прокричать небу угрозы и обвинения, но голос жреца остановил его.

«Думай, что говоришь, мой гордый друг». — Он вернулся, стоя у головы Эльханы, точно на том месте, где раньше находился Портиос. — «Не только наши уши слушают, и некоторые не одобряют мое вмешательство». — Портиос выдавил едкий саркастический смешок, и старик добавил, — «Да, можешь представить, никто не одобряет. Отсюда и внешность, и одежда, за которой я вынужден скрываться».

«Я имел в виду то, что сказал. Выбор за тобой».

«Ты бы пожертвовал всей своей расой ради одной этой женщины?» — Портиос сложил руки на тощей груди. Старик вздохнул. — «Ладно. Но после сегодняшней ночи ты какое-то время меня не увидишь снова. У меня слишком много железа в топке». — Жрец перекинул из руки в руку терновый посох.

«Постарайся отдавать должное моей утонченности, ладно?» — Произнес он с определенной грустью в голосе. — «Даже когда не можешь понять ее».

Он повернулся и двинулся обратно по дороге.

«И это все?» — недоверчиво крикнул Портиос.

Старый жрец обернулся, в его глазах снова замерцал странный свет. — «Чего ты еще хотел?»

Он исчез.

Эльхана застонала. Портиос упал на колени. — «Эльхана! Эльхана, ты меня слышишь?» — закричал он.

«Тебя услышат и в Шэлси», — проворчала она, закрывая уши обеими руками.

Портиос улыбнулся. Этого никто не мог увидеть, и непривычное движение причиняло боль поврежденной коже его лица, и все же, он улыбнулся. Он понятия не имел, какую цену может потребовать бог за жизнь Эльханы. В данный момент его это не волновало.

Ломая кустарник, появилась Львица с дюжиной стражников. За ними, не отставая, хромал Самар.

«Что случилось?» — Крикнула Кериан, размахивая мечом. — «Мы слышали, как ты кричал!»

Портиос невозмутимо посмотрел на нее. — «Я просто беседовал с Великой Госпожой».

Они посмотрели на него, как на сумасшедшего. Эльхана села. Послышали изумленные возгласы, и Кериан крикнула: «Эльхана, ты меня слышишь?»

«Почему все задают этот вопрос?» — Сварливо спросила она. — «Моя голова чувствует себя, словно может треснуть пополам, но с моими ушами все в порядке».

«Ты помнишь, что произошло?» — спросила Кериан.

«Стрела попала в мою лошадь. Я упала?»

«Тетя, ты умирала!»

«Похоже, ее голова крепче, чем мы считали», — заметил Портиос.

Кериан опустилась на колено и осторожно ощупала затылок Эльханы. Она не обнаружила крови, но Эльхана резко вздрогнула, когда Кериан коснулась раны. Больше не угрожая жизни, та все еще была чрезвычайно болезненной. По тому, как Эльхана держала левую руку, было очевидно, что у нее было множество других ушибов от падения.

Все уставились на Портиоса, гадая, что последует за столь ошеломительным развитием событий. Эльхана открыла, было, рот, чтобы задать вопросы, но поняла, что сейчас не время и не место. Вместо этого, она позволила Самару помочь ей встать, и двое раненых эльфов оперлись друг о друга.

«Мы слишком долго засиделись здесь», — сказал Портиос. — «Бандиты вернутся, и, на этот раз, с надежными солдатами. Мы должны до утра поднять все на Березовую Тропу».

Кериан почесала коротко постриженные волосы. Она вся измучилась, пока лежала без сна, ожидая сообщения о смерти Эльханы от раны. Вместо этого, Эльхана была цела и, хотя и нетвердо, стояла. Как Портиос сотворил подобное чудо? Несомненно, он был умен и бесстрашен. Может, у него еще был и магический дар?

«Чего ты ждешь?» — раздраженно спросил Портиос.

«Вдохновения», — ее ответ был столь же раздражительным.

Она оставила добровольцев Бианоста и кагонестийцев подниматься. Самар с Эльханой, по-прежнему опираясь друг на друга, отправились выставить стражу. Конные сильванестийцы замыкали остановившийся караван, оставив лишь полдюжины всадников наблюдать за подъемом эльфов. Вдалеке по дороге было видно слабое красноватое свечение, как от многочисленных костров.

Двое пленных людей были обузой, которую эльфы с трудом могли себе позволить во время предстоящего подъема. Викула и его раненого товарища связали и вставили кляпы, оттащили на несколько сот метров и крепко привязали к двум разным деревьям.

Согласно раннему приказанию Кериан, остававшиеся на дороге повозки разгрузили. Их дерево пустили на самодельные носилки, а оставшиеся обломки столкнули вниз по склону, чтобы спрятать как можно лучше. Их содержимое разделили и взвалили эльфам на спины. Все несли свою часть, даже пожилой Чатендор. Лишь Портиос и раненые в носилках остались без ноши. Факела запретили. Эльфам пришлось полагаться на свое легендарное ночное зрение, чтобы выполнить задачу и совершить подъем. В непроглядной ночи Налис Арен ни один хотел бы, чтобы их зрение было таким сверхъестественным, как полагали другие расы.

С конными гвардейцами Эльханы было хуже. Их кони просто не могли совершить подъем. После череды падений, Портиос уступил невозмутимой настойчивости Эльханы, что боевые кони были слишком полезны, чтобы оставлять их вместе с тягловым скотом. Он приказал небольшому отряду всадников увести коней и найти более безопасный путь наверх. Оставшиеся спешившиеся бойцы остались с Эльханой.

Эльхана совершила подъем в носилках из древков копий и одеял, которые вверх по холму несли четверо сильных воинов. Она не особо твердо держалась на ногах, и ей пришлось согласиться, что она может лишь замедлить их, если попробует подняться самостоятельно.

Портиос шел впереди. Всю ночь эльфы совершали подъем, узкие линии согнувшихся тел, ползущие вверх по холму. Груженые тюками с оружием и тянущие носилки с ранеными эльфами, они продвигались медленно. К тому времени, когда рассвет бросил свой жалкий свет на склон холма, самые нижние были лишь в нескольких метрах от Дороги Сильверана.

Кериан переводила дух у валуна, когда снизу пришла весть. На востоке на дороге заметили движение. Пока Наларин держал ее за руку, действуя как противовес, она далеко отклонилась от склона холма и взглянула. Солнце еще не поднялось, но было достаточно света, чтобы она увидела движущуюся по Дороге Сильверана темную массу. Она без труда идентифицировала плотные шеренги солдат-людей, облаченных в полированные доспехи. Орда бандитов приближалась. От нескольких оставленных Самаром охранять дорогу воинов не было и следа. Должно быть, их перебили.

Она кивнула, и Наларин втянул ее обратно. — «Шире шаг! Бандиты приближаются!» — крикнула она вверх и вниз по склону.

Они вдвоем возобновили подъем и добрались до Березовой Тропы как раз вовремя, чтобы увидеть, как солнце пробивается сквозь частокол мертвых деревьев, окружавший широкий кратер. Здесь было около трети эльфов, включая Эльхану, Самара и Чатендора. Остальные были рассеяны по склону высокого холма, на виду у врага. Кериан спросила, где Орексас.

«Никто не знает», — пожаловалась Эльхана. Она сидела на земле с жалким и болезненным видом. Черное облако ее волос подчеркивало бледность, а льняная повязка на голове постоянно сползала на левый глаз, придавая ей отчетливо пиратский вид.

«У твоих гвардейцев есть луки?» — спросила Кериан.

«Конечно», — ответил Самар. Он понял ее замысел. Он неуклюже из-за ранения двинулся вдоль гвардейцев, приказывая им натянуть тетивы и занять позиции над Дорогой Сильверана. Чуть меньше сотни выстроили плечом к плечу, наложив стрелы.

Широкая колонная солдат бандитов становилась ближе и ближе, пока сама земля не задрожала от стука каблуков их сапог. Они заполнили дорогу от края до края, порядка двух-трех тысяч. На каждом был кованый нагрудник и полированный шлем с вертикальным гребнем. Каждый нес щит и длинную пику на плече. Кучерявые бороды под шлемами напоминали экзотическую листву. Кериан никогда не могла понять, как люди-мужчины могли носить все эти волосы на лице.

Она легла на живот и изучала врага. Во главе колонные ехали четверо офицеров. Капитаны и младшие офицеры ступали по флангам. Кериан не узнавала свисавшее над ними зеленое знамя. Гатан Грейден не должен был возглавлять отряд. И еще, никто из бандитов не заметил замерших на склоне холма эльфов.

«Спокойно. Может, они пройдут», — сказала она лучникам, хотя не особо верила в это.

Эльфы постарались убрать внизу все следы своего присутствия. К сожалению, им просто не хватило времени убрать все обломки повозок и неровные следы. Ехавший впереди всадник увидел достаточно, чтобы остановить колонну. Кериан тихо, но витиевато выругалась по-кагонестийски.

Голос прокричал неразборчивый приказ, и передовой отряд с грохотом двинулся вперед, чтобы исследовать. Солдаты приближались, опустив пики, их внимание было сфокусировано на дальней стороне дороги, на спуске к озеру.

Кериан едва не рассмеялась от облегчения. Они смотрели не в том направлении!

Пока силы бандитов явно находились в замешательстве, некоторые из находившихся на склоне холма эльфов неблагоразумно возобновили подъем. Прошло не так много времени, прежде чем связка мечей, неудачно висевшая у кого-то за спиной, звякнула о выступ скалы. Конные офицеры обернулись посмотреть. Послышались крики. Эльфов заметили.

«Приготовиться», — сказала Кериан, поднимаясь на колени.

Четыре остававшихся на дороге отряда развернулись налево и двинулись вперед. Кериан подпустила их ближе. Пикинеры натыкались друг на друга, начиная трудный подъем. Видя, как они барахтаются, Кериан отдала приказ: «Сейчас! Огонь!»

Стрелы обрушились на плотные шеренги бандитов. В прямую противоположность засаде, в которую попали эльфы, теперь превосходство было на их стороне, а солдатам наемников приходилось туго. Некоторые из их, подгоняемые офицерами, нарушили строй и попытались выбраться из суматохи, чтобы получить возможность подниматься дальше, но сыпавшийся сверху смертоносный град был слишком сильным. Несмотря на яростный рев своих командиров, бандиты отступили. Опустив пики, они сомкнули щиты, чтобы укрыться от стрел.

Кериан надеялась, что они могут полностью ретироваться, но их офицеры упорно держались за дорогу. Послышались приказы, и шеренги разделились. Вперед выдвинулся легковооруженный отряд лучников. Судя по длинным волосам и темным лицам, их наняли на одном из островов Кровавого Моря, возможно, Саифхуме.

«Цельтесь в лучников», — сказала Кериан, но сильванестийцы вокруг нее уже переключались на новую цель.

С двухметровыми тисовыми древками, эти лучники могли посылать снаряды прямо на Березовую Тропу, но большая ее часть была вне их поля зрения, скрытая валунами, перекрученными кустами и уродливыми деревьями. Продолжавшие подниматься эльфы были не так удачливы. В воздухе прошуршали длинные стрелы, и эльфы начали падать. Тюки, которые они несли, разрывались при падении, и на Дорогу Сильверана посыпались мечи, кинжалы и части доспехов. Солдаты людей каждый раз одобрительно кричали, когда опрокидывался очередной эльф.

Сильванестийские лучники делали все, что могли. Пользуясь преимуществом высоты, их короткие луки разили людей на земле стрелами с широкими длинными наконечниками.

«Продолжайте двигаться! Поднимайтесь! Не останавливайтесь!» — Крикнула Кериан, маша поднимавшимся. Она сжимала кулаки, в ярости от невозможности помочь, пока эльф за эльфом падали и катились с холма. Внезапное бесшумное появление сбоку от нее Портиоса заставило вздрогнуть от удивления.

Он со своей обычной отстраненностью понаблюдал за ходом боя, а затем заявил: «Нам нужен перевес».

«Блестящее наблюдение. Если у тебя где-то укрыты еще лучники, была бы счастлива применить их!»

«Нет, не стрелы. Что-то крупнее».

Он осмотрел местность. Повсюду были выброшенные взрывом и дождем осыпавшиеся на землю обломки Квалиноста. Особенно большой клиновидный кусок камня стоял на краю Березовой Тропы. Портиос указал на него.

«Вот тот. Опрокинем его».

Кериан была потрясена. Этот кусок на взгляд весил три-четыре тонны. Несомненно, в минувшем прошлом эльфийские маги в мгновение ока сдвинули бы его. К сожалению, в пределах видимости магов не наблюдалось. Игнорируя его саркастический комментарий, Портиос двинулся прочь и позвал всех свободных эльфов собраться у камня.

В качестве рычагов под него сунули копья и древки пик, но большинство эльфов просто взялись за обломок голыми руками. Самар, несмотря на свое ранение, тоже присоединился. Так же как и Гитантас. Стрелки продолжали обстреливать находившихся внизу лучников неприятеля, но их запас стрел подходил к концу. Как только у кого они заканчивались, он присоединялся к всеобщим усилиям. Единственными, кто не принимал участия, были сидевшая в своих носилках Эльхана, выстраивавший всех у камня Портиос, и Кериан, считавшая это глупой тратой сил. Когда Эльхана поднялась, поправила повязку и направилась к обломку, Портиос одарил Львицу сардоническим взглядом.

Она швырнула меч в ножны. — «Я поучаствую, если и ты присоединишься».

Камень раскачивался, поощряя их не прекращать усилий. Эльфы перераспределились. Портиос вел отсчет, чтобы синхронизировать их усилия, и они навалились изо всех сил. Стиснув зубы, рвя сухожилия. Обломок освободился от цепкой хватки глины и загрохотал вниз по склону.

«Берегись! Берегись!» — крикнула Кериан.

Все еще ведшие бой лучники метнулись в разные стороны. Камень опрокинулся вперед. Когда более узкий конец ударился о землю, обломок треснул пополам. Передняя часть покатилась вниз по крутому склону, более тяжелая задняя часть последовала за ней.

Совершавшие подъем эльфы бросились в сторону, и послышался крик, когда эта масса прогромыхала мимо. Первый кусок ударился перед бандитами о землю и разлетелся на тысячу осколков. Волна каменной шрапнели пронзила их шеренги, кося людей в кровавые кучи. Затем прилетела вторая, большая, часть.

Плотная глыба уцелела при падении. Она отскочила и, вращаясь, поднялась в воздух на шесть метров. Бандиты бросились врассыпную, перелезая через своих собственных товарищей в панической попытке спастись. Обломок опустился на дорогу, приземлившись не с грохотом, а с плотным тошнотворным хрустом.

Кериан перекатилась на ноги. Бандиты массово дезертировали, сбивая с ног всех оказавшихся на пути офицеров. Саифхумские лучники исчезли. Большинство были похоронены под вторым валуном.

«Прекратить таращить глаза!» — Приказал Портиос. — «Враг все еще внизу. Пускайте стрелы!»

Он большими шагами шел вдоль королевских гвардейцев Эльханы, которые все как один в немом потрясении стояли и глазели, опустив луки.

«Они бегут. Оставь их», — возразила Кериан.

«Делать, как я сказал!» — крикнул он.

Они неохотно повиновались, посылая в обезумевшую толпу под ними новый смертельный водопад. Портиос велел им продолжать обстрел, пока последний поднимавшийся эльф не достиг Березовой Тропы. Наконец, он отдал приказ прекратить.

Вряд ли Львица была самым великодушным из бойцов, но даже она не могла вынести этой бойни. — «Итак, ты, наконец, убил достаточно?» — резко сказала она.

«Далеко не достаточно. Но пока, так будет нужно».

У многих эльфов были порезы, сломаны кости и раны от стрел. Самар не мог стоять; когда он напрягался, чтобы сдвинуть тот камень, открылась его рана. Гитантас стоял на четвереньках, неудержимо кашляя. Портиос скомандовал всем встать и следовать за ним. К большому удивлению Кериан, они подчинились. Более крепкие помогли остальным, и тем немногим, кто больше всех нуждался, быстро принесли воду, но в считанные минуты все эльфы были на ногах, взвалив на плечи поклажу, и следовали за своим оборванным предводителем с жестким взглядом по новой тропе на восток. В отсутствие тяглового скота, тележки и повозки толкали руками. Не желая отставать от обывателей Бианоста, безлошадные гвардейцы Эльханы организовались, чтобы помочь нести тюки с оружием и доспехами. Кериан задержалась, чтобы убедиться, что никто не отстал.

Эльхана снова была в своих носилках. Помощь в опрокидывании камня оставила ей сил едва достаточно, чтобы держать голову, но, когда ее несли мимо Кериан, глаза Эльханы светились триумфом.

«Мы спасены! Наше дело продолжается!» — Сказала она.

Это была правда, но цена была высока. Почти четыре десятка мертвых с тех пор, как они прибыли к Налис Арен, и втрое больше раненых. Портиос больше не демонстрировал мастерство. Его тактика стала прямой и жестокой, и Львица так и сказала.

«Ты не можешь судить его».

Кериан подстроила шаг под движение носилок. — «Почему? Потому что он когда-то носил корону?»

«Потому что он страдает сильнее нас».

Эльхана никогда не бывала меньше, чем красивая, но грязь и синяки определенно взяли

свое у ее небесного совершенства. Было совершенно очевидно, что она, как и все они остальные, страдала, но что такого особенного было с Портиосом?

«Ты заметила, как он прижимает к груди правую руку?» — спросила Эльхана. Кериан не обратила внимания. — «Толкая глыбу песчаника, он сломал запястье».

«Откуда ты знаешь?»

«Я трудилась рядом с ним. Я слышала, как треснула кость».

Не думая о себе, Кериан удивлялась его стойкости. — «Но он ничего не сказал!»

«Да. Не сказал».

Невероятно, подумала Кериан. Но было ли это в самом деле так странно? Она легко могла представить, как Гилтас делает ровно то же самое, терпя муки в служении своему народу. Он бы тоже никогда не стал жаловаться.

Она задумалась, где Гилтас, и как у него дела. Принесенные Гитантасом новости были, в лучшем случае, из третьих рук, но если они правдивы, то эльфийская нация стояла перед лицом самой серьезной опасности, с которой когда-либо сталкивалась в Кхуре. А она была тут, в сотнях миль от знойной пустыни, следуя за сумасшедшим в маске, в компании с бывшей королевой, называвшей ее «племянницей» и отрядом городских эльфов и королевских воинов.

Ее взгляд привлекла искривленная форма. Под ней на склоне холма лежали обломки башни, одной из четырех, поддерживавших арочные мосты, окружавшие город Гилтаса. *Это* земля эльфов, с приступом гордости подумала она, которую холила и лелеяла наша раса. А не безжизненный песок Кхура. Он принадлежит кочевникам. Пусть у них и остается. Гораздо лучше сражаться за настоящую родину эльфов, здесь, а не за какую-то чужую пустыню.

Она подумала о клане Наларина, ищущем грифонов. Как ей не хватало свободы и мощи полета на Орлином Глазе! Дайте ей сотню таких созданий, и она выметет из бытия бандитскую орду! Эта картина пьянила, особенно после страшного дневного боя. Если бы они нашли грифонов, как предполагала Эльхана, все бы изменилось.

15

Еще одна ночь, еще один океан звезд, сияющих над построенными в боевой порядок эльфами. Плотной колонной по трое, эльфы быстро двигались по все еще горячему от солнца песку. Позади них, нависавший на фоне ночного неба Сломанный Зуб был полон огней костров.

Гилтас возглавлял колонну. Как и все его соплеменники, он был бос и не имел ни малейшего куска металла с собой. Все сняли и убрали, чтобы ни малейшая вспышка, ни легчайший лязг не выдали их тайного отбытия. С Гилтасом был кочевник Вапа, двигавшийся по океану песка со всей уверенностью дитя пустыни.

Несмотря на намерение Гилтаса немедленно поговорить с Вапой, Планчет, умелс поддержанный целителем Трусанаром, убедил его подождать до утра. Он вернулся в свое маленькое убежище, погрузившись в спокойный сон, вызванный прописанным Трусанаром лекарством, и проспал почти двенадцать часов. Проснувшись днем, он впервые за много месяцев почувствовал себя лучше. По крайней мере, он бы не опозорился еще одним падением.

С самого начала Гилтас поверил в искренность предложения Вапы помочь. Его советников требовалось убедить. Он созвал их группу у подножья каменной пирамиды, намереваясь сигнализировать находившемуся на Резце Таранасу, как только будет готов план эльфийского отбытия. Планчет, особенно скептический, неоднократно расспрашивал Вапу о смене им лояльности.

Вапа объяснил в своей неподражаемой манере: «Больному человеку требуется лекарство. Здоровому человеку — не требуется. Дай здоровому человеку конкретное лекарство, и ты можешь убить его. Откажи больному в лекарстве, и он может умереть».

«Что это значит?»

«Я не люблю чужеземцев, которые селятся в моей стране». — Бледные глаза Вапы сверкнули в их сторону. — «Но еще меньше мне нравится то, что их присутствие сделало с моим народом. Чем скорее вы все уйдете, тем счастливее мы будем».

«Этот урок тебе нужно преподать своим вождям».

Вапу не волновала холодность Планчета. Он пожал плечами. — «Увы, Вейядан уже поздно давать уроки. Она больше не думает и не видит четкие границы правды, лишь единственную перспективу мести. Но мир и безупречность не могут быть куплены кровью. В каждом из нас существует созидатель, и не к рабству мы стремимся. А кровь, однажды пролитая, лишь вызывает новую кровь, пока больше не останется».

Гилтас позволил дискуссии длиться лишь еще несколько минут. Посредством зеркал, они просигналили Таранасу, что уходят. Вскоре последовал ответ Таранаса. Он собрал и сберег каждую каплю воды, которую только смог, на подобный случай. Его подопечные будут готовы, когда Беседующий придет, чтобы увести их.

Оставался один серьезный вопрос. Кочевники все время следили за эльфами. Обзор Сломанного Зуба для них был не идеальным, но они бы не пропустили исход такой толпы. Решение предложил Планчет. Кто-то должен остаться, чтобы поддерживать костры, создавать шум и показываться наверху плато.

Хамарамис с Беседующим согласились, но задумались, кто вызовется добровольцем для такой задачи. У тех, кто останется, будет отличный шанс попасть в руки кочевников.

«У меня есть группа более чем готовых». — Планчет постучал пальцем по тыльной стороне левой руки, жест, мгновенно понятый всеми: он имел в виду клейменных кочевниками эльфов-мужчин.

«Сколько добровольцев?» — спросил Хамарамис.

«Все они».

Гилтас задрожал. Не болезнь вызвала его реакцию. Сотни эльфов были жестоко изувечены, их левые руки стали практически бесполезными. Когда им представился случай помочь своему народу, все сделали шаг вперед.

«Им не нужно всем оставаться», — сказал Хамарамис. — «Для отвлечения внимания достаточно двух сотен».

«И меня», — сказал Планчет.

Гилтас покачал головой. — «Нет. Ты слишком ценен для меня, и для нации».

«Более ценен, чем любой из остающихся?»

Да! Хотел крикнуть Гилтас, но не сделал этого. Хамарамис с Планчетом немного поспорили. Старый генерал согласился, что требовался руководитель, но сказал, что справится любой младший офицер. Планчет упрямо настаивал, что не нужно было приказывать молодому воину взяться за задачу, на которую он вызвался добровольцем сам. Наконец, Хамарамис сдался и утопал, излучая раздражение. Планчет повернулся к своему королю.

«Великий Беседующий, окажи мне эту милость».

Планчет был рядом с Гилтасом с тех дней, когда тот был так называемым Королем-Марионеткой в Квалиносте. Камердинера-телохранителя, чтобы служить ее сыну, тщательно выбрала мать Гилтаса, Лораланталаса. В его биографии была служба темному эльфу Портиосу. В течение всей оккупации, исхода и бесчисленных сражений Планчет всегда был тут, твердый центр в бурной жизни Гилтаса. Еще до отдаления от Кериансерай, молодой король полагался на мудрые советы Планчета, его решительную поддержку. Как мог Гилтас позволить ему пожертвовать собой? Как мог он отказать?

С тяжелым сердцем, Гилтас выполнил его просьбу, но сурово сказал: «Поклянись домом своих предков, что ты спасешься и найдешь, как снова присоединиться к нам. Клянись, Планчет!»

Неожиданно, Планчет опустился на колено. Он дал клятву. Гилтас на мгновение положил руку на склоненную голову своего друга, к его горлу подкатил комок.

В течение дня и вечера эльфы готовились к своему отбытию, а Планчет готовился остаться. Он целенаправленно выбрал двести наиболее изуродованных, покалеченных инвалидов из множества добровольцев. Вдобавок к своим искалеченным рукам, у большинства были раны от мечей, копий или стрел. Скорее всего, они бы замедлили остальную колонну во время бегства.

За час до полуночи Планчет собрал свой отряд перед Беседующим в северо-восточном углу Сломанного Зуба. Каждый эльф стоял настолько выпрямившись, насколько только мог. Двести правых рук взметнулись как одна в салюте Клейменных. Планчет тоже поднял правую руку.

«Плутовской Отряд готов выполнить свою миссию, Великий Беседующий», — объявил он.

«Нет, вы не плуты». — Гилтас на мгновение задумался. — «Вы — Священный Отряд герои нашей нации!»

Его заявление не было встречено одобрительными криками. Все осознавали необходимость не привлекать внимание кочевников к их активности. Планчет бы на этом закончил, но Гилтас не мог. Он шагнул вперед и обнял своего друга. Он позволил себе на несколько секунд окунуться в надежную силу Планчета, а затем отошел назад.

Планчет отсалютовал, поднимая меч к лицу. — «Прощайте, сир. Любой ценой сберегите линию Сильваноса и Кит-Канана».

Какую еще цену осталось заплатить? Гилтас не позволял отображаться на лице своим горьким думам, пока медленно шел вдоль строя добровольцев, встречаясь глазами с каждым, говоря спасибо. Закончив, он последний раз обратился к группе.

«Да благословит всех вас Э'ли. Мы еще встретимся!»

Заняв свое место во главе колонны, он двинулся вслед за Вапой по крутой тропе к поверхности пустыни. Их первым пунктом назначения был Резец, чтобы подобрать укрывавшихся с Таранасом и пополнить запас воды. Оставалось совсем немного пищи, но они могли протянуть без еды намного дольше, чем без воды.

Не пик впереди него, а тот, что был позади, снова и снова привлекал взгляд Гилтаса. На Сломанном Зубе светились костры и гремели котелки. На фоне звездного неба периодически возникали силуэты небольших групп. Если бы он не знал, что позади него были десятки тысяч эльфов, он бы поверил, что они все еще были на горе.

После непрерывного ветра на вершине Сломанного Зуба пустыня казалась тихой, как могила. Воздух после заката быстро остыл, но острые камни и хранимый песком жар делали болезненной босоногую прогулку эльфов. Морды нескольких коней и других животных, что у них имелись, были обмотаны полосками ткани, подкованные копыта также обернули. Все свои повозки они оставили на плато. Без них эльфы могли спуститься гораздо быстрее, да и скрипящие колеса телег были очень шумными. Большая часть тяжелого снаряжения, что они несли еще с момента ухода из Сильванести и Квалинести, была оставлена лежать на Сломанном Зубе. Оставшуюся поклажу несли на спинах, в носилках или просто в волокушах. Как и эльфы, Вапа вел своего коня.

Они в полной тишине миновали северную оконечность Малого Клыка. Вапа считал, что его народ, скорее всего, выставит здесь наблюдателей, хотя у него не было возможности точно знать, где они могли быть. До рассвета оставалось лишь четыре часа, когда они добрались до Резца. Вапа поднял руку. По колонне молча передали команду остановиться. Все эльфы опустились на колено и принялись ждать.

Хамарамис подошел к Беседующему. — «Сигнал от Таранаса?»

«Пока нет».

Колонна Гилтаса не могла подать звуковой или световой сигнал, чтобы находившиеся поблизости кочевники не обнаружили их. Это зависело полностью от Таранаса, назначить время встречи и подать им сигнал.

Вапа успокоил их страх быть обнаруженными, напомнив, что лагеря кочевников находились к югу от Зубов Льва. Повсюду были конные патрули, но к рассвету эльфы должны были быть скрыты Большим Клыком, большим из пиков, лежавшим к северо-западу от Резца. Каждую ночь они будут продвигаться дальше на север и запад. Последний из Зубов Льва, Клешня, находился в тридцати милях от входа в Инас-Вакенти. Когда они покинут укрытие Клешни, то окажутся перед лицом самой серьезной опасности.

Прошло много бесконечных минут, прежде чем на склоне Резца вспыхнул дымный красный огонек. Этот огонек несколько раз дернулся вверх-вниз, а затем полетел вниз.

Столкнувшись внизу с камнями, он вспыхнул снопом искр.

Беседующий подал всем знак подняться. Ослабленные возрастом, лишениями и ранами конечности коченели в холодном ночном воздухе. По всему строю беженцев послышались приглушенные стоны и вздохи. Хамарамис нахмурился, но Гилтас мог лишь печально покачать головой. Они уже не были расой прошлых лет, чья грация и элегантность являлась стандартом для всего мира. Он поклялся, что однажды они снова станут ей. Под защитой Инас-Вакенти они станут сильнее. Цивилизация эльфов воспрянет, став еще величественнее, чем прежде. Он верил в это. Он должен был.

Из темноты показалась двойная цепочка коней без всадников. Каждую пару вел тщательно закутанный эльфийский воин. Животные были нагружены бурдюками с водой. Шедший впереди эльф остановился перед Гилтасом и прошептал приветствие. — «Лорд Таранас», — сказал он, — «прислал воду для отряда Беседующего».

Приглушенными словами и жестами водяной караван продвинули вперед. Вскоре родниковую воду скупо распределили между эльфами, которые много дней не пробовали свежей воды.

Вапа сделал круг и вернулся. — «Эта задержка неразумна», — настойчиво произнес он. — «Нам следует двигаться».

«Мой народ многое перенес. Пусть они попьют», — ответил Гилтас.

Под свет звезд из тени Резца выехал Таранас. С ним были остатки кавалерии.

«Великий Беседующий!» — сказал он. — «Рад видеть вас!»

«Пожалуйста, радуйся тише», — предупредил Гилтас, улыбаясь при этом. Он пожал Таранасу руку.

Кавалерия выдвинулась вперед, чтобы прикрыть медленно движущуюся колонну от неожиданных атак, и Гилтас повел остальных дальше. Они будут хорошо спрятаны пиком Большой Клык к тому времени, как заря начнет окрашивать небо. Следующим препятствием будет пересечь пространство в милю шириной между Большим Клыком и Пилой. Хамарамис посоветовал подождать ночи, чтобы пересечь открытую пустыню, но Гилтас считал задержку рискованной. Кочевники могут обнаружить их в любой момент.

Вапа также советовал им продолжать движение. Обманка на Сломанном Зубе недолго будет дурачить Вейядан, и она отправится взглянуть на своих ненавистных врагов. Он сказал, что к северу от Большого Клыка было вади. Оно тянется на северо-запад, и укроет их от всадников на пустынной равнине. Однако, воспользовавшись им, эльфы удалятся из-под прикрытия Зубов Льва.

«Рано или поздно, мы должны будем покинуть эти пики», — сказал Гилтас. — «Мы пойдем туда, куда ты нас поведешь, Вапа».

«Мудрый человек, который выбирает более легкую тропу».

«И еще мудрее тот, кто держит свой меч в руке», — возразил Хамарамис.

Эльфы снова выступили. Если все пройдет хорошо, они за три дня доберутся до прохода в Инас-Вакенти.

* * *

Британ Эверайд с сержантом Джералундом вошли в город Мереклар в конце растянувшейся на милю процессии пеших солдат. В городе разместилась практически вся

армия Гатана Грейдена. Джералунд опытным взглядом обвел скопление людей, гоблинов, даже нанятый в Керне батальон огров, и оценил общие силы в сорок тысяч. Может, это и была несплоченная сила, но она была грозной.

Огромная концентрация мощи была вызвана разгромом у Озера Смерти, где силы под командованием лорда Хейма, бандитского губернатора Мереклара, получили жестокий отпор. Время расчетливости прошло. Лорд Гатан намеревался раз и навсегда подавить эльфийское восстание, даже если для этого придется использовать каждого годного к военной службе воина в регионе. За исключением остававшихся в городках вроде Шривоста нескольких небольших гарнизонов, он ободрал свое королевство до последнего солдата, которого только мог найти. Неракские рыцари, если пожелают, могли овладеть западным Квалинести всего лишь одной дворцовой стражей. Британ собиралась воспользоваться помощью посланника Ордена в Мерекларе, Тагата Элимера, чтобы отправить донесение об этом.

Якобы «коммерческого советника», того, кто следил, чтобы местные коммерсанты честно вели дела с неракскими торговцами, настоящей задачей Элимера была добыча информации, которая могла представлять интерес для Ордена.

Мереклар был крупнее Самустала, но не мог вместить сорок тысяч солдат. Большинство из них расположились на возвышенности к югу от города лагерем растянувшихся полумесяцем палаток. Поднимавшиеся от брезентового моря дым, запахи и шум едва не заполонили находившийся внизу город. Грейдену нужно было выступать скорее. У него не было ресурсов, чтобы долго содержать такую большую армию, если только у него не получится организовать фуражировку (читай, грабеж) близлежащей сельской местности. К сожалению, у него была та же цель, что и у Британ, а у нее не было желания бороться с ним за свой приз.

Обильно циркулировали слухи о том, куда направлялись эльфы. В данный момент в фаворитах были Новые Порты и море. В одном услышанном Британ нелепом слухе говорилось, что с севера на помощь восставшим плыл флот эльфийских судов.

В симпатичном домике Тагата Элимера их с Джералундом хорошо накормили и угостили превосходным вином. Элимер был тучным человеком с веселыми глазами, который много смеялся и носил экстравагантные усы. Наряду со своей жизнерадостной наружностью, он был проницательным и безжалостным. По словам Джералунда, когда-то того считали величайшим дуэлянтом Нераки.

«Город бурлит», — сказал Элимер, наливая Британ в бокал розовое вино. — «Такого большого возбуждения не видел со времени кончины Берил».

«Гатан знает, где повстанцы?»

Посланник искренне рассмеялся. — «Леди, если бы он это знал, армия была бы там, а не здесь!»

«Милорд, полагаете, он поймает эльфов?» — спросил Джералунд.

Элимер сел, свесив живот между колен. Облаченный в темно-синюю саржу, с низко свисавшей с толстой шеи массивной золотой цепью, он выглядел восседавшим на троне древним владыкой.

«Лорд Гатан убьет многих. Его армия поднимет и выгонит всякую живую душу, кроме повстанцев, которых он ищет. Это при условии, что зло из Озера Смерти не восстанет и не предъявит первым свои права».

Это было то, что надеялась услышать Британ. Она не опозорит имя Эверайд еще одной

неудачей. Пугало был ее трофеем, а не чьим-то еще.

«Если спросите меня», — сказал Элимер, хотя никто не спрашивал, — «повстанцы не направляются на восток в Новые Порты. Я считаю, они сделают круг вокруг озера».

«С какой целью?» — спросила Британ.

«Чтобы захватить Мереклар и свести все маленькие мятежи в один большой пожар».

Несомненно, у посланника было живое воображение. Британ спросила, как он оценивает силы повстанцев.

«Мой коллега в Френосте говорит, от пяти до шести тысяч, по большей части, лесных эльфов, под предводительством горстки бывших воинов королевской армии». — Элимер тихо рассмеялся. — «Он ненормальный, конечно же, совершенно больной. Я полагаю, там не больше нескольких сотен. Даже кагонестийцам не под силу так эффективно спрятать армию в пять тысяч. Люди Гатана крайне напуганы. Им мерещатся повстанцы под каждым листом и камнем».

Он сменил предмет разговора, рассказав слухи о политике внутри Ордена. Британ вежливо слушала, нетерпеливо ожидая, пока сможет вернуться к беседе на интересовавшую ее тему.

«Мое задание — найти предводителя повстанцев», — сказала она. — «Я не могу идти по следам Гатана. В радиусе двадцати миль от этого сборища не отыскать ни одного находящегося в здравом уме эльфа!»

Элимер согласился. Он позвонил в серебряный колокольчик, и появился слуга. К изумлению Британ, лакей был опрятно одетым в ливрею из синего бархата квалинестийским эльфом. Посланник отправил его за сумкой с картами.

«Азар удивил вас, леди?» — Сказал ей Элимер. — «Не удивляйтесь. Он мой личный слуга больше лет, чем вы живете. Я одолел его в честном бою тридцать лет назад, и с тех пор он мой верный слуга».

«Однажды он воткнет в вас нож», — заметил Джералунд.

Элимер рассмеялся: «Я на это надеюсь! Какой трагедией для старого вояки вроде меня было бы умереть в постели, сморщенным и немощным! Однажды, когда я устану от жизни, я приглашу Азара закончить нашу дуэль. Он по-прежнему будет ловким и сильным, а я — толстым стариком, так что я уверен, что он победит!»

Британ покачала головой. Она не понимала рыцарей, которые так безответственно относились к своим жизням. Она выросла на примере своего отца, а лорд Бернонд никогда не оставлял ничего на волю случая.

Азар вернулся, бесшумно ступая. Он принес длинный обернутый кожей цилиндр. Элимер отпустил его, а затем снял крышку с одного края футляра. Он вытащил пригоршню туго связанных рулонов пергамента. Просмотрев непонятные комментарии на краях каждого, он обнаружил искомый свиток.

Джералунд сдвинул в сторону тарелки с бокалами, и Элимер расстелил карту на невысоком столике. Он ткнул кинжалом в точку на побережье, к востоку от Налис Арен, где угловатая береговая линия изгибалась с юго-востока практически точно на юг. — «Эльфы повернут на юг здесь», — сказал он.

Элимер был убежден, что Пугало собирается оторваться от своих преследователей-бандитов в туманах и неведомых развалинах и болотах, окружавших озеро. Наихудшая местность лежала между восточным краем озера и твердой сушей. Там была низина, и падение Берил вызвало серьезное оседание почвы. Северный край озера был ненадежным,

но восточный был просто смертельной ловушкой.

«Это не тот маршрут, который я бы хотел выбрать», — сказал Элимер, — «но, даже изменившись с затоплением Квалиноста, это все еще страна эльфов и, скорее всего, место, где они выберутся на сушу».

Британ была довольна. Огромная армия Гатана завязнет в той местности. Это даст ей время выследить неуловимое Пугало и выполнить свое поручение.

«Мне следует отправляться к южному берегу, и пусть враг приходит ко мне».

«Превосходный план, леди», — Элимер сел, оставив кинжал на карте. Он сложил руки на круглом пузе. — «Хотя, не будьте чересчур оптимистичны насчет маршрута. Это опасная страна. Никто, ни эльфы, ни бандиты не правят здесь. Она кишит всевозможной дикой живностью».

«И дикими повстанцами», — криво добавил сержант.

Элимер в знак признания поднял чашу.

Пылая от возбуждения от своего нового плана, Британ страстно желала отбыть. Отклоняя предложение Элимера провести ночь в его доме, она заявила, что собирается отправиться немедля.

«Пусть тебе сопутствует удача во славу Ордена». — Несмотря на официальность своих слов, Элимер широко улыбался, его глаза практически исчезли в складках кожи.

Британ нахмурилась. Как, во имя Хаоса, могла она судить об искренности этого человека, когда он все время был так жизнерадостен? Она взяла свой бокал и вернула тост.

«Во славу Ордена», — сказала она, и залпом до последней капли проглотила вино.

16

Мост на Березовой Тропе перевел эльфов через реку Белая Ярость. На другой стороне с группой воссоединились королевские гвардейцы, которые ранее отделились от колонны, чтобы увести коней с Дороги Сильверана. Портиос приказал уничтожить мост после того, как все без происшествий пересекли его. Это лишь ненадолго задержит погоню. Не далее чем в четверти мили к северу река была достаточно переходима вброд для решительных всадников. Тем не менее, была ценна любая помеха, которую они могли устроить на пути у своих преследователей.

Березовая Тропа закончилась в четверти мили за мостом. Отсюда, на восточной стороне Налис Арен, местность опускалась гигантскими ломаными террасами, точно лестница громадного храма. Из земли торчали сломанные каменные плиты. Это был не выброшенный из Квалиноста мрамор, а расколотая при жутком столкновении порода. Один неверный шаг означал смерть, и погибла горстка милиции Бианоста. Они все шатались от изнеможения, напряжения боя и подрывавшей силы атмосферы этого места. Добравшись до каменной плиты более пятидесяти метров шириной, они осмелились сделать паузу и отдохнуть.

Налис Арен имело примерно треугольную форму. Из одной из его «вершин» на север выливалась Белая Ярость. Узкие притоки питали его юго-западную и юго-восточную вершины. Под эльфами, возле юго-восточного угла озера, находилась самая нижняя точка его берега. Известная в разговорах как Расселина, она была окутана зеленовато-желтым туманом. Эльфы тяжело дышали в холодном сыром воздухе и искали признаки погони. Распределили воду. Раненых более удобно устроили в носилках.

Прибежали несколько гвардейцев, оставленных Самаром в арьергарде. Они принесли плохие новости: бандиты, определенно, следовали за ними. Видели конных людей, как и передовые группы гоблинов, но они проявляли осторожность и не приближались к эльфам.

«Основная армия еще не здесь», — высказалась Кериан. — «Всего лишь авангард».

«Они по-прежнему превосходят нас численностью», — сказала Эльхана. Она оставила носилки, чтобы пройтись самостоятельно.

В виде исключения, Портиос держался рядом. Ему не доставляло удовольствия бродить слишком далеко в гибельных окрестностях Налис Арен.

«Ты говорил, бандиты не станут следовать за нами вокруг озера», — сказала ему Кериан. — «Ты просчитался».

Портиос стоял на краю треснувшей плиты — его никогда не видели сидящим — и разглядывал Расселину. — «Хорошо, что они следуют за нами по пятам», — ответил он. — «То, что лежит впереди, нападет на неуклюжих гоблинов и людей, но не нас».

Эльхана обменялась с Кериан обеспокоенным взглядом, а затем спросила Портиоса: «Что лежит впереди?»

«Я не знаю, но есть причина, по которой люди и звери остерегаются этого места. Мы столкнемся с ней, или бандиты».

Он прошелся по плите и прыгнул вниз на следующую, затем еще на следующую, постепенно исчезая из вида. За его заявлением последовала тишина. Эльхана встала, отряхнулась и заявила: «Единственный путь — идти вперед».

Она и двое ее охранников начали спуск. За ними последовали королевские гвардейцы, ведя своих коней по неустойчивой земле, а затем эльфы Бианоста.

«Наш предводитель безумен», — пробормотала Кериан, когда квалинестийцы проходили мимо. Они неуверенно посмотрели на нее, гадая, как следует воспринимать ее слова — как шутку или как предупреждение.

По просьбе Эльханы, Чатендор, когда они отдыхали, пересчитал эльфов по головам. Бианост покинули чуть меньше двух тысяч эльфов, квалинестийцев и сильванестийцев, с примерно четырьмя сотнями лошадей и тридцатью тоннами вооружения и припасов. Поголовный пересчет показал, что осталось лишь восемьсот с хвостиком эльфов, со ста пятьюдесятью лошадями и двадцатью семью тоннами оружия. Остальное было утеряно или оставлено позади.

Большие потери были среди квалинестийских добровольцев из Бианоста. К настоящему моменту половина их погибли или были ранены. После смерти Териона, руководство добровольцами легло на Ванолина и Герантаса. Когда голова каравана достигла окутанной туманом Расселины, и спуск стал более пологим, эти двое эльфов из Бианоста пришли поговорить с Эльханой.

«Леди, мы предложили себя, чтобы сражаться за свободу нашего народа, но пока что все, что мы делали, это убегали», — сказал Герантас.

Ванолин энергично кивнул. — «Почему мы не рассеялись в лесах, разделив мечи, и таким образом каждый из нас не поднял новые отряды бойцов?»

Кериан замедлила шаг, подстраиваясь под Эльхану, желая услышать ответ. Эльхана бросила на нее взгляд, а затем сделала глубокий вдох, прежде чем ответить. — «Если бы мы остались в заселенной местности, Гатан Грейден нашел бы нас, окружил и всех перебил. Дни удивления закончились. Каждый гарнизон в Квалинести будет в боевой готовности. Больше не будет легких побед».

«Тогда зачем мы здесь? Орексас удвоил опасность, перед которой мы оказались!»

И снова Эльхана выдержала паузу, прежде чем ответить, тщательно взвешивая слова: «Нам нужны союзники. Наларин со своим кланом ушел в горы, чтобы найти их. Пока они не воссоединятся с нами, мы должны избегать бандитов и выживать».

Эльфы Бианоста были сбиты с толку. Какие союзники в горах? Эльхана имела в виду гномов Торбардина?

«Она имеет в виду грифонов. Которые дикими живут в тех горах», — сказал Портиос.

Он возник из клубящейся под ними мглы. Портиос поднял руку в перчатке. — «Теперь мы должны идти молча». — Над ними плыли клочья вонючего тумана. Послышавшиеся, было, кашли были быстро подавлены.

Кериан едва могла поверить, что он собирается вести их через Расселину. Не было слышно ни о ком, кто бы вошел туда и вернулся, чтобы поведать, что там обнаружил. Она была сырой, ядовитой и проклятой. Должна была быть цена входа туда. Несомненно, теперь у них был небольшой выбор, но Портиосу вообще не следовало приводить их к этому проходу. Одно дело, его надменное допущение риска для себя, но сейчас он играл жизнями всех их. Гилтас бы так не поступил. Он бы нашел путь, который не подверг бы опасности его народ. Странно, когда бы Кериан не почувствовала, как смерть подбирается ближе, ее мысли неизменно возвращались к мужу.

По настоянию Кериан, королевские гвардейцы натянули тетивы на луки, чтобы быть готовыми ко всему, и вперед выдвинулся отряд из двенадцати вооруженных копьями квалинестийцев. Они будут прощупывать болотистую почву, и искать опору для ног. Хотя они выглядели подавленными, никто не оспорил план Портиоса войти в Расселину.

Чатендор и раненый Самар были так же скептически настроены, как и они, но точно так же не сказали ни слова в протест. Лишь Эльхана выглядела абсолютно уверенной.

«Орексас проведет нас», — сказала она стоявшим за ней нервничавшим квалинестийцам. — «Доверьтесь ему».

Бледная от контузии, она решительно двинулась вперед. Куда бы она ни пошла, Самар всегда бы последовал за ней, да и Чатендор не собирался оставаться сзади. Пусть и не полностью успокоенные, эльфы Бианоста двинулись следом.

Принятые Кериан меры предосторожности насчет болотистой почвы оказались очень кстати. Один из нащупывавших путь эльфов потерял свое копье, когда мох, который он пробовал, поддался. В считанные секунды зловонный колодец поглотил его двухметровое оружие. Все приняли это к сведению. Шеренга эльфов стала плотнее.

Портиос подошел к тому, что выглядело как кусок гнилого бревна. Он перешагнул через него. Эльф позади него пнул бревно. Оно не рассыпалось, так что он наступил на него. Оно тотчас скользнуло в сторону из-под его ноги. Шедшие сзади приглушенно подняли тревогу, увидев, как он упал. «Бревно», на которое он наступил, становилось все больше и больше, по мере того, как поднималось из болота.

Это была змея, но что за змея! Треугольная голова метровой ширины, поддерживаемая толстым, как большой дуб, телом, явно была в ярости. На перепуганных эльфов уставились два желто-зеленых глаза. Пока змея извивалась, повсюду вокруг нее на поверхности появлялись кольца. Она была длиной метров тридцать!

Щелкнули тетивы. Половина стрел отскочила от тяжелой чешуи чудовища, но некоторые проникли внутрь. Змея распахнула пасть в пронзительном шипении. В ядовитом воздухе заблестели клыки длиной с руку эльфа и задрожал черный язык.

Стараясь убраться подальше от этой твари, несколько эльфов оставили проторенный путь. Они тотчас попали в беду, когда их ноги завязли в трясине. Змея, с торчащими по всему телу стрелами, быстро заскользила вперед. Ее голова молниеносным движением метнулась вперед и схватила эльфа, погружая ему в ребра свои ужасные клыки. Яд сработал быстро. Когда челюсти змеи разжались несколько секунд спустя, эльф был мертв.

«Стреляйте ей в пасть! В пасть!» — Крикнул Самар, пока других увязших эльфов вытаскивали в безопасное место.

Стрелы отскакивали от чешуйчатой головы. Затем один из кагонестийских лучников хладнокровно взял прицел, пока кольца молотили вокруг него. Он отправил снаряд прямо в ближайший глаз чудовища. Змея задергалась, стуча головой о землю. Гвардейцы, обнажив мечи, ринулись вперед. Каждый удар был сродни удару по бронзовой статуе. Их клинки совершенно не оставляли следов, и два эльфа погибли, попав под тяжелые молотящие кольца чудовища.

Кериан выхватила у ближайшего эльфа копье и подбежала к голове. Хотя ее атака казалась безрассудной, она осторожно переставляла ноги, избегая колодцев с водой и вязкой глины. Конвульсии змеи вырвали стрелу из ее глаза, но тот ослеп. Несмотря на это, ощущая приближение Кериан, она широко раскрыла пасть, чтобы укусить своего нового врага. Львица сделала выпад, вонзая копье в белую мембрану на небе. Клык проскреб по ее груди. Что-то горячее брызнуло на бедро. Приложив все силы, она провернула наконечник копья, и наградой ей раздался треск костей змеи.

Змея еще была достаточно сильна, чтобы поднять ее, оторвав ноги от земли, когда задрала голову. Мотая головой из стороны в сторону, она бросалась взад-вперед, в то время

как из пасти лилась кровь. Четверо эльфов подбежали снизу и воткнули копья чуть ниже головы. Голова чудовища упала, и под ее весом квалинестийское оружие погрузилось в тело змеи и вышло с другой стороны.

Кериан выпустила окровавленное копье и с глухим стуком упала на землю. Она не могла унять дрожь, уверенная, что была укушена, но, по крайней мере, чудовище было мертво.

«Не двигайся!» — Эльхана опустилась рядом с ней на колено. — «Ты ранена!»

Поразительно, но это оказалось не так. Ее туника из шкуры оленя была распорота от плеча до талии, но льняное нижнее белье не порвалось, и кожа под ним была цела. Клык не проник в тело. Странное ощущение на ее бедре было вызвано ядом. Бледно-зелено-золотистый и без запаха, яд был густым, как свернувшееся молоко, и намочил ей ногу. Эльхана резко вздохнула при виде этого.

«У тебя есть на ноге какие-то раны?» — прошептала она. Кериан покачала головой. Малейший порез вызвал бы попадание яда, но ей снова повезло.

Стараясь не прикасаться к промокшей части, Кериан стянула свою изодранную одежду. Эльхана испытала такое облегчение, что улыбнулась — а еще, покраснела — полному отсутствию смущения у Кериан. Бывшая королева послала за новой одеждой и фляжкой воды.

Появился Портиос. Он не поинтересовался здоровьем Кериан и проигнорировал, что она неодета. Он остановил ее, когда она хотела отшвырнуть оленьи шкуры, резко сказав: «Сохраним яд. Он может быть полезен».

И снова, лишь присутствие Эльханы заставило Кериан сдержать готовый сорваться с губ яростный ответ.

Чатендор собрал яд валиком из хлопкового бинта. Он положил пропитанный ядом хлопок в стеклянную бутылочку и тщательно заткнул ее. В качестве дополнительной меры предосторожности, он завернул бутылочку в два слоя кожи и крепко перевязал.

Прибыл эльф с водой и одеждой. Пока Кериан одевалась, Эльхана оставила ее и нашла Портиоса, стоявшего над трупом огромной змеи. В ответ на ее вопрос, он идентифицировал ее как водяного щитомордника.

«Но они вырастают не больше метра длиной!» — возразила она.

«Мы в неестественном месте. Что было досадной неприятностью, стало чудовищем».

Снова оказавшись на ногах, Кериан увидела стоявших поблизости и наблюдавших за ней четырех эльфов. Это были те, кто прикончил чудовище. Они были заурядными малыми, писцами или ремесленниками из Бианоста. Она поблагодарила их и по очереди пожала руки.

«Теперь вы — мои солдаты», — сказала она. — «Держитесь рядом со мной, и я всегда буду рядом с вами».

Все четверо казались потрясенными сражением с чудовищем, но каждый кивнул, когда она пожимала ему руку.

Эльфы быстро приготовились возобновить движение. Чатендор собрал пожитки мертвецов. Их оружие отдали другим, но казначей связал в аккуратные узелки их личные вещи. Если у покойных были наследники, они получат имущество своих родственников.

Пока внимание Чатендора было отвлечено, Кериан подошла к повозке, где было имущество его и Эльханы. Она вытащила маленький кожаный сверток с ядовитой бутылкой и сунула его в сумку на своей талии.

Повернувшись, она увидела стоявших за ней с широко раскрытыми глазами четверых квалинестийцев из своей новой армии. Их скудные пожитки умещались в висевших на древках их копий узелках.

«Это мое», — сухо сказала она. — «Я буду за это отвечать».

Они не ответили. Она присоединилась к маршу, и четверка последовала за ней.

* * *

Расселина представляла собой десять квадратных миль трясины. Она была точно язва на юго-восточном берегу озера. Повсюду лежал мох и плесень всех оттенков серого, черного и тошнотворно-зеленого. Вонь была столь сильна, настолько хуже, чем в остальной части Налис Арен, что дневной рацион остался несъеденным. Эльфов атаковали полчища пауков, кусачих насекомых и ядовитых пресмыкающихся (обычного размера). Рои насекомых были столь ужасными, что от их нападений несколько лошадей обезумели. Животные вырвались из рук ведших их и галопом унеслись на верную смерть в глубинах топи.

В изобилии были колючие ползучие растения и кипарисы, но ни один не вырастал выше талии. Пересекая Расселину, эльфы были на виду у всех, кто мог находиться выше на склоне холма. Эльфы по всему каравану, а особенно шедшие сзади, постоянно оглядывались через плечо, опасаясь в любой момент увидеть бандитов. Никого не было видно, но они непроизвольно ускорили шаг.

Вечный холод Налис Арен означал, что эльфам приходилось надевать дополнительную одежду. В Расселине все было наоборот. Температура поднялась. Лился пот, но снять одежду означало подставить больше кожи ненасытным насекомым. Когда солнце пересекло зенит, эльфы начали шататься и падать. Некоторые вставали обратно, но были и те, кто уже не поднимался. Эльхана потребовала остановиться. Она, ее лейтенанты и Кериан осмотрели одного из неподвижных эльфов.

Покойный был королевским гвардейцем. Здоровый парень, до недавнего времени хорошо питавшийся, он был моложе Кериан. Его шея и лицо были покрыты укусами насекомых, но не более того, что испытывали остальные. Единственной странностью, что смогла найти Кериан, являлась опухшая шея. Его горло так плотно и так быстро перекрылось, что он задохнулся, пока шел.

Они понятия не имели, почему. Токсичный воздух, ядовитые насекомые, злые чары — все было возможно. Они продолжили движение.

Со своим квартетом квалинестийцев по пятам, Кериан разыскала Гитантаса. Она была рада видеть, что он поправился, несмотря на дурные условия.

Они какое-то время вместе брели в тишине, которую Кериан считала компанейской, но в которой Гитантас чувствовал себя неуютно. Наконец, он собрался с духом, чтобы заговорить о том, что было у него на уме.

«Командир. Насчет Кхура…»

«Что насчет него?»

«Я чувствую, что уклоняюсь от своего долга. Моим поручением было привести вас обратно к Беседующему».

«Ты едва не погиб от лихорадки. Это чудо, что ты вообще нашел меня, и ты думаешь, что уклоняешься от своего долга?» — Она покачала головой. — «Я сказала тебе, что не могу

вернуться в Кхур».

«Не можете, или не хотите?»

Кериан сердито посмотрела на него, и молодой воин на мгновение увидел Львицу из легенд. Гитантас не стушевался. Через мгновение, ее внимание вернулось к ненадежной тропе.

«И какая разница? Беседующий отстранил меня, и я оказалась заброшенной на другой конец света». — Она пожала плечами. — «Тогда я ему была не нужна. Сейчас он не может заполучить меня».

«Вы приговариваете весь наш народ в Кхуре к смерти или рабству?»

Теряя самообладание, она коротко велела своим солдатам убраться куда-нибудь. Когда они удалились, она спросила: «Я что, богиня, которая сама по себе может спасти нацию? У Гилтаса тысячи воинов и объединенный опыт бывалых генералов, таких как Хамарамис, Таранас и Планчет. За безопасность нашего народа отвечают они, а не я!»

«Ну ладно, командир. Но я должен вернуться к Беседующему. Простят меня Орексас и Эльхана, если я уйду, как только мы покинем Налис Арен?»

«Делай, как хочешь».

К ее облегчению, он больше ничего не сказал. У него был тот же недостаток, что и у всех квалинестийских Амброделей. Будучи находчивым и отважным, Гитантас был из тех солдат, кто до верной смерти следовал приказу, просто потому, что этого требовали его имя и его честь. Кериан теряла терпение с мучениками, неважно, сколь доблестными они были. Миру нужны были реалисты, практичные упорные реалисты. У людей была поговорка, которая ей нравилась: Войны не выигрываются, когда погибаешь за свою страну; они выигрываются, когда заставляешь противника погибать за его страну.

Пересечение Расселины унесло новые жизни. Внешне здоровые гвардейцы и городские эльфы падали замертво. С закатом резко похолодало. Не дозволялось ни единого предательского факела, так что жуткий марш продолжился в полной темноте и могильном холоде. Эльфы по очереди забирались в оставшиеся телеги и повозки и недолго дремали. Кериан не воспользовалась отдыхом. Она натянула на плечи одеяло и продолжала идти.

Эльхана, одетая в меховой костюм из белой лисицы, двигалась вдоль каравана, говоря с каждым и следя, чтобы все могли отдохнуть в повозке. Она отдала остальные свои меха и лишнюю одежду дрожавшим горожанам. Несмотря на нытье своего казначея, она не собиралась ограничиваться взваленными самой на себя обязанностями.

«Леди, вы должны отдохнуть», — надоедал Чатендор. — «И вам не следует отдавать всю свою одежду».

«Мне что, нужно ехать на бархатных подушках, завернутой в меха, пока они идут, голодные и холодные?»

«Вы больше не молодая девушка. В нашем возрасте лишения переносятся сложнее».

Она едва не улыбнулась. — «И в самом деле, в нашем возрасте. По меньшей мере, ты на несколько *веков* старше меня», — фыркнула она, возвращая шутку.

Когда они вернулись во главу колонны, Эльхана кратко переговорила с Самаром, который организовывал патрули на ночь. Закончив, она согласилась передохнуть. Чатендор отвел ее к повозке с парусиновым верхом. Он поднял полог с тыльной стороны не прекращавшего движение транспорта, и она забралась внутрь. Она напомнила ему разбудить ее через час. Он заверил ее в этом и опустил полог.

Она едва успела устроиться рядом с несколькими упакованными связками мечей, когда

полог снова отодвинулся, и в повозку забрался Портиос.

«Спокойно, Эльхана. Это я», — излишне прошептал он. Она тотчас поняла, кто это, хотя бы просто по его безликости. Портиос был единственным в караване, чье лицо было полностью скрыто.

Чатендор не обладал роскошью ее более острого зрения. Полог взлетел вверх.

«Миледи! Я видел, как проник незваный гость!» — воскликнул он, держа в руке короткий меч.

«Ваша хватка и стойка, сэр, делают вам честь, но вы стоите лицом к своей госпоже, а не ко мне».

Казначей узнал хриплый голос Орексаса. Он не опустил свой клинок, пока Эльхана не заверила его, что находится в безопасности, и не отослала его.

Наедине со своим мужем, Эльхана зажгла огарок свечи. Она воспользовалась маленькой зажигательной палочкой, изготовленной гномами Санкриста и зовущейся ими «драконьим зубом». Если ее энергично поскрести, она вспыхивала. Внезапный огонь заставил Портиоса резко отпрянуть.

«Я не питаю симпатии к огню», — сказал он. В тесноте повозки он не мог далеко отодвинуться. — «Свечи и лампы можно уронить. Так все время начинаются пожары».

Она зажгла лампу с шипящим желтым пламенем. — «Я буду осторожной».

Когда она выдыхала, из ее носа шел пар. Она ждала, что Портиос заговорит. Так и не дождавшись, она спросила: «Ты веришь, что кагонестийцы найдут грифонов?»

«Да».

«И что мы можем приручить их».

«Да».

Ее раздражали его односложные ответы. — «Если мы найдем их, это будут дикие взрослые особи, а не существа, выросшие среди нашего народа. Как ты можешь быть уверен, что мы сможем достаточно быстро обучить их, чтобы они оказались полезными?»

«Я уверен». — Его глаза во мраке встретились с ее взглядом. — «Эльхана, я был Беседующим с Солнцем. Я знаю *тат-мания*».

Она кивнула. Защита Небесных Всадников, секрет приручения грифонов, был правом Кит-Канана по рождению, и передавался каждому Беседующему с Солнцем.

«Я этого не делал, но знаю, что требуется», — сказал он. — «Вот почему я пришел поговорить с тобой, сказать тебе — чтобы убедиться, что ты знаешь. Важно, чтобы ты верила, что это может быть сделано».

Казалось, он сомневался, его речь запиналась. — «Что не так?» — спросила она. — «Тебя что-то беспокоит».

«Несмотря на то зло, с которым мы до сих пор сталкивались, не думаю, что мы уже постигли всю глубину. И я не жду, что бандиты сдадутся. Грейден, несмотря ни на что, придет за нами». — Внезапно он протянул руку в перчатке и положил поверх ее руки. Она тотчас положила сверху свободную руку. — «Но я хотел, чтобы ты знала… Хотел сказать тебе, чтобы ты не унывала. Эльфы Наларина найдут грифонов. Мы приручим их. Перед лицом каких бы опасностей мы не оказались на нашем пути, помни это».

Он выскользнул из повозки. Сквозняк от его ухода потушил свечу, оставив Эльхану в темноте. Ее руки все еще ощущали тепло его прикосновения. Она прижала их к холодным щекам.

Она улыбнулась, а затем рассмеялась. Впервые за очень долгое время, Эльхана

смеялась.

17

Караван тащился со скоростью улитки. Эльфы не могли представить ночи темнее, кроме как пребывания в глубокой пещере. Звезды было едва видно, как если бы от земли поднялся черный туман и закрыл их.

После полуночи они добрались до реки, отмечавшей южную границу Расселины и конец тягостного болота. Река была забита вьюнами и темно-зелеными листьями кувшинок. Она была так окрашена смытой черной землей, что казалась достаточно твердой, чтобы по ней можно было пройти.

«Как мы переправим повозки?» — спросил Герантас.

«Вброд», — ответил Портиос.

Кериан запротестовала. — «Ты понятия не имеешь, какая здесь глубина!»

«У тебя есть лучшая идея? Ты можешь поднять их и перенести на своих плечах? Нет? Тогда мы должны идти вброд!»

Ни у кого из них не было идей получше. Здесь не было бревен, чтобы построить плоты, а Самар передал доклад арьергарда, что слышны звуки погони, так что время было на исходе.

«Я поведу первую телегу», — объявил Портиос. — «Мы нарубим вязанки палок и молодых деревцев, и если застрянем, будем подкладывать их перед собой, чтобы улучшить сцепление».

Такие вязанки могли заполнить ров или вражескую траншею, но реку? Нет, если удача отвернется от них, и река окажется глубокой. Тем не менее, Портиос организовал команду обессиленных эльфов нарубить ползучий кустарник и ивняк. Пока они работали, Самар и Кериан посовещались.

«Кто-то позади нас, не далее, чем в нескольких сотнях метров», — шепотом доложил Самар. — «Их не много, и они кажутся необычно тихими для людей или гоблинов».

Шпионы, сказала Кериан. Грейден выслал своих лучших разведчиков, чтобы приглядывать за ними. Некоторые редкие люди могли умудряться вести себя тихо в лесу. Было даже возможно, что Гатан нанял отступников полуэльфов или кагонестийцев. Такое случалось. Она сделала глубокий вдох.

«Давай выясним, кто они. Я могу их подтолкнуть».

В виде исключения, кагонестийка и сильванестиец пришли к полному согласию: Самар также устал убегать, устал тащиться с гражданскими. Он собрал эскадрон из двадцати конных гвардейцев. Кериан добавила к ним еще двадцать, без коней. Эльфы поедут по двое. В заранее условленный момент всадники замедлят шаг, и лишние наездники бесшумно соскользнут. Враг услышит приближающуюся конную атаку, и бежит, либо приготовится к бою. Если они развернут строй, то пешие эльфы проникнут к ним в тыл, приведя в замешательство. Если враг бежит, всадники займутся преследованием, способные двигаться быстро, когда лишние наездники спешатся. Это была тактика, называемая «Засеять Огород», успешно применявшаяся Львицей против Темных Рыцарей.

Кериан оседлала своего собственного коня и подождала, пока королевский гвардеец заберется позади нее. Вместо сильванестийца это оказался Гитантас.

«Ты достаточно здоров, чтобы драться?» — спросила она.

«Достаточно, командир».

Эльфы из Бианоста все еще рубили палки и кусты, когда Кериан и Самар отправились

выслеживать своих преследователей. До рассвета было еще три часа. Эльхана проводила их, помахав, когда они рысью проезжали мимо. Портиос стоял на двухколесной телеге, давая указания эльфам подкатывать вязанки к кромке воды. Он не подал виду, что заметил отбытие воинов.

Они действовали осторожно, держась проторенного ими через Расселину пути. Он был достаточной ширины для двух коней в ряд. В нескольких сотнях метров от хвоста каравана Самар остановил их. Они сидели в абсолютной тишине, слушая. Они слышали чириканье на лету летучих мышей, плеск жаб в стоячем омуте, тук-тук-тук подыскивавших себе пару жуков-точильщиков.

И легкую поступь шагов.

Самар бросил взгляд на Кериан. Она кивнула. Гитантас и остальные лишние всадники соскользнули с коней. Они бесшумно развернулись веером перед всадниками. Их мечи уже были извлечены, так что даже этот скрип не мог выдать их. Всего лишь в трех метрах они уже скрылись в темноте. Конные воины ждали. Периодически каждый наклонялся вперед, беззвучно общаясь со своим конем, чтобы успокоить животное от нараставшего нетерпения или вызванного пагубной атмосферой раздражения.

Воздух разорвал крик. Они не слышали звона мечей, щелчков тетивы, лишь этот единственный внезапный прочувствованный крик. Человек или эльф?

В ночи поднялся хор криков. Этот шум сопровождался лязгом клинков. Кериан подняла свой меч, и остальные эльфы последовали за ней. Несмотря на колотящиеся сердца, они двинулись вперед легким галопом. Ни один всадник в здравом уме не будет мчаться галопом в такой темноте, с пригодным проходом, ограниченным узкой тропинкой в предательской трясине.

Они свернули за изгиб тропы и увидели разбросанные тела. Кериан свесилась до земли. Первое тело и в самом деле принадлежало одному из ее спешившихся товарищей. Его шея была сломана. Кто-то невероятно сильный задушил его. Его меч лежал в вытянутой руке, на стали не было ни следа крови.

Опустившись на колено у следующего трупа, Кериан перекатила его и вскочила на ноги. Повернувшись к Самару, она вытянула руку в сторону трупа и спросила: «Я сошла с ума? Мне мерещится?»

Самар подъехал ближе. Он отшатнулся. — «Нет! Это Джаланарис! Мы похоронили его вчера!»

Мертвец был одним из эльфов, которые упали и скончались от удушья во время перехода через Расселину. Как он здесь очутился?

Мертвыми лежали восемь эльфов. Половина были спешившимися всадниками, которых привели с собой Самар и Кериан. Остальная половина была их товарищами, умершими на марше через Расселину. Все задохнулись.

Пронзительный свист заставил Кериан запрыгнуть обратно в седло. Она знала этот зов. Это Гитантас был в беде. Отбросив осторожность, она галопом понеслась по тропе, Самар с остальными следовали за ней по пятам.

За пузырящейся лужей слизи полным ходом шла рукопашная схватка. Остатки спешившихся гвардейцев стояли кругом, лицом наружу, вытянув мечи. К ним медленно, но неумолимо приближались бледные фигуры в потеках грязи. Гвардеец позади Самара наложил и выпустил стрелу, отправив снаряд в шею одной из крадущихся фигур. Та пошатнулась от попадания, но не остановилась. Она продолжила идти с абсурдно торчащей

стрелой.

«Нежить!» — крикнул Самар. — «Наши собственные братья пытаются убить нас!»

Отряд Гитантаса рубил ходячие трупы, нанося ужасные раны мертвой плоти, но ожившие эльфы просто продолжали приближаться. Весь ужас их существования читался у них на лицах. У некоторых были открыты глаза; другие шли с непогрешимой точностью, хотя оба глаза были закрыты или залеплены грязью. Воины Самара снова и снова разили их стрелами, но безрезультатно. У них не было оружия, так как никого не похоронили с ним, но они хватали любого живого эльфа, до которого только дотягивались. Находя живого врага, они вцеплялись в него такой железной хваткой, что лишь расчленение останавливало их. Даже с отрубленными одна за другой конечностями проклятые трупы извивались и двигались.

Ходячих мертвецов было пятнадцать. С подкреплением Самара эльфы быстро разделались с ними, но Гитантас не позволил воинам уничтожать тела. Он пояснил, почему.

«Они лежали и поджидали нас. Сперва, наши парни не дрались. Мы думали, что сделали ужасную ошибку — похоронили товарищей, которые все еще были живы. Затем они напали! Они задушили четверых из нас, прежде чем мы поняли, что происходит. Как только воскресший убивал свою жертву, он, наконец, падал замертво».

Гитантас сказал, что боится, что проклятие может работать и в обратную сторону, что если уничтожить нежить, то ее планировавшаяся жертва также умрет.

У разглядывавшей все еще извивавшиеся торсы и конечности Кериан не было желания проверять его теорию. Она размышляла, было ли это нападение ужасным побочным продуктом Налис Арен, или против эльфов сработало вражеское заклинание. Самару было все равно. Он приказал разбросать расчлененную нежить, чтобы эти трупы больше не создавали им неприятностей.

Его слова подбросили Кериан идею. Она сказала Гитантасу найти себе коня; они отправлялись в путь.

«Куда ты направляешься?» — спросил Самар.

«Если нам создали неприятности наши собственные мертвецы, мне любопытно, как там дела у армии Грейдена позади нас».

«Стоящий вопрос, но не увлекайся в своем поиске. Ореxсас тебя ждать не станет».

Его предупреждение закончилось ворчанием. Отделенная рука подползла по болотистой почве и вцепилась в лодыжку Самару. Он освободился пинком, зашвырнув ее далеко в трясину. Гитантас принялся возражать против подобной грубости. Кериан велела молодому воину седлать коня.

Наклонившись ближе к Самару, она прошептала: «Тебе бы лучше позаботиться и о тех воинах тоже, кто пал сегодня ночью». — Они не могли рисковать позволить четверым погибшим вернуться в виде нежити. Их останки должны быть разбросаны.

«Грязное занятие», — пробормотал Самар, состроив гримасу.

Кериан вытащила из сумки на своей талии небольшой обернутый в кожу сверток и протянула ему. В нем был собранный Чатендором яд гигантской змеи. Яд гадюки парализовал конечности и уничтожал плоть. Возможно, небольшая доза защитит отважных погибших воинов от того, чтобы какое-нибудь злобное воздействие потревожило сон мертвых.

«Не ждите нас», — сказала Кериан. — «Мы вернемся, как только разузнаем все, что сможем».

Двое эльфов скрылись в темноте. Они понятия не имели, как далеко могла находиться армия людей. Они продвигались рысью. Кериан так устала, что чувствовала, будто на ней снова были тяжелые цепи рабства. Она проснулась и была на ногах (или в седле) целых… как давно это было? Два дня? Три? Она насмерть сражалась с громадной змеей. Как минимум, у Гитантаса было преимущество отдыха за время их путешествия.

«Командир!» — Шипение Гитантаса заставило ее дернуться и выпрямиться. Она и в самом деле задремала в седле.

Гитантас перехватил лидерство. Еще несколько миль, и он резко натянул поводья. — «Слышишь?»

Металлический лязг сражения ни с чем нельзя было спутать. Это должны были быть бандиты Грейдена. Кто еще бы забрел в Расселину?

Они продолжили движение медленнее. Были слышны крики и вопли, и за мшистым бугром они заметили мерцающий свет. Эльфам в их караване запретили зажигать огонь, чтобы не выдать их местоположение. До этого момента так же поступали и люди. Спешившись, Кериан велела Гитантасу подержать ее поводья, пока она взглянет поближе.

«Давай, я пойду», — настаивал он. — «Ты смертельно устала».

«Я недалеко».

По правде говоря, она хотела уберечь его от того, что могло ждать впереди. При всех своих разногласиях с ним, она старалась защитить Гитантаса, как и любого другого молодого воина под своим командованием. Короткая схватка с нежитью сильно потрясла его.

Кериан пригнулась к земле и двинулась в сторону изгиба прохода вправо. На западной стороне тропы была тянувшаяся до самого озера обширная трясина. Эльфы потеряли в ней двоих горожан из Бианоста, плюс коня, которого те безуспешно пытались спасти. Кериан обошла стороной край болота. Тропа слегка поднималась. Она практически легла и осторожно пробиралась вперед, чтобы заглянуть за гребень. Увиденная ей сцена была точно прямо из Бездны.

Чуть ниже ее находилась ложбина в виде чаши с небольшим озерцом стоячей воды. Разведанная эльфами твердая тропа огибала край чаши. Вокруг озерца выстроились несколько сотен бандитских солдат. Многие размахивали факелами и все орудовали пиками, но не атаку сильванестийской кавалерии они отражали. На них медленно, но неуклонно надвигалась толпа бледных полуобнаженных тел. Десятки трупов усеивали землю вокруг круга бандитов, некоторые — недавно убитые и окровавленные, другие — упокоившаяся, наконец, после убийства своей жертвы нежить. Перепуганные кони тихо ржали и били копытами. Некоторые из них провалились в болото на другой стороне тропы, и медленно погружались навстречу своей гибели. Они боролись изо всех сил, обнажив зубы, но у трясины была мертвая хватка. Рядом с гибнувшими животными валялись знамена и шлемы их всадников. Когда лошадь завязла, ее всадник пытался выбраться, и его засасывало. Они быстро тонули под весом своих доспехов.

Наступавший оживший мертвец, без руки, с лицом и грудью, обезображенными ударами мечей и стрел, крался спереди или сбоку, стараясь схватить живую жертву. В случае успеха, он оттаскивал свою добычу от остальных и цепкими руками наваливался на нее. Жертва вопила о помощи, но никто не осмеливался покинуть минимальную защиту круга. Если бы вскоре не прибыл Гатан Грейден, его авангард не пережил бы эту ночь.

Кериан отползла назад. Обернувшись, чтобы встать, она увидела нависшего над ней

мертвенно-бледного человека. Она сделала резкий вдох. Грязь заполняла рот человека и спутала его рыжую бороду. Оба глаза были залеплены грязью, но он безошибочно повернулся к Кериан, когда она откатилась в сторону. Ее рука нащупала рукоять меча, но она не стала доставать его. Оживший мертвец не напал, даже когда она была уязвима, лежа на земле. Она поднялась и проскользнула мимо него, не сводя глаз. Он вертелся, держась лицом к ней, но не нападал.

Подъехал Гитантас с лошадьми.

«Идем, командир! Приближаются новые!»

За Гитантасом тащились дюжины мертвых людей. Кериан нащупала стремя и вскочила на борт. — «Почему они не нападают на нас?» — удивилась она, когда они повернули коней прочь от ужасного места действия.

«Мы не люди».

Кериан с удивлением посмотрела на него. Скорее всего, он был прав. Чтобы ни двигало вернувшимися с того света, они явно старались убить только сородичей своего вида. Живые существа, вроде Кериан, Гитантаса и коней привлекали их, но смерть, которой они искали, не могла быть обретена с представителями другой расы.

Двое эльфов галопом уносились прочь. Двое оживших людей не двинулись с места, когда конь Гитантаса обрушился на них. Кериан слышала, как он прошептал «Простите меня», когда втаптывал в грязь бесчувственных тварей.

* * *

Держа длинный шест, Портиос вошел в реку. Он отодвигал в сторону толстые листья кувшинок и тыкал темную воду, нащупывая омуты и глубокую грязь. Позади него самозваное войско Кериан, четверо эльфов из Бианоста, победивших гигантскую змею, тянули двухколесную тележку. Когда Портиос нащупывал твердое дно, он указывал на это место, и эльфы волокли туда тележку. Каждые десять метров они втыкали в русло реки по обеим сторонам тележки шесты, обозначая проход для каравана.

Вода быстро поднялась до бедер. Она была ледяной и пробирала Портиоса до костей. Его зубы непроизвольно стучали, но, как и всякую любую другую боль в своем теле, он игнорировал озноб, методично продвигаясь вперед.

Они прошли больше половины пути, когда Портиос наступил на скользкий камень, который откатился под его ногой. Он с всплеском упал набок. Один из бианостских эльфов выпустил шест и нырнул за Портиосом.

На берегу, Эльхана и Чатендор видели, как упал Портиос, и как за ним прыгнул квалинестиец. Несколько секунд спустя элегантное меховое платье Эльханы полетело в лицо казначея.

Барахтаясь, чтобы поймать его, он воскликнул: «Леди! Вы не можете! Вы не должны!»

Но она уже исчезла. Эльхана бросилась в реку, держась размеченного шестами прохода. Добравшись до зада тележки, она аккуратно обогнула ее. Трое квалинестийцев цеплялись за шесты, сканируя перепуганными взглядами реку.

«Леди, осторожно! Здесь подводное течение!» — крикнул один из эльфов.

Поверхность реки в этом месте была свободна от кувшинок и двигалась спокойно, но стремительный поток дергал ее за ноги, пытаясь вывести из равновесия. Для переправы

через реку она надела квалинестийские леггинсы, и благословляла обеспечиваемую ими свободу передвижения, даже когда она скинула свою тунику длиной по бедра. Зашвырнув ее в тележку, она сильно задрожала, когда легкий ветерок подул на ее промокшее нижнее белье.

Трое квалинестийцев советовали ей не покидать надежную опору тележки. — «Повинуйтесь леди Кериансерай и лорду Самару», — сказала она и нырнула в черную воду.

Течение оказалось намного сильнее, чем она представляла себе. Оно стянуло с ее волос шарф и намотало его по всему телу, вдобавок к жуткой дезориентации плавания в темноте. Эльхана отчаянно била ногами. Когда ее голова вынырнула, она сделала глубокий вдох. Тележка была в двадцати метрах вверх по течению, и быстро удалялась. Она больше не могла нащупать дно.

Развернувшись, чтобы смотреть по течению, Эльхана заметила посреди потока валун. Она снова нырнула, и несколько мгновений спустя всплыла возле камня. За его сколькие бока цеплялся Портиос.

Поверхностное течение здесь было намного сильнее, но в несколько быстрых гребков Эльхана добралась до него.

«Ты всегда была отличным пловцом», — заикаясь, произнес он. Его зубы клацали со звуком, напоминавшим стук игральных костей в чашке.

«Где Робетан?» — спросила она. Он непонимающе посмотрел на нее. — «Один из квалинестийцев с тележкой. Он прыгнул вслед за тобой».

«Я никого не видел». — Он так сильно дрожал, что с трудом выдавливал слова.

«Ты продрог до мозга костей. Если не выберешься из воды, то умрешь».

Она обогнула Портиоса, разворачиваясь спиной к течению и еще сильнее прижимаясь к нему. Когда он принялся возражать, чтобы его касались, она резко велела ему заткнуться. Ему нужно было тепло.

Они услышали голоса на берегу, и Эльхана позвала. Портиос прижался лицом к валуну. Его дрожь уменьшилась, но дополнительное тепло не стоило закипавшего в его сердце ужасного стыда. Что Эльхане пришлось смертельно рисковать из-за него, что ей пришлось прикасаться, даже сквозь слои промокшей ткани, к отвратительному кошмару, бывшему его телом. Его шея еще сильнее согнулась, точно он пытался отгородиться от этого унижения. Затем Эльхана заговорила.

Эльхана знала, что это было нелепое место для излияния своих чувств. Они были по шею в стремительной ледяной реке, и она смотрела в затылок головы в маске, но Эльхана не знала, доживет ли кто из них, чтобы снова увидеть сушу, а она не могла умереть, не высказав ему, что было у нее на сердце. Так что она заговорила.

Она рассказала об их сыне, о боли и потере, которые она пережила. Она описала свою жизнь после того, как узнала о предположительной гибели Портиоса, как она никогда не сдавалась в своих поисках, хотя и начала думать, что все, что отыщет — лишь его останки.

«Я молилась, чтобы ты был жив», — сказала она, — «чтобы я могла отыскать тебя и рассказать все это. Чтобы я могла хотя бы в последний раз сказать тебе, муж, что я люблю тебя».

Он ничего не сказал. Эльхана думала, что он угасает, но не чувствовала страха. Холод не был таким сильным; она даже больше не дрожала. На самом деле, движение реки вокруг ее тела было приятным, успокаивающим. Слегка вздохнув, она положила голову ему на плечо и позволила себе расслабиться.

Портиос внезапно дернулся. Одна чахлая рука потянулась вверх по гладкому камню. Пальцы вытянулись. Казалось, там не за что было уцепиться, и все же как-то он нащупал опору. Он приказал своим замерзшим ногам двигаться и ухитрился просунуть пальцы ног в трещину под поверхностью. Он медленно вытянул себя из воды.

Течение прижало Эльхану к валуну, вытряхивая ее из летаргии. Она попыталась повторить его действия, но совсем не могла нащупать опору на скользком камне. Он протянул ей руку. С удивительной силой, Портиос вытащил свою жену из потока.

«Как ты это сделал?» — сказала она, тяжело дыша.

Вместо того, чтобы отодвинуться, Портиос обнял ее, и не только, чтобы помочь унять дрожь. — «Я не умру от воды. Огонь заявил на меня свои права, и в огне я однажды погибну».

Она откинула с глаз мокрые волосы и проворчала: «Нет. Ты просто слишком упрямый, чтобы умереть».

С берега звали голоса. Несмотря на запреты Портиоса показывать свет их врагам, на берегу реки вспыхнули факелы. Портиос и Эльхана звали, пока их спасатели не обнаружили их.

Эльфы образовали живую цепь от берега до валуна. Самар, крайний к камню, протягивал руки Эльхане, пока стоявший позади него эльф держал его за пояс. Эльхана взяла его за руку, и протянула другую Портиосу. Цепочка пятилась к берегу, пока, наконец, все не оказались на суше. У Чатендора наготове были одеяла и вино.

Портиос принял первое, но отказался от второго. Его первыми словами, когда он снова оказался на твердой земле, были: «Я велел никому не разжигать огонь, пока не покинем Налис Арен».

«Я приказала», — сказала Кериан, показываясь из тени с Гитантасом за спиной. — «Если тебе это не нравится, можешь отправляться обратно в реку».

«Ты выдашь нас врагам, а то и того хуже».

«Я видела сегодня ночью то, что хуже».

Она рассказала Портиосу и всем в зоне слышимости о встрече с воскресшими эльфами, обрисовывая наглядную картину ужасной цены, взысканной с армии Грейдена.

«Милость богов», — выдохнул Чатендор. — «Такой судьбы я бы никому не пожелал».

Портиос продолжил было спорить, но Кериан прервала его. Уперев руки в бедра, она резко спросила: «Для тебя что-то значат имена Кверинал, Робетан, Санал и Торис?» — Он покачал головой. — «Это эльфы, сопровождавшие тебя с тележкой в реке. Они погибли, все они».

Один за другим эти четверо оставляли тележку, пытаясь спасти Портиоса, Эльхану и друг друга. Никто не выжил в яростном подводном течении.

Эльхана тянула Кериан за руку, прося ее уйти. Кериан не двинулась с места. — «Предводитель, не ценящий жизни тех, кто за ним следует, никуда не годный предводитель», — жестко сказала она. — «Он — игрок, тасующий людей, словно жетоны на игровом столе!»

Самар, наконец, преуспел в том, что не удалось Эльхане. После провала попытки Портиоса пересечь реку, Самар выслал разведчиков вверх и вниз по течению, чтобы подыскать место для возможного брода. Он прервал спор, чтобы сообщить об их находках. Через две мили к югу был естественный мост, где скальная порода выступала над дном реки. Нижнюю часть украшал пятиметровый водопад, но верхняя часть была проходима, вода была

не больше тридцати сантиметров глубиной.

С огромным облегчением, Эльхана приказала, чтобы они немедленно отправлялись к этому естественному мосту. Портиос не возражал ей.

Чрезмерно усталый караван повернул на юг, двинувшись вдоль реки. Эльхана с Чатендором шли впереди. Самар с конными гвардейцами растянулись вдоль берега, а пешие гвардейцы медленно маршировали сзади. Затем шли эльфы из Бианоста, по-прежнему волоча на руках телеги и повозки. Раненых эльфов и тех, кто был слишком слаб, чтобы продолжать путь, уложили поверх драгоценных запасов оружия.

Последними, кто оставался, были Кериан с Гитантасом. Львица вглядывалась в черную воду, такую спокойную у поверхности, и такую смертоносную под ней. Кверинал, Робетан, Санал и Торис — она словно молитву повторяла про себя их имена. Четверо из многих, кто не дожил, чтобы увидеть конец путешествия. Если вообще кто-то из них доживет.

Последние скрипящие телеги скрылись за поворотом, и Гитантас намекнул, что и им пора.

«Все одно и то же», — сказала она.

Гитантас не спросил, что она имела в виду. Он прекрасно понял.

* * *

Граница между областью под влиянием Налис Арен и землей, лежавшей вне ее, при входе не выглядела столь явной. Тогда гнетущая атмосфера постепенно сгущалась над эльфами. На выходе же перемены были разительными. Преобладавший цвет ландшафта быстро сменился с черного на зеленый, и обессиленные эльфы начали идти быстрее. Пешие побросали оружие и посохи, ранцы и узлы, растолкали гвардейцев на лошадях и ринулись бежать. Эльфы, которые волокли телеги и повозки, побросали постромки и присоединились к празднику.

«Что с ними?» — спросил Самар.

Ехавшая рядом Эльхана ответила: «Они почувствовали запах дома».

Без ума от облегчения, квалинестийцы бросались на зелень, гладя траву и папоротники, точно это были тончайшие шелка. Слезы текли, оставляя полосы на грязных лицах. Осины, не выше двух метров высотой, едва не были затоптаны боготворящими их эльфами.

Даже Портиос не удержался. Он стоял в стороне от тропы, держа в руках ветку папоротника, снова и снова пропуская перистые зеленые листья сквозь пальцы в перчатках. Лишь Эльхана это видела, и она улыбалась. Уступая неизбежному, она подала команду остановиться. Так как все, кроме ее гвардейцев, и так уже остановились, никто не возражал.

Свободно текущий неглубокий ручей послужил им купелью. Эльфы по очереди спускались в него, чтобы смыть грязь Налис Арен. Стоя у ручья, Кериан на некотором расстоянии заметила незнакомого кагонестийца среди деревьев. Никто из других купающихся не видел его, пока Кериан не указала на него. Спустя несколько минут, он скрылся.

«Мне пойти за ним?» — спросил Гитантас.

«Зачем? Ты никогда его не поймаешь». — Кериан выжала себе на лицо воду с тряпки. Бегущая по коже свежая чистая вода было лучшим ощущением в мире.

Раздался *тонк-тонк-тонк* тыквенного барабана лесных жителей. Местные

кагонестийцы вешали большие высушенные тыквы на рамы и стучали по ним молотками из твердой древесины, чтобы посылать сообщения на дальние дистанции. Этот непрерывный шум не успокаивал чужаков. Самар выставил конные патрули вокруг каравана. Портиос скользнул в лес.

Барабанный стук исчез через два часа. Прежде чем эльфы успели насладиться тишиной, из-за деревьев вышел отряд вооруженных кагонестийцев. Гвардейцы Самара приготовились к атаке, но Кериан дала им отбой.

«Вы не узнаете наших Бессмертных?» — сказала она, используя прозвище, которым наградили этих кагонестийцев добровольцы из Бианоста.

Наларин с остальными членами своего клана приближались легкой трусцой. Они выглядели здоровыми и отдохнувшими, резко контрастируя со своими изможденными товарищами из каравана.

Кериан схватила руку Наларина, и восторженно поприветствовала его.

Наларин пожал ее руку. — «Вас меньше», — сказал он. — «Черное озеро забрало жизни».

Барабаны сказали Наларину о прибытии каравана. Когда он со своим отрядом шли воссоединиться с ним, по пути повстречали Портиоса. — «Великий Лорд остается в лесу, чтобы очистить душу от черного озера», — добавил Наларин.

Эльхана вышла вперед поприветствовать кагонестийца. — «Ваш поиск был успешным?» — спросила она.

«Да, был».

Эльхана резко выдохнула. — «Рассказывай!»

Кагонестийцы видели летавших над Красными Скалами грифонов, целых сорок в воздухе одновременно. Наларин также доложил об отсутствии следов присутствия эльфов или людей. — «Много, много дней никто не ходил там».

Эльхана была готова выступать немедленно. Однако она быстро поняла, что ей нужно умерить свой энтузиазм. Эльфы из Бианоста нуждались в отдыхе. Даже ее собственным гвардейцам и их немногим коням требовалась передышка. Наларин спросил о погоне, но Кериан покачала головой. Проблемы врагов были хуже их собственных.

Обнаружение грифонов положило конец разговорам Гитантаса об уходе и всяким мыслям о нападении на удерживавшийся бандитами город Мереклар. Они должны со всей возможной скоростью двигаться к Красным Скалам.

Выбор маршрута был непростым. Самым безопасным было бы оставаться в лесу, и Наларин мог быть гидом для каравана, но Эльхана склонялась к более смелому решению. Дорога была прямее, и по ней было бы легче идти, чем трястись через лес. На этой дороге лежал Мереклар, но почему бы не обойти его под покровом темноты? Гатан Грейден увел своих бандитов, чтобы преследовать эльфов. Несомненно, он не ожидал, что повстанцы вернутся и пройдут прямо под носом у своих врагов.

Кериан с удивлением посмотрела на Эльхану, и сильванестийская королева пошутила: «План, достойный Львицы, не так ли?»

Усталость и безграничное облегчение от оставления Налис Арен позади, породили неосторожность. План Эльханы встретил единогласную поддержку. Караван проследует старой квалинестийской большой дорогой мимо Мереклара, направляясь к Красным Скалам и грифонам.

«Нужно сказать Орексасу?» — спросил Самар.

Эльхана ответила: «Нет необходимости», — как раз когда Кериан воскликнула, — «Нет!» Эльхана была уверена, что Портиос одобрил бы план. А Львицу не волновало, что он о нем думает.

Они провели ночь в низине вне тени Налис Арен. На рассвете следующего дня караван двинулся. Кагонестийские Бессмертные ушли последними. К тому времени не осталось никаких следов эльфов и их громоздкого обоза.

* * *

Британ Эверайд начала чувствовать, что сделала ужасную ошибку. Они с сержантом Джералундом больше недели обыскивали территорию между Мерекларом и Налис Арен, ища армию повстанцев. Они не обнаружили ничего. Из штаба лорда Гатана пришла весть о несчастье в районе озера, которое никак не было связано с эльфами. Десятки солдат погибли из-за пагубного влияния миазмов озера, чтобы потом подняться из могил в виде нежити и убить своих бывших товарищей. Гатан поспешно скомандовал отход, уверенный, что эльфы, которых он искал, были уничтожены тем же самым врагом.

Не найдя и следа эльфов, Британ задумалась, не прав ли был Гатан. Джералунд старался поддержать ее слабеющий дух.

«Я большую часть жизни охотился на и дрался с эльфами», — сказал он. — «Они не подчиняются тем же законам, что люди. То, что вызывает у людей тошноту и овладевает их телами, может не оказать на эльфов никакого влияния. Я уверен, что повстанцы появятся».

Тем не менее, Британ не могла отделаться от чувства, что ошиблась, и сильно. Сказать по правде, ее карьера как Темного Рыцаря была окончена. Оставался лишь один почетный выход: смерть от своей собственной руки.

А затем сержант сделал открытие.

Он обнаружил обрывки грязной коричневой ткани на ветках боярышника, словно развешенные сушиться. Запах напоминал сильную вонь гниения, которая должна была исходить от Озера Смерти.

«Пугало кутается в лохмотья вроде этих», — сказала Британ, смея надеяться. Джералунд спешился и пробрался сквозь подлесок.

«Леди! Следы!»

Это были мягкие отпечатки, оставленные ногами в тряпье, более узкими, чем людские. Этой дорогой прошли эльфы.

Прикрывая глаза от заходящего солнца, Британ задумчиво сказала: «Направляются на запад. Но куда?»

«В Мереклар?» — предположил Джералунд.

Посланник Ордена в Мерекларе делал такое предположение, но Британ все еще отвергала эту идею. Следы были оставлены после последнего дождя, шесть дней назад. До Мереклара лишь восемь миль. За шесть дней, эльфы могли покрыть это расстояние и снова вернуться, к тому же, на город не нападали. Если Мереклар не был их целью, то, возможно, это было что-то лежавшее за ним?

Джералунд пожал плечами, — «Леди, за ним мало чего есть. Лес, несколько небольших перекрестков и горы».

Он пробрался сквозь кустарник, находя новые следы одинокого эльфа. Несомненно,

этот парень направлялся на запад. Как и заметил Джералунд, не было способа узнать, были ли оставлены эти следы одним из повстанцев, которых они искали. Одинокий эльф мог быть всего лишь охотящимся кагонестийцем.

Совершенно верно, согласилась Британ. И, тем не менее, у них не было иной подсказки для расследования. Они пойдут по следам. Если повстанцы вышли из Озера Смерти, они должны быть больными и уставшими. Несколько дней скачки на запад покажут, на правильном ли пути Британ.

Кроме необходимости выполнить свое поручение (и не опозорить своего благородного отца), она начинала ощущать возбуждение погони. Этот Чучело был прекрасной дичью для охоты. Он будет ее.

18

Адала сидела на маленьком коврике, укрытая от жаркого солнца выцветшим квадратом хлопка. Она сжимала в руке трость и отстукивала ей по ноге быстрый регулярный ритм. Обычно она пользовалась этой тростью, чтобы понукать Маленькую Колючку. В данный момент ей хотелось воспользоваться ей по всему своему народу.

Сразу после рассвета примчался патруль всадников Микку, лепеча непостижимые новости. *Лэддэд* исчезли! Широкая полоса утоптанного песка вела прочь от Резца и Сломанного Зуба. Всадники направились исследовать эти два плато. Первый отряд без сопротивления поднялся на Резец. Они обнаружили лишь брошенный мусор. Пытавшийся забраться на Сломанный Зуб отряд был встречен градом стрел и камней. Кочевники отступили и отправились узнать суждение Маиты о странной ситуации.

Прибыли, спешились и сняли широкополые шляпы в знак уважения к Адале вожди и военачальники. Резец был пуст, сказали они ей. Следы вели прочь от Сломанного Зуба, и соединялись с шедшими от Резца. *Лэддэд* явно покинули оба плато, тогда кто остался на Сломанном Зубе?

Адала резко заставила их всех замолчать. — «Это ясно, как полуночное небо», — сказала она и воткнула трость в песок, точно копье в плоть *лэддэд*. — «Они ускользнули, оставив некоторое количество, чтобы обмануть нас».

Вождь Тондун поднял руки. — «Но как, Маита? Наши ночные патрули ничего не видели и не слышали! Как могли так много сбежать, оставаясь незамеченными?»

«Снова грязная магия или предательство».

Несмотря на все перемены в мире, кочевники никогда не теряли веру в и уважение к магии. Но сильнее всего вождей расстроило ее упоминание о предательстве. Они заговорили все разом, громогласно отрицая, что кто-то из детей пустыни мог предать свой народ.

«Тише», — сказала Адала, и они замолчали. — «Мы поедем за убегающими *лэддэд*, и на этот раз пощады не будет. Я была слишком мягкой, слишком великодушной», — вожди обменялись взглядами, — «но больше не буду. Время мягкости прошло. Пусть сегодня каждый воин несет два меча».

Вожди и военачальники торжественно поклялись повиноваться. Нести два меча было приказом с особенно зловещим смыслом. Кочевники брали в бой свой лучший меч, оставляя запасной в палатке. Если меч ломался или терялся, честь предписывала, чтобы он ехал обратно к своей палатке, доставал второй клинок и возвращался в сражение. Нести оба меча, означало, что воины будут сражаться, пока смерть не заберет их.

«Вейя-Лу не идут с нами», — объявила Адала. — «Они останутся здесь и будут штурмовать Сломанный Зуб».

Военачальники глубокомысленно кивнули. Было бы неразумно преследовать одного врага и оставлять в покое другого за спиной. Адала для своего собственного племени оставила трудную задачу штурма крутой вершины и сокрушения оставшихся защитников.

Люди галопом унеслись прочь. С Адалой остался лишь военачальник Вейя-Лу, Ялмук. Он был новичком, сменившим несдержанного Биндаса, погибшего в бою на Малом Клыке. Биндас был молод; Ялмуку же едва исполнилось двадцать. Как почти все в племени, он был дальним родственником Адалы.

Она жестом велела ему сесть. Ялмук присел на корточки с бескостным изяществом

молодости. Адала вытащила из земли трость и нарисовала на песке бессмысленный рисунок. — «Есть какие-нибудь вести о Вапе?» — спросила она.

«Нет, Маита». — Он дернул головой, отбрасывая с глаз длинные волосы. — «Его как будто ветром унесло».

Она размышляла над этим. С Вапой могло приключиться какое-то несчастье. Их окружали опасности, и ничья жизнь не была в безопасности. С другой стороны, болтливый Вапа был хозяином пустыни. Он знал ее изменчивый характер, знал многие опасности, которые таились в ее непроторенных просторах. После того, как им овладел Оракул Дерева, он стал другим, не столь словоохотливым и — что было очевидно только для Адалы — его верная поддержка ее и ее *маиты* пошла на убыль. Не совратил ли вмешавшийся дух его прочь с истинного пути их народа? Ей не нравилось так думать.

Ялмук был не столь деликатен. — «Лишь человек, который хочет исчезнуть, исчезает так бесследно», — сказал он. Несмотря на ее холодный прием его слов, он не отступал. — «Маита, Вапа знал пустыню, как никто другой. Он мог провести *лэддэд* в обход наших патрулей».

Адала уставилась в так похожие на Вапины серые глаза. — «У тебя нет доказательств этого!» — резко сказала она.

Он в знак уважения прикрыл лицо руками. — «Это правда. Прошу прощения, Маита, и снимаю поклеп с твоего благородного кузена».

И твоего кузена тоже, закипая, подумала про себя Адала. Несмотря на эти слова, по тону Ялмука было ясно, что он по-прежнему считает, что Вапа предал их. Ялмук был свирепым бойцом, но Адала не любила его и его семью. Так много Вейя-Лу выше его по старшинству пали, что он оказался выше всех остальных воинов племени по рангу. С двойным удовольствием она отдала ему следующий приказ.

«Возьми Вейя-Лу и штурмуй Сломанный Зуб. Я хочу, чтобы эта скала была сегодня же очищена от чужеземной заразы».

«Я не пощажу никого!»

«Пощади всех, кого схватишь», — возразила она. — «Я хочу узнать, куда исчез их народ».

Большая масса воинов отбыла, следуя по пятам бегущих *лэддэд*. Ялмук ехал практически через пустой лагерь, чтобы присоединиться к Вейя-Лу.

Военное счастье тяжело сказалось на племени Адалы. Не больше трех сотен бойцов собрались в центре лагеря, и практически у всех были повязки на головах, плечах и руках. У большинства были типичные для кочевников темные глаза, но среди них встречались около дюжины сероглазых. При приближении Ялмука, Вейя-Лу подняли мечи в обеих руках, показывая, что они вооружились, как приказала их Маита.

«Кузены и братья!» — Объявил Ялмук. — «Нам оказана великая честь — вернуть последнюю из наших древних гор из рук чужеземных захватчиков! Мы едем очистить Сломанный Зуб!»

Его заявление встретили пылкими криками одобрения. Эти люди потеряли свои семьи во время ночной резни в лагере Вейя-Лу. Как и сама Адала, они считали, что это воины *лэддэд* убили их жен, родителей и детей. В их сердцах так ярко пылало пламя мести, что его даже не могла затмить жажда жизни.

Ялмук разделил свой отряд на три равные части. Первая часть объедет Сломанный Зуб и атакует по северной тропе. Вторая, которую поведет сам Ялмук, будет штурмовать юго-

восточную тропу, единственную, имевшую достаточную ширину для подъема лошадей в ряд. Оставшаяся группа будет ждать на полпути между двумя другими, чтобы усилить ту, которая явно добьется успеха.

«Мы атакуем в полдень», — сказал Ялмук. Через час, самое горячее время дня будет удачным для кочевников пустыни и неудачным для мягкокожих чужеземцев.

Они поехали, распевая военную песнь Вейя-Лу:

Меч к мечу, мы едем на битву,
Меч к мечу, мы встречаем врага.
Меч к мечу, мы сражаемся и умираем,
Меч к мечу, наша слава растет.

Наверху Сломанного Зуба Планчет слышал их. Он ожидал атаки, даже после того, как видел, что основная масса армии кочевников уходит по следам убегавших эльфов. Из-за ветра, швырявшего ему в лицо поднятую ими пыль, было тяжело разглядеть, сколько кочевников приближались. Судя по громогласному хору, их должно было быть несколько сотен.

Он стоял наверху каменной сигнальной башни. Под ним выстроились его две сотни защитников. На них были шлемы и нагрудники, чей дизайн не сильно изменился со времен Кит-Канана. У каждого эльфа были меч, копье и лук, хотя стрел было очень мало. Планчет настоял, чтобы Беседующий взял с собой большую часть их сократившихся запасов.

Лежавшие на правом плече каждого бойца копья были странным трагичным символом, снова напомнившим Планчету об учиненном по отношению к этим эльфам зверстве. Немногие могли пользоваться левыми руками, а у некоторых были ранены и другие конечности. И тем не менее, все, не колеблясь, вызвались добровольцами на последнюю битву. Он видел квалинестийцев, сильванестийцев и полдюжины кагонестийцев, татуировки на их лицах стали практически не видны под темным загаром кхурского солнца.

Он глубоко вдохнул. — «Воины, я отдаю вам честь!» — объявил он. — «Враг приближается. По местам, как мы планировали».

Упорядоченные шеренги рассыпались. Шестьдесят эльфов рысцой пустились по неровному плато к северной тропе. Планчет ожидал атаки с двух сторон, с самым мощным ударом с севера. Он выделил шестьдесят самых сильных своих воинов для защиты той тропы.

Он повел оставшиеся свои силы к юго-восточной тропе. Сердце разрывалось при виде того, как многие едва могли идти, не то, что сражаться. Но они безупречно сыграли свою роль, удерживая здесь кочевников, позволяя спастись Беседующему и своему народу. У них оставался один последний дар, продать свои жизни как можно дороже.

Всю ночь они сволакивали камни на вершину тропы, возводя поперек нее зигзагообразную стену высотой по пояс. Перед этим барьером в землю воткнули должным образом заточенные колья палаток. Если кочевники попробуют взять эльфов наскоком, их ждет неприятный сюрприз.

Словно медленная неминуемость смерти, колонна пустынной пыли приближалась и приближалась. От основного облака отделились два столба и заструились вокруг подножья пика, неумолимо направляясь к северной тропе.

Планчет кивнул. Как он и ожидал.

На юго-восточной тропе послышался грохот копыт. Звук становился все громче, а затем внезапно стих. Отмечавший продвижение кочевников предательский столб пыли рассеялся, воздух очистился непрерывно дувшим ветром. Солдаты Планчета, не говоря ни слова, подняли мечи и копья.

«На ста метрах лучникам натянуть луки и стрелять», — сказал Планчет. Его спокойный голос с удивительной четкостью разнесся над пустой вершиной горы.

Из-за поворота тропы послышался крик, издаваемый глотками сотен Вейя-Лу. Он, сперва, был низким, а затем поднялся до пронзительного вопля.

«Приготовиться встретить кавалерию!»

Копья были опущены до высоты бедер и зафиксированы в этом положении. Ветер сменил направление, завиваясь вокруг Сломанного Зуба и принося с собой облако жалящего песка. Кочевники снова двинулись, атакуя по крутой тропе врага, которого не видели, но знали, что он здесь.

Пока он ждал их, неожиданно в голове Планчета вспыхнуло воспоминание: Квалиност летней ночью. Вид из его комнаты на дворец Беседующего был зеленым и чрезвычайно мирным. Раскинувшийся у него под окном город освещался тысячами желтых ламп и облаками привлеченных этими огнями мерцающих светлячков.

Показались кочевники, вылетая во весь опор из-за последнего изгиба. Тропа была достаточно широкой для пяти всадников в ряд, и кхурцы так и скакали галопом, колено к колену, визжа, словно твари из Бездны.

«Приготовиться!» — скомандовал Планчет. Немногочисленные лучники подняли к небу наконечники стрел. — «Огонь!»

Многие стрелы полетели недалеко. Раненые руки эльфов не смогли натянуть и удержать их должным образом. Планчет крикнул стрелять по готовности, и новые стрелы пронеслись сквозь голову вражеской колонны. Седла опустели, и упавших кочевников растаптывали несущиеся во весь опор их товарищи, не имевшие пространства для маневра. В подобных условиях, если всадник не мог держаться в седле, даже легкая рана могла оказаться смертельной.

Планчет вытащил меч и стал в ряд со своими воинами. Стрелы так низко щелкали у них над головами, что они ощущали ветерок от их пролета. Перед эльфами разворачивалась внушающая страх панорама: несущиеся кони в цветной пустынной сбруе, бока покрыты пеной, зубы обнажены. Их всадники были не менее грозными, с высоко поднятыми мечами, светлыми зубами на фоне темных бород и грудными криками, сливавшимися с пронзительным ржанием коней и грохотом копыт.

Всадники врезались в строй эльфов, и он тотчас отступил, но передние ряды всадников попадали, точно скошенные. Следующие всадники направили своих тощих пони перепрыгивать через упавших, чтобы приземлиться позади эльфов. Левая и правая половина шеренги эльфов немедленно разделились, образуя плотные квадраты против всадников.

Ялмук был воодушевлен. Первой же атакой он разбил *лэддэд*, чего его люди прежде никогда не делали. Он велел возобновить атаку на небольшие группы вражеских воинов. В то же самое время, он приказал немедленно вызвать резервную сотню, чтобы развить успех.

Левый квадрат эльфов дважды отбрасывал кочевников. Большинство лучников оказались в этом квадрате, и они наносили чудовищный урон целям, находящимся практически на расстоянии вытянутой руки. Вооруженные копьями и мечами эльфы были в отчаянном положении. Их топтали разъяренные кони, рубили мечи кочевников, они не

могли защищаться достаточно быстро, и их силы быстро сокращались.

Правый квадрат, в котором сражался Планчет, начал отступать, что всегда опасно, когда находишься под атакой. Говоря с невозмутимым спокойствием, Планчет вел их назад через плато на постепенно возвышающееся место. Их сомкнутые щиты, ощетинившиеся копьями, сдержали три мощные атаки. К этому времени Планчет оказался возле каменной сигнальной башни. Он образовал из своих бойцов плотное кольцо вокруг этой груды булыжника. Каждый раз, когда падал очередной эльф, кольцо сжималось, становясь компактнее и компактнее.

На северной стороне Сломанного Зуба шестьдесят самых сильных из покалеченных эльфов устроили засаду на кочевников, пытавшихся тайком пробраться на вершину. Они скатили большие камни вниз по тропе (такой узкой в этом месте, что кочевникам пришлось двигаться по одному) и ударили по всадникам с верхних выступов. Вейя-Лу пришлось отступить, спешиться и вернуться обратно на тропу уже пешими. Бой перерос в рукопашную схватку, когда кочевники перелезли через валуны и уступы, чтобы добраться до своих врагов. Превосходящая численность и лучшее состояние здоровья кочевников сделали свое дело: эльфы начали отступать. Они видели, окруживший сторожевую башню отряд Планчета, так что направились к этой последней оборонительной позиции.

Ялмук не смог предотвратить, чтобы северный отряд *лэддэд* усилил осажденных у каменной башни. Его лейтенанты радостно встретили такое развитие событий, говоря, что заперли всех врагов в одном месте. Ялмук нахмурился и сплюнул кровь в пыль. Он хотел, чтобы сражение закончилось. Где его резерв? К этому времени они должны уже были прибыть!

Они наконец появились, двигаясь неспешным шагом по юго-восточной тропе. Ялмук вонзил пятки в бока своего скакуна и налетел на них, кляня их предков и потомков, браня за неторопливость. Он построил их в плотную колонну по четыре в ряд. Пока его уставшие воины занимали *лэддэд*, Ялмук приготовился раз и навсегда сокрушить оккупантов своим свежим резервом.

Стоя на нижней ступени башни, Планчет делал все, что было в его силах, чтобы управлять своим слабеющим отрядом. Он переместил самых сильных воинов в проблемные места, прикрыл слабых и раненых бойцов и отразил все попытки кочевников разорвать круг.

На поле боя упала тень. Планчет улучил момент, чтобы посмотреть в небо. Рядом с горами к северу от Зубов Льва образовался квартет свинцовых туч. Они плыли на юг и сливались над Сломанным Зубом. Интересно, подумал Планчет, может, и в самом деле пойдет дождь.

Его осажденные воины вскрикнули. Планчет увидел, как предводитель кочевников медленно расчистил проход между своими ведущими бой воинами, открывая путь для финальной атаки своего резерва.

Сейчас мы умрем, подумал Планчет.

* * *

Фаваронас был уверен, что никто за бессчетные века не проникал так глубоко в Инас-Вакенти. Пейзаж вокруг был нетронутым, как сады на картине. Каждый шаг ломал корку плесени, которую веками никто не нарушал, что означало, что он, и даже легконогий Робин,

оставляли четкий след. Их преследуемая добыча, Фитерус, совсем не оставил отпечатков. И, тем не менее, Робин следовал за ним. Фаваронас не видел ни малейших следов, но странный кагонестиец упрямо шел вперед, не колеблясь, будто связанный со своей добычей нитью. Робин с одинаковой скоростью передвигался в темноте и днем.

Они прошли сквозь фруктовые сады фиговых деревьев и лесных яблонь, но на деревьях не росли и на земле не гнили фрукты. Без опыляющих их пчел деревья могли цвести, но не давали фруктов.

Они оставили позади ровное дно долины, ступив на постепенно возвышающуюся местность в восточной части Инас-Вакенти. Дорога пошла вверх, и Робин вырвался вперед своего более слабого спутника. Фаваронас время от времени прислонялся к близлежащему валуну, чтобы передохнуть. Его тело оставляло на бледном камне темные полосы пота.

Над ними были отчетливо видны склоны горы Ракарис. Ее бока были террасными, нижняя ступень находилась на высоте около ста пятидесяти метров над дном долины. Из того, что рассказал ему Фаваронас, и по направлению движения Фитеруса, Робин сделал вывод, что она и являлась целью Фитеруса.

Охотник рассказал немного Фаваронасу об их добыче — как Фитерус был королевским магом у нескольких кхурских ханов и был ответственен за призыв песчаного зверя, который устроил в долине такое опустошение среди воинов Львицы. Фаваронас начал опасаться, что случится, если волшебник преуспеет в достижении склона горы. Если Фитерус сделает вывод о значении этих камней и выпустит силы долины, их жизни, скорее всего, закончатся тем же, чем вся живая жизнь в Инас-Вакенти.

«Приветствую, друг мой».

Фаваронас вздрогнул. Он соскользнул с валуна и с такой силой приземлился на пятую точку, что его зубы клацнули. Пообтрепавшийся маг стоял над ним.

«Не похоже, чтобы ты был рад меня видеть», — спокойно произнес Фитерус.

«Нет, я рад — просто не привык лазить по горам».

Капюшон отвернулся, глядя вперед. — «У твоего спутника нет с этим проблем. Кто он?» — Испуганный архивариус не ответил, и капюшон снова повернулся к нему. Фитерус повторил вопрос более убедительно.

«Робин», — прошептал Фаваронас. — «Нанятый Сахим-Ханом охотник за головами».

Фитерус снял свой заплечный мешок. Когда мешок коснулся земли, он начал извиваться. Фаваронас попятился от него.

«Я разберусь с этим охотником за головами», — сказал Фитерус. — «Мне интересно, как он смог выследить меня? Он использовал какие-либо необычные инструменты, может, амулет, особый камень, палочку?» — Архивариус покачал головой. Он не упомянул о странных цветных очках Робина.

Маг пожал плечами. — «Неважно. Выясню позже».

Фаваронас не спросил, что он имел в виду. Он боялся услышать ответ Фитеруса.

Маг опустился на колено возле кожаного мешка, который по-прежнему шевелился. — «Я тоже принес провизию в эту бесплодную долину. Но моя еда должна быть свежей».

Он развязал завязки и вытащил из мешка большую горлицу. Пока он подносил птицу головой вперед к передней части капюшона, Фаваронас с трудом сглотнул и отвернулся. К несчастью, он слышал отвратительный хруст. У его ног упала обезглавленная бескровная птица. Фаваронас резко отдернул их, обнимая руками задранные вверх колени.

«Я думал, мы коллеги», — с ледяным сарказмом сказал Фитерус. Архивариус не

поднимал глаз. — «За твое вероломство, мне следует поступить с тобой, как с этой птицей. Но я не сделаю этого. Кульминация моего грандиозного замысла требует летописца. Может, ты и жалкий образчик, но ты единственный летописец, которого мне, скорее всего, удастся найти».

Несколько маленьких камушков тонкой струйкой потекли по склону мимо валуна, под которым съежился Фаваронас. Фитерус немедленно насторожился.

«Ничего не говори о том, что видел меня. Летописец может исправно писать и с одной рукой или глазом».

Маг исчез. Его серо-коричневая фигура в мантии растаяла, а следы разгладились. Безголовая горлица, как и разбрызганная вокруг нее кровь, исчезла так же полностью, как и маг.

Легким размашистым шагом по склону спустился Робин, остановившись в том месте, где стоял Фитерус. Видя, что Фаваронас дрожит возле валуна, Робин спросил, не заболел ли тот.

«Слишком быстрый шаг», — заикаясь, произнес Фаваронас, надеясь, что голос не выдаст его. — «Мне нужно было передохнуть».

Робин протянул руку. — «Идем. Я хочу к закату добраться до первого плато».

Подняв на ноги перепуганного Фаваронаса, Робин поднял черную бровь. — «Твоя рука холодна, хотя ты весь вспотел. Что тревожит тебя, ученый?»

Фаваронас страстно желал рассказать все Робину, но угрозы Фитеруса все еще звенели у него в ушах. Он выдавил жалкую улыбку и положил руку на живот. — «Слишком много корешков и орехов».

Единственное, что не исчезло вместе с Фитерусом, был дорожный посох мага. Робин подобрал толстую ветку дерева и протянул ее Фаваронасу.

«Вот эта подходящей длины. Возможно, она поможет тебе совершить подъем».

Архивариус попытался было отказаться, но Робин настоял, так что он взял палку и продолжил изнурительный подъем. Вскоре он заметил, что Робин не следует за ним. На самом деле, охотник за головами присел на корточки и изучал землю возле валуна. Фаваронас представил, что предательские следы присутствия Фитеруса точно маяки видны хитрому охотнику.

Опустив голову, Фаваронас молча поплелся вверх по склону.

*** * ***

Над Кхури-Ханом прокатился гром и заставил задрожать строения из песчаника. Этот звук был столь редким, что кхурцы по всему городу замерли и посмотрели в небо. В Кхури-Хане много месяцев не шел дождь.

На обдуваемой ветром площадке наверху Кхури-ил-Нора, королевского дворца, принц Шоббат счел этот звук не изумительным, а болезненным и пугающим. С каждым проходившим днем, его нервы сдавали все сильнее. Громкие звуки угнетали его, яркий свет пылал сквозь его закрытые веки, а повседневные запахи вызывали у него неожиданные приступы отвращения или наслаждения. Четырьмя днями ранее, ему пришлось раньше уйти со встречи, потому что от запаха жареного ягненка ему стало плохо.

Та встреча была жизненно важной, тайное свидание с тремя объявленными вне закона

жрецами Торгана. Торганцы давно ненавидели Сахима за его тиранию, за его недостаточное почтение к их богу и за то чужеземную заразу *лэддэд*, которую он впустил в Кхур.

Жрецы предложили вывести на улицы Кхури-Хана семьсот фанатиков, когда те понадобятся Шоббату. Если потребуется, они подожгут и разгромят сууки. Этот мятеж станет первым этапом плана Шоббата по свержению своего отца, Сахим-Хана. Когда городской гарнизон выйдет, чтобы подавить беспорядки, Шоббат впустит во дворец специальный отряд торганцев. Каждый член этого отряда был обученным наемным убийцей, вызвавшимся добровольцем, чтобы убить отца Шоббата.

Шоббат со жрецами обсуждали, как лучше удовлетворить кровожадность этих свирепых воинов — может, им следует тянуть жребий, чтобы определить, кому выпадет честь убить Сахима? — когда носа Сахима коснулся тянувшийся из таверны внизу аромат жареного ягненка. На волоске от того, чтобы его вырвало, принц бежал, оставив изумленных жрецов гадать о его искренности и его рассудке.

Шоббат хотел, чтобы его отец умер. Его искренность, как говорят мудрецы, была абсолютной. Что же до его рассудка, в этом даже сам принц больше не был уверен.

Хуже, чем чувствительность к свету, запахам и звукам, были странные видения наяву. Цвета становились ярче и ярче, пока, казалось, не начинали вибрировать в своей собственной гармонии. Каждое пламя свечи каждый огонь, каждый факел окружала радужная аура. Люди и животные оставляли видимые облака запаха, струившиеся за ними при ходьбе, или вращавшиеся вокруг них, словно легкий ветерок. Без предупреждения, любой из этих запахов мог приобрести мучительную интенсивность.

Солнце зашло, принеся полумрак на площадку на крыше. На востоке, сумерки превратили море в гладкое серо-синее зеркало. Беззвучные вспышки света озаряли далекие северо-восточные горы. С каждой вспышкой Шоббат вздрагивал, словно по его спине хлестали плетью.

Голоса со ступеней внизу сообщили о приближении Сахим-Хана и его свиты. Шоббат запаниковал. Его не должны были видеть в его текущем состоянии, но здесь негде было спрятаться. За ограждением высотой по пояс у него за спиной был отвесный обрыв до морского берега. В шестидесяти метрах внизу море билось и пенилось о валуны размером с дом.

Верхнюю часть лестницы озарил свет, свет фонарей, которые несли слуги Сахима. Шоббат прижался спиной к перилам и в панике застыл.

Сахим спорил с новым неракским эмиссаром, лордом Кондорталом.

«Неважно, чего хочет Нерака!» — рявкнул Сахим. — «Я не отправлю за *лэддэд* свою армию!»

«У нас было взаимопонимание». — Кондортал был очень высоким человеком, лысым, но с густыми бровями и еще более густыми бакенбардами цвета полированного ореха. Он все время говорил только громко, и эта особенность не добавляла Сахим-Хану любви к нему.

Суверена Кхура сопровождали Хаккам, генерал его армий, шестеро стражников, четверо слуг и два советника. У неракского эмиссара были свои собственные подозрительно мускулистые «советники». Когда несшие фонари двое слуг обернулись, чтобы осветить своему монарху путь на площадку, они испустили двойной крик.

«Великий Каргат! Что это?» — воскликнул Сахим-Хан.

Рядом с ограждением прижалось к полу лоснящееся выглядевшее сильным животное. Полутора метров в длину, не считая пушистого хвоста, оно было покрыто красно-

коричневым мехом, имело заостренные уши, короткий нос и огромные карие глаза. Из черных губ торчали кремового цвета клыки.

Шестеро солдат встали между зверем и ханом. По приказу сержанта, один из них метнул алебарду, но алебарда — слишком грубый метательный снаряд, и оружие пролетело мимо цели. Сержант приказал принести арбалеты. Животное пристально посмотрело на людей, точно поняло смысл этих слов. Оно глухо зарычало. Сбив с ног солдата, оно галопом пересекло площадку и перепрыгнуло через стену.

«Полагаю, чей-то домашний любимец?» — сухо произнес лорд Кондортал.

«Не у меня во дворце!»

Стражники подбежали к месту, откуда прыгнул зверь. Обрыв был глубиной девять метров до плоских крыш домашних жилищ Кхури ил Нора, но, должно быть, это существо выжило после прыжка, так как не было видно никаких его следов среди медных дымоходов и открытых люков.

«Что это было?» — спросил Сахим.

У его людей не было ответа. Кондортал обменялся нечитаемыми взглядами со своими подчиненными. — «Некоторые зовут их росомахами или рыжими медведями», — сказал он. — «В нашей стране их знают как королевских куниц, хотя я прежде никогда не видел такой большой, как эта. У вас в Кхуре нет их?»

«Точно нет». — Сахим плотнее запахнул на груди свою темно-красную с позолотой мантию. Под шелком он носил кольчужную рубашку, но железные звенья казались прискорбно недостаточными для десятисантиметровых клыков такого зверя. При виде полнейшей безумной ненависти в его глазах более слабый человек бы вздрогнул. Сахим-Хан не дрожал; он действовал.

«Генерал, выследите и убейте этого зверя. Принесите мне его безжизненную тушу».

Хаккам повернулся, чтобы уйти, но голос его монарха остановил его. — «Хаккам, используй королевские полки, не просто дворцовую стражу. Раздайте арбалеты и пики. Я хочу, чтобы он было мертво сегодня ночью!»

Генерал поклонился и ушел, смятение в душе не отражалось на его лице. Хан был явно напуган, но почему? Это существо было странно выглядевшим зверем, но, скорее всего, пришло на берег моря в поисках пищи, и каким-то образом очутилось здесь. Зачем такая тяжелая рука, чтобы убить одно животное?

19

План Эльханы оказался потрясающе успешным. Эльфийский караван прошел мимо удерживавшегося бандитами города Мереклара, не выдав никому своего присутствия. Подъем на Красные Скалы не был легким, но, после ужасов Налис Арен, физические усилия на чистом прохладном воздухе казались почти освежающими.

Высоко на вершине скалистой местности, где отряд Наларина видел грифонов в полете, Портиос обнаружил подходящее место для лагеря. Караван устроился на плато, полукруглой плите красного камня двести метров длиной и сотню шириной. За его южным закругленным краем был вертикальный трехсотметровый обрыв в заваленное валунами ущелье. До этого места можно было добраться по единственной тропе, делая его превосходной оборонительной позицией.

На следующий день после разбития лагеря, эльфы устроили смотр в предрассветной прохладе на плоском участке снаружи лагеря. Почти все здоровые эльфы примут участие в охоте на грифонов. Эльхана, Чатендор, Самар и стража из сорока воинов останутся в лагере с больными и ранеными. Остальных поделили на небольшие отряды. Спешившихся гвардейцев Эльханы разбили на отряды численностью от пятнадцати до двадцати эльфов. Кериан с Гитантасом поделили между собой эльфов из Бианоста. Львица позаимствовала из запасов арсенала и распределила между командами большое количество луков. Даже если они не найдут грифонов, следовало пополнить запасы еды любой подходящей дичью.

Портиос не присутствовал на их приготовлениях. Он питал неприязнь к яркому дневному свету, а холод особенно тяжело сказывался на его поврежденном теле. Кериан все еще раздражало его отсутствие. Предводитель ведет личным примером. Какие бы у Гилтаса не были недостатки, он многому научил ее.

Она нашла тонкий участок грязи и нарисовала пальцем простейшую карту. Королевские гвардейцы направятся на запад. Это был самый большой район и самая неровная местность, но гвардейцы были самыми молодыми и крепкими среди эльфов. Она с несколькими бианостскими добровольцами направится на север. Остальные эльфы, ведомые Гитантасом, включая Наларина с его кагонестийцами, исследуют южную гряду.

Охотничьи партии спросили ее, что им следует искать. Кериан летала на боевом грифоне, но никогда не охотилась на этих существ в дикой природе. Эльхана дала необходимую информацию.

«Очевидно, ищите грифонов в воздухе. Если не увидите, ищите на скалах параллельные отметины от когтей, особенно на высоких пиках. Вы также можете встретить остатки шкуры животных, головы или копыта — грифоны не едят эти части. Втиснутая в очень высоких скалах туша козла — это кладовая грифонов. Если грифона нет поблизости, он скоро появится».

«Помет белый и известковый. Вокруг камней для чесания можно найти перья и пучки волос». — Она улыбнулась при виде удивленного выражения на их лицах. — «Я выросла среди всадников грифонов в Сильванести. Среди моих родственников были несколько величайших охотников на грифонов».

Гитантас спросил, как узнать гнезда грифонов.

«Они называются орлиными гнездами и сделаны из каменных пластин, покрытых мехом и перьями, надерганными из их собственных шкур. Они строят их на самых высоких

возможных точках. Если встретите такое орлиное гнездо, пометьте это место и возвращайтесь. Не приближайтесь. Грифоны убьют любого, кто окажется в зоне видимости их гнезда».

«Сколько их живет в каждом гнезде?» — спросила Кериан.

«Один, если нет птенцов. Грифоны образуют пары на всю жизнь, но эти пары не делят одно гнездо. Они слишком сильные собственники, чтобы жить вместе».

Кериан понимающе посмотрела на нее, и бывшая королева многозначительно посмотрела в ответ. Эта черта также хорошо описывала Кериан с Гилтасом и Эльхану с Портиосом.

Герантас, бывший целитель животных из Бианоста, потер загорелый нос и спросил: «Как мы схватим их?»

«Мы оставим это Великому Лорду», — сказала Эльхана. — «Единственная наша задача — найти орлиные гнезда».

Прежде чем отряды разбились на части и отправились каждый в свою сторону, Эльхана сделала еще одно последнее предупреждение. — «Мы охотимся на плотоядных животных, хищников. В их глазах, мы не сильно отличаемся от обычной их добычи. Если представится шанс, они схватят одного из вас столь же охотно, как и горного козла».

На этой мрачной ноте, охотничьи отряды разошлись. Кериан оставила восходящее солнце справа, и подала знак своему отряду следовать за ней. Она повела их по усыпанной гравием тропе.

Гвардейцы Эльханы медленно двинулись в сторону западного хребта. У многих уже были натянуты тетивы луков и наложены стрелы, и они посматривали в небо, чтобы не пропустить нападение хищников.

Последний отряд, с Гитантасом и Наларином, подождал, пока остальные скрылись из виду среди валунов и каменных стен, прежде чем выступить. Хотя эти горы были незнакомой территорией для кагонестийцев, они знали, что успешная охота начинается с бесшумного выдвижения. Гитантас был счастлив последовать их совету. Он был городским эльфом, рожденным и выросшим в Квалиносте, хотя большую часть последних десяти лет провел в поле, находясь то в одном, то в другом походе. Войну он знал слишком хорошо, но охота была таинственным искусством.

Кагонестийцы развернулись веером впереди него и его бианостских спутников. Периодически, то один, то другой диковатый эльф останавливался проверить камень или нарост лишайника. Когда останавливался один, останавливались все, даже те, кто был вне зоны видимости. Было поразительно видеть это. Гитантас со своими спутниками поймали себя на том, что наблюдают за кагонестийцами вместо того, чтобы искать следы грифонов.

Перед эльфами Наларина возвышалась серия зубчатых пиков, один выше другого. Между этими острыми вершинами вились узкие тропы, некоторые едва достаточной для одного эльфа ширины. Гитантасу пришлось разделить своих спутников на небольшие группы, чтобы было проще просачиваться сквозь труднопроходимую местность. Один отряд он отдал Ванолину, второй — Герантасу, а третий вел сам.

Последний кагонестиец скрылся среди залитых солнцем камней. Когда никто тотчас не появился, добровольцы встревожились. Гитантас успокоил их.

«Они по-прежнему здесь. Мы просто их не видим».

Он тоже нервничал, но думал, что лучше не показывать виду перед горожанами. Он натянул тетиву на лук, и нес его наготове в одной руке. Другую руку он положил поверх

бившегося о его бедро колчана стрел с широким наконечником. Так он чувствовал себя лучше.

Прошел час. Утреннее солнце поднялось выше в небо, его ослепительный свет едва прогревал высокие утесы. Отряд Ванолина повернул вправо, обходя группу неровных валунов. Эльфы Герантаса шагали параллельно с Гитантасом, пока между ними не вырос массивный клиновидный гребень горы. Герантас повел свой отряд вокруг левой стороны, а Гитантас пошел в обход в другую сторону.

Без предупреждения, перед Гитантасом возникла кагонестийка. Он вздрогнул.

Весело прищурив карие глаза, она поднесла палец к губам. Он вспомнил, что ее звали Лорель. — «С тобой будет говорить наш вождь», — прошептала она.

Она привела Гитантаса к невозможно узкому проходу в скалах. По просьбе Лорель, он подал сигнал бианостским эльфам ждать его здесь.

Лорель вошла в расщелину. Она двигалась с изумительной легкостью и проворством, изгибаясь и пригибаясь, чтобы избегать острых выступов. Одежда Гитантаса цеплялась и рвалась. Грязь падала ему в глаза. Он ощущал себя большим неловким человеком. Он решил, что не все эльфы созданы равными.

Внезапно они вышли на открытое место, но в глубокую тень, отбрасываемую выступом над головой. Здесь находились Наларин и еще один кагонестиец. Наларин кивнул подбородком, направляя взгляд молодого воина вверх.

На вершине в двадцати метрах над ними возвышалась крепость. Каменные пластины, некоторые длиной с эльфа, лежали упорядоченно, словно бревна людской хижины. На дырах в стенах виднелись пучки рыжевато-коричневого меха и белые перья: гнездо грифона.

Не было видно никакой активности. Должно быть, обитатели были на охоте. Гитантас направился к вершине. Наларин положил руку ему на грудь, останавливая. Самым тишайшим шепотом, на который только был способен, Гитантас сказал: «Я должен проверить. Если гнездо старое и покинутое, оно для нас бесполезно».

«Оно не старое», — сказал Наларин. Он поднял нос по ветру и предложил Гитантасу сделать то же самое. — «Грифона нет, но гнездо не покинутое».

Наларин никогда ничего не говорил, если не был абсолютно уверен. Гитантас победоносно улыбнулся, и они отправились, чтобы принести в лагерь новости.

* * *

Один за другим, охотничьи отряды возвращались, тяжело дыша от усилий в разряженном воздухе. Группу Кериан постигла неудача. Единственное найденное ими гнездо было явно давно покинуто. Королевским воинам повезло больше. На западных подступах к Пикам Небесной Стены они обнаружили целую колонию грифонов. Были четко видны пятьдесят два гнезда, и там могли быть еще на гряде за ними. Напуганные парочкой диких грифонов, гвардейцы отогнали животных, стуча мечами по нагрудникам. Они видели других дерущихся в небе с помощью клювов и передних лап грифонов.

«Только передними лапами?» — спросила Эльхана. — «Это брачный бой».

Когти орлиных передних лап грифонов были опасными, но не столь смертоносными, как более мощные львиные когти их задних лап. Передние лапы использовались для спарринга, не для серьезного боя.

Гвардейцы описали грифонов как обладавших золотисто-коричневым оперением, за исключением нескольких более крупных самцов, у которых оперение головы и шеи было черно-бронзовым. Более наблюдательные воины оценивали размеры зверей от двух с половиной до трех метров в длину, с размахом крыльев до шести метров.

«Это не королевские грифоны, а золотые, другая порода».

Королевская кавалерия старого Сильванести традиционно использовала более крупных грифонов с белым оперением, известных как королевская порода.

«Можно приручить золотых?» — спросила Кериан.

Эльхана ответила: «Я не вижу причины, почему нет. Они меньше размером, но свирепые бойцы и великолепные летуны. В архивах о них говорится как о более быстрых в полете, чем королевские, хотя и менее храбрых».

В разгар их дискуссии вернулся отряд Гитантаса. Они с Наларином рассказали об обнаружении орлиного гнезда. Наларин подтвердил наличие свежих доказательств того, что гнездом пользовались. Эти новости заставили Эльхану вскочить.

«Самка! Это здорово! Она должна быть в брачном периоде. Мы должны добыть ее первой. Нам не нужно будет облазить все пики гряды, чтобы поймать еще». — Гитантас спросил, почему. Эльхана покраснела, и Кериан просветила его.

«Мы можем использовать самку, чтобы завлечь самцов грифонов в наши сети».

Древний метод ловли грифонов состоял из сооружения ловушки с приманкой в виде живого козла или овцы, накрытых прочной сетью. Когда грифон пикировал, чтобы схватить приманку, его лапы запутывались в сети. Самка послужит еще лучшей приманкой, хотя и по другой причине. Когда предполагаемый поклонник окажется пойманным, эльфы выпрыгнут из укрытия, чтобы связать его и его крылья.

«Голову следует очень быстро накрыть», — предупредила Эльхана. — «Грифоны будут биться не на жизнь, а на смерть — их собственную или вашу — пока могут видеть врага».

Среди бианостских эльфов были ткачи и такелажники. Герантас обещал подключить их к созданию сетей и арканов. Ванолин предложил поставить остальных делать колпаки. Оба эльфа поспешили прочь, и Эльхана крикнула им вслед: «У колпаков должны быть завязки внизу. Длинные завязки!»

Между высокими валунами отделилась тень. Это был Портиос. Ни Эльхана, ни Кериан не заметили, как он пришел, пока Гитантас не поприветствовал его.

Эльхана начала рассказывать ему, что было обнаружено, но он остановил ее, подняв руку. — «Я слышал», — сказал он. — «Мы должны немедля поймать самку».

Кериан обратила внимание на проблему. Создание веревок и сетей, даже при самом большом желании, займет время.

В ответ, Портиос протянул руку за возвышавшийся рядом с ним валун и вытащил толстый моток плетеного волокна. — «У меня есть веревка. И сеть».

Кериан уставилась на него. — «Как? Откуда ты его взял?»

«Сделал».

Возникла суматоха. Портиос, Кериан, Гитантас и кагонестийцы приготовились отправиться, чтобы поймать самку грифона. Эльхана собиралась послать с ними отряд гвардейцев, но Портиос отклонил ее предложение. Воины будут чересчур шумными для плана у него в голове, сказал он.

Портиос протянул Эльхане обрывок пергамента, попросив, чтобы она отправила эльфов найти перечисленное в нем. Она заверила его, что присмотрит за этим, и присмотрит за

быстрым завершением усилий бианостских ремесленников. Как раз в тот момент, как она закончила говорить, он быстро скрылся из виду. Кериан с остальными последовали за ним.

Они быстро покрыли большое расстояние, замедлившись, лишь когда Наларин привел их к узкой расщелине между двумя огромными валунами. Кериан расстегнула портупею и проскользнула боком в трещину. В конце ее она оказалась в небольшом вытянутом каньоне с высокими стенами.

Наларин предупредил ее не выходить из расщелины. Кагонестийцы, которых он оставил на страже, припали к находившимся в тени стенкам каньона, точно летучие мыши к стенам пещеры. Заметив своего вождя, один из них отделился от стены и осторожно прокрался к ним. Это была женщина, Лорель.

Не говоря ни слова, она указала в небо. Кериан подняла взгляд, и у нее перехватило дыхание.

На самом высоком из видневшихся выступов было огромное гнездо. В нем находился золотой грифон, спящий, сложив крылья на спине. Он засунул золотисто-коричневую пернатую голову с противно загнутым клювом под передний край правого крыла. Лорель пояснила, что та села вскоре после того, как вождь ушел, устроилась поудобнее в гнезде и с того момента спала, не просыпаясь.

Спящий грифон был неожиданной удачей. К бодрствующему было бы практически невозможно приблизиться, но с сонным у них мог быть шанс. Должно быть, он плотно поел, чтобы так крепко спать.

Портиос передал веревку и сеть вперед Кериан с Наларином. Во время путешествия к гнезду Портиос пояснил свой план Наларину. При помощи жестов, вождь передал его членам своего клана и Кериан.

Идея была довольно простой, но требовала не только кагонестийской атлетичности, но каждой унции их легендарной скрытности. Девять самых ловких, самых бесшумных обойдут и зайдут с дальней стороны гнезда. Неся на спинах сеть и веревку, они заберутся на вершину и занесут сеть над спящим грифоном. Как только они закрепят сеть на дальней стороне гнезда, ожидавшие в каньоне эльфы крепко натянут сеть.

«Это и есть твой план?» — открыла рот Кериан. — «Их убьют!»

«Только если они неуклюжие».

По известному только им сигналу, девять диковатых эльфов с Наларином во главе покинули тень и двинулись вперед. Лежавшие на каменной стене руки Кериан судорожно сжались. Непроизвольно, она шагнула вперед. Портиос без труда прочел ее мысли.

«Ступай с ними», — сказал он.

«Я недостаточно проворная».

«Ты кагонестийка, не так ли?»

Вместо того, чтобы едко огрызнуться, она просто выскользнула из расщелины. Наларин посмотрел на своего предводителя. Ему достаточно было кивка Портиоса. Если Великий Лорд хотел, чтобы Львица пошла, то она должна идти.

Наларин с тремя эльфами закрепили переднюю кромку большой сети к крючкам на одежде и начали подъем по вертикальной стене. Еще трое эльфов, плюс Кериан, подобрали заднюю кромку сети и последовали за ними. Последние двое эльфов двигались по краям, следя, чтобы сеть не зацепилась ни за что.

Подъем был мучительным. Несмотря на свою легендарную ловкость, учитывая необходимость искать опору для рук и ног и двигаться в полной тишине, их продвижение

было чрезвычайно медленным. Портиос изготовил сеть из пеньковой веревки, связав ее крупными квадратными узлами — прочную и плотную, но очень тяжелую. Каждый раз, когда эльф продвигался, он или она поднимали сеть вверх плечами, подтягивали ноги, затем делали паузу, чтобы перевести дух, широко раскрыв рты, чтобы не издавать ни звука.

Один из эльфов на фланге внезапно предупреждающе зашипел, и Кериан посмотрела наверх. Крайний справа передовой эльф, двигаясь чуть быстрее остальных, опередил своих товарищей. Сеть туго натянулась и потащила эльфа слева от него. У потерявшего равновесие и влекомого вверх запаздывавшего эльфа соскользнули ноги.

«Якорь!» — все, что успела прошипеть Кериан, прежде чем парень полностью потерял опору под ногами. Он стукнулся головой о каменный выступ и упал, повиснув на нижнем крае сети, держась за нее одной рукой.

Остальная группа замерла, абсорбируя удар от его веса. Спустя волнительное мгновение, висящий эльф нашел опору для ног и выпустил сеть. Он был ранен и не мог продолжать, так что спустился на дно каньона. Полный стыда, он отполз в тень.

Все это случилось в считанные секунды и практически в полной тишине.

Как только он выпустил сеть, Кериан начала карабкаться под ней вверх, чтобы занять его место. Добравшись до освобожденного им места, она зацепила край и двинулась вверх, выбирая слабину. Когда веревочная сеть снова была растянута по поверхности утеса, эльфы возобновили подъем.

Был только полдень, но с горами вокруг себя скалолазы вскоре должны были потерять хорошее освещение. Солнце у них за спинами заходило за высокие западные пики. Восточные склоны гор темнели, вырисовываясь на фоне яркого неба.

Наларин первым достиг основания гнезда. Вид внутрь закрывали перья, ветки и маленькие камни, заполнявшие пространство между пластинами камня. Он подал сигнал своим товарищам, и подъем возобновился. Когда все передовые эльфы были на своих местах чуть ниже края гнезда, Наларин снял с крючка на одежде сеть и очень медленно приподнял голову над верхней серой каменной пластиной, чтобы заглянуть внутрь.

Прямо на него был направлен глаз грифона, крупный как гранат. Кожистое красное веко было слегка приоткрыто, демонстрируя черный с красной радужной оболочкой зрачок, в сантиметрах от носа Наларина.

Для невозмутимого кагонестийца, который, не колеблясь, вручил свою жизнь таинственному предводителю в маске и штурмовал, наконец, полный наемников город, это оказалось чересчур. Наларин отпрянул прочь от огромного глаза грифона.

Кериан видела, как он дернулся назад, а затем упал, точно сраженный стрелой. Ее рот открылся, но она знала, что не должна издать ни звука, так же как она знала, что Наларин собирался умереть на каменистом дне узкого каньона. Страх сменился изумлением, когда она увидела, что нога Наларина застряла в сети. Кериан с остальными тотчас напряглись, но, тем не менее, он врезался спиной в шпиль. Его вес сдернул с гнезда эльфийку по соседству. С поразительным проворством извернувшись в воздухе, она при падении ухватилась за самую нижнюю пластину гнезда. Наларину повезло меньше. От удара он потерял сознание и повис вниз головой, запутавшись ногой в сети ниже нее.

Они все ожидали, что грифон выскочит и разорвет их на куски. Но ничего не происходило. Тишина по-прежнему царила над их высоким насестом. Испытав облегчение, но с бьющимся сердцем, Кериан с крайним на гнезде по соседству с ней эльфом опустили Наларина к эльфам внизу. Они вдвоем двинулись по направлению друг к другу, отчего центр

сети, где застрял Наларин, сместился вниз. Эльфийка, которую стянуло падение Наларина, спустилась вместе с ним, не давая ему биться о каменный шпиль.

Кериан с кагонестийцем по имени Сломанный Лук следили, как Наларина освободили и унесли в безопасное место. Затем они поднялись к краю и осторожно приподняли головы, чтобы осмотреться.

Не удивительно, что Наларин испытал шок. Но Кериан видала Орлиного Глаза, своего королевского грифона, в точно такой же позе, глубоко спящим, хотя и с полуоткрытыми веками.

«Спит», — беззвучно шевеля губами, произнесла она.

Они со Сломанным Луком разделились, направившись к противоположным краям дальней стороны гнезда. Поднимая как можно выше переднюю кромку сети, они крались вперед, занося ее над спящим грифоном. Так близко к зверю им приходилось быть еще осторожнее, чтобы не издать ни звука, хотя каждый порыв ветра был подобен шлепку по лицу, а руки и ноги устали после длительного медленного восхождения.

Наконец, они добрались до цели. К краю сети прикрепили веревки и сбросили ждавшим внизу кагонестийцам. Кериан со Сломанным Луком вернулись к западной стороне гнезда, туда, где они поднимались, чтобы закрепить этот край сети. Когда все были на позициях, Кериан отдала приказ.

«Давайте!»

Находившиеся внизу в каньоне эльфы потянули за веревки. Одновременно, Кериан со Сломанным Луком уперлись ногами в стену утеса и натянули свой край сети. Грифон тревожно затрубил. Его мощная задняя часть туловища пыталась оттолкнуться ввысь, но, пойманный в сеть, он завалился вперед.

«Продолжайте тянуть!» — крикнула Кериан. Они со Сломанным Луком выпустили сеть, в то время как кагонестийцы в каньоне продолжали тянуть, и грифон от своего собственного толчка вывалился из гнезда головой вперед. Вопя от боли, он заскользил по покрытой слоем грязи поверхности скалы. Эльфы у него на пути бросились врассыпную, и он с тяжелым ударом приземлился. Кериан молилась, чтобы они не убили его.

Этого не случилось. Ошеломленный падением, грифон был очень даже жив. Кагонестийцы основательно обмотали его веревкой, и Портиос изучал пойманного зверя, пока Кериан со Сломанным Луком спускались с утеса. Злобный взгляд грифона метался с одного эльфа на другого, все время фокусируясь на том, кто говорил. Под его немигающим вниманием было неуютно. Кагонестийцы украдкой удалились из его поля зрения, оставив возле разъяренного зверя лишь Гитантаса, Кериан и Портиоса.

«Очень хорошо», — сказал Портиос. — «Когда у нас будет как можно больше грифонов, я выполню *тат-мания*».

Кериан никогда не слышала этого термина, но Гитантас сказал: «Защита Небесных Всадников? Это из времен Сильваноса Золотоглазого, не так ли? В хрониках моего предка, Таманьера Амброделя, упоминается этот ритуал магического приручения грифонов».

«Забываю, что ты из древнего благородного рода».

Гитантаса разозлил непреднамеренно грубый тон Портиоса, но Кериан бросила предупреждающий взгляд на юного эльфа. Она сказала Портиосу: «Ты знаешь этот ритуал? Почем ты не сказал этого раньше?»

«У нас не было грифонов. Теперь есть, и я говорю тебе».

Настал черед Львицы почувствовать, как встает шерсть на загривке. Она спросила,

выполнял ли он когда-либо этот ритуал. Он напомнил ей, что никто не делал этого со времен Братоубийственных Войн, когда огромная потребность в грифонской кавалерии вызвала необходимость в этом.

«Ты был сильванестийским ученым или воином?» — спросил Гитантас, терзаемый любопытством, откуда у Орексаса это малоизвестное знание.

Едва ли Портиос мог сказать, что он был намного больше, и в Квалинести, не в Сильванести. Он потерял свой трон; его личность была выжжена. Орексас было подходящим именем для ходячего трупа.

«Меня научили этому ритуалу в молодости». — Не ложь, но и не полная правда. — «Он не длительный и не сложный. В конце концов, мы имеем дело с разумом зверей».

Кериан фыркнула. Она была намного лучшего мнения о разуме Орлиного Глаза, чем о разуме большинства известных ей людей, эльфов или кого-нибудь еще.

Требовались специфические ингредиенты. В пергаменте, который Портиос оставил Эльхане, содержался их список. Требовалось сделать жидкое варево, которое должны были выпить животное и будущий всадник.

«И мы должны пролить кровь».

«Чью кровь?» — поинтересовалась Кериан.

Портиос бросил взгляд на Гитантаса. — «Разве это имеет значение?» — спросил он особо замогильным голосом.

Гитантас начал было протестовать, уверенный, что тот говорил о принесении в жертву одного из грифонов, которых они поймают. Портиос направился прочь, и Гитантас последовал за ним, не переставая засыпать того вопросами. Кериан нахмурилась.

Если бы она не знала его лучше, то поклялась бы, что Портиос их дразнил.

* * *

Эльфы доставили самку золотого грифона (должным образом связанную и в наморднике) на подходящую плоскую вершину и привязали к столбу. Спрятавшись в расщелинах по обеим сторонам вершины, замаскировавшись накидками грязного цвета, Кериан с воинами Эльханы ждали, готовые наброситься на любого грифона, привлеченного наживкой в виде самки. За два дня они поймали одиннадцать золотых грифонов, начиная с небольших годовалых, и заканчивая старым самцом, размером почти с королевского грифона. Кериан боялась, что ловушка отпугнет других самцов, как только несколько из них будут схвачены, но произошло прямо противоположное. Даже когда находившиеся в воздухе грифоны видели, как эльфы захватывали одного из них, они все равно возвращались. Их страсть была столь сильна, что они игнорировали опасность.

Эльхана предложила альтернативную точку зрения, что самцы были рады видеть, как схватили их соперника, и возвращались, потому что были уверены, что *они* были слишком умными и могучими, чтобы быть пойманными. Кериан спросила, не в детстве ли та узнала об этом, проведенном среди дрессировщиков грифонов в Сильваносте.

«Нет», — сухо ответила Эльхана. — «Просто так думают мужчины».

Все еще озабоченный жутким заявлением Портиоса о том, что для церемонии приручения требовалась кровь, Гитантас не прекращал жаловаться Кериан, пока та не велела ему прекратить быть таким бестолковым.

«Эльхана не волнуется, а она знает о грифонах больше, чем кто-либо еще», — рявкнула Львица. — «Может, и требуется кровь, но не думаю, что Орексас собирается кого-то убить, чтобы раздобыть ее».

Для молодого воина ее заверения были слишком туманными, но она проследила, чтобы он был слишком занят, чтобы продолжать и дальше изводить кого-либо из них. Она дала ему поручение кормить пойманных грифонов. Он с тремя бианостскими добровольцами через день бросали грифонам четверти оленя и козла и следили, чтобы у тех была свежая вода. Чтобы дичи хватало, потребовались охотничьи навыки кагонестийцев и сильванестийцев.

Пока продолжалась ловля, Портиос подготовился к *тат-мания*. Его список требований включал в себя железо, медь, бронзу, вино и определенные цветы. Последнее было самым сложным раздобыть, но поисковые отряды прочесали все каньоны и трещины, и нашли все: пионы, наперстянки, плетистую розу и синие чаши, ароматные древесные губки, росшие на этой высоте в тенистых убежищах. Бианостский запас оружия обеспечил требовавшиеся железо, медь и бронзу. Что же до вина, Портиос хотел белый нектар, но у них был лишь запас квермишского Эльханы, так что ему придется обойтись им.

Из металлов сделают священный круг. В этот круг помещали дикого грифона и эльфа, который должен был стать его наездником. Цветы смешивали с вином в каменной чаше, а затем смешивали с кровью грифона. Напиток давали эльфу и зверю. Выполнявший этот ритуал (который должен был быть королевской крови) произносил нараспев особые слова приказа. Результатом являлась связь, длившаяся всю жизнь всадника и его животного. Этот ритуал создали маги Коричневые Капюшоны древнего Сильванести, но им уже не пользовались. Не доверявший Коричневым Капюшонам Беседующий со Звездами Ситас во время своего правления предпочитал более трудоемкий способ привязки грифонов. *Тат-мания* исчез в землях, в которых был рожден, но знание о нем было сохранено в Квалинести как часть обучения наследника Беседующего с Солнцем.

Когда общее число пойманных грифонов достигло двадцати девяти, у эльфов закончились ремни, достаточно крепкие, чтобы удерживать их. Эльхана посоветовала, чтобы они начали с того, что имеют, чем рисковать потерять животных из-за неподходящих материалов. После нескольких дней ожидания подходящей безлунной ночи, Портиос собрал священный круг. Ему помогал Чатендор. Старый казначей давным-давно проходил обучение в качестве жреца Э'ли, и знал, как освятить землю для многих видов ритуалов.

Первым испытуемым грифоном должен был стать старый самец Золотистый, безоговорочно, самый большой из пойманных эльфами зверей. Его было сложнее всего контролировать из-за его размера и силы. Приручение его облегчило бы эльфам жизнь.

Эльхана хотела стать первым связанным всадником, но причина, по которой она хотела сделать это, была совершенно той же, по которой остальные отказались позволить это. Она не должна была стать пробным шаром. Если что-то пойдет не так, она могла быть ранена, а может, и убита. Даже Портиос возражал. Он тихо сказал ей несколько слов, и она больше не настаивала, отойдя в сторонку.

Кериан удивили покорность Эльханы и сентиментальность Портиоса. Пока остальные продолжали пререкаться, она подошла к Эльхане. Прежде, чем она спросила, что произошло между ними, Эльхана рассказала ей, огрубляя голос, пародируя хриплый тон Портиоса: «Приберегите свое благородное самопожертвование, леди. Здесь требуется воин».

Кериан, было, запротестовала, но Эльхана сказала: «Он прав». — На ее губах появилась печальная улыбка. — «Хотя мое желание резко ответить ему за подобные слова не стало от

этого меньше. Я подумала, лучше избавить себя от искушения».

Прения закончились. Самар будет первым, кто попробует привязку. Кериан не спорила. Она собиралась взять себе одного из зверей, но ей не требовалось быть первой. Выглядевший очень довольным, Самар отправился готовиться.

Солнце должно было зайти через несколько часов. Над восточными пиками вздымались облака, чисто пурпурные внизу и розовые вверху. Не предвещают ли они дождь, подумала Кериан. Ее праздные размышления были прерваны приказом Портиоса.

«Мне нужна кровь грифона — стакан. Свежая, не из туши». — Он сунул ей глиняную чашу.

Она вырвала чашу у него из руки и направилась прочь. Пока Кериан шла, на ее лице промелькнула улыбка. То, что она не спорила, так поразило Портиоса, что он едва не выронил чашу.

Стакан был всего лишь пятой частью литра. Ни одно животное не умрет от такой потери. После устроенного Гитантасом из-за этого занудства, она собиралась заставить его собрать кровь.

Она нашла его возле загона с грифонами. При ее приближении он быстро встал. Его трое помощников, очнувшись от дремоты, медленно последовали его примеру.

«Время», — сказала Кериан, протягивая глиняную чашу. — «Орексасу нужен стакан свежей крови грифона».

Он уставился на емкость. — «И все?»

«И все».

Он взял чашу и вытащил меч. Прежде, чем она остановила его, Гитантас запрыгнул в загон — не в ту часть, где содержался самый маленький, годовалый грифон, но туда, где пребывали лишь зрелые особи. Все грифоны спали, лежа, сунув головы под связанные крылья. Грифонам стреножили обе пары их опасных лап и туго связали клювы широкими кожаными лентами.

Кериан зашипела, чтобы он остановился, но было слишком поздно. При неожиданном появлении Гитантаса, головы грифонов в унисон поднялись, и существа принялись следить за ним глазами хищников. Не обращая внимания на остальных, Гитантас направился прямо к самому старому самцу, Золотистому. Самец хрипел глубоко в груди. Этот звук заставил Гитантаса остановиться, но лишь на мгновение. Он поднял меч.

«Это может быть больно», — сообщил Гитантас зверю, — «но тому есть причина».

Он наклонился, вытянув меч, собираясь пустить кровь из шеи животного. У грифона на этот счет была другая идея. Стреноженный, со связанными крыльями и в наморднике, тем не менее, он оказал сопротивление, ударив Гитантаса прямо в грудь своей тяжелой головой. Молодой эльф опрокинулся назад и жестко приземлился на каменистую землю.

Кериан встала над ним. — «Что, по-твоему, ты делаешь?»

«Выполняю приказы», — тяжело дыша, ответил он.

Она помогла ему сесть. Похоже, ничего не было сломано, так что он осторожно поднялся. Они оба внимательно посмотрели на гордого грифона.

Над грядой, где был разбит лагерь эльфов, сформировалась обширная чаша пурпурно-черных облаков. Вокруг ее нижнего края просматривалось синее небо, но наверху масса облаков казалась монолитной. В ней мерцали молнии, но они не сопровождались громом. Особенно яркая вспышка отразилась красным в больших глазах грифона. Даже у Кериан сработало благоразумие.

«Выбери другого», — посоветовала она. — «Этот слишком сильный».

«У него тоже будет железная голова». — Гитантас потер ребра. — «Но он даст мне кровь. Почему бы самому сильному в стае не пролить кровь ради остальных?»

Он подобрал меч и обошел бдительного зверя. Тот лежал на левом боку, тяжелые львиные бедра синхронно дергались.

«Не волнуйся, Железная Голова», — успокаивающе сказал Гитантас. — «Ты едва почувствуешь».

Одним взмахом меча, он сделал неглубокий порез сквозь туго натянутые на бедре зверя мех и кожу. Струйкой побежала темная кровь. Грифон поднял к небу клюв и пронзительно закричал сквозь кляп.

Гитантас протянул к ране чашу. Кровь быстро полилась в нее. Когда она наполнилась до краев, он убрал ее. Он позвал своих троих помощников позаботиться о ране грифона, а затем вместе с Львицей медленно удалились.

Когда они пришли к Портиосу, тот стоял на краю священного круга, держа в руке каменную чашу, и произносил шепотом древние слова. Чатендор, выполнявший функции помощника, стоял рядом с ним. Эльхана тоже присутствовала, но стояла в нескольких метрах от них. Она надела водоотталкивающую накидку в ожидании дождя. На фоне темно-серого материала капюшона ее лицо казалось бледнее, чем обычно.

Гитантас протянул Портиосу чашу. — «Не пролей», — предупредил он. — «Я бы не хотел еще раз пускать ему кровь».

Не прерывая заклинания, Портиос вылил кровь в каменную чашу, в которой уже были перемешаны цветы с вином. Он размешал густую смесь грубо выточенным пестиком.

Появился Самар в полных регалиях, включая шпоры и плащ с золотой окантовкой. Позади него шестеро воинов с трудом тащили к кругу упрямого самца грифона. Ногу животного украшало пятно засохшей крови.

«Ступайте вперед, первая пара для связки!»

Чатендор сделал шаг в сторону, давая дорогу Самару. Грифон почувствовал соседство Гитантаса, и рванул прямо к нему, едва не затоптав при этом Портиоса. К счастью, Портиос устоял на ногах. Воины поймали грифона за узы и заставили остановиться. Зверь ненадолго замер, а затем эльфы оттащили его. Чатендор снова замкнул круг. Самар стоял настолько близко к непокорному грифону, насколько осмеливался.

«Именем Э’ли и Астарина, Масери и Квинести-Па, и милостью Голубого Феникса, мы соединяем данного воина с этим скакуном!» — Эти слова были подчеркнуты свежей беззвучной вспышкой молнии. Все, кроме Портиоса, посмотрели вверх. Даже Железная Голова поднял клюв к поразительному зрелищу.

«Да свершится так!»

Портиос поднес чашу к губам Самара. Самар сделал маленький глоток и зажмурил глаза из-за невероятно горького вкуса зелья. Затем, по приказу Портиоса, Самар повернулся и разрезал своим ножом ремень намордника.

Это была самая опасная часть ритуала. Было известно, что грифоны могут вырвать глаз у горного льва. Резкий удар безжалостного клюва, и Самар будет мертв.

Снова вспыхнула молния. Железная Голова издал пронзительный крик в небо. Воспользовавшись удобным случаем, Портиос опустил руку в чашу и стряхнул капли зелья в разинутую глотку.

Клюв захлопнулся, и существо на мгновение замерло. Затем оно рванулось к Портиосу,

готовое разорвать того на части. Явно потрясенный Портиос отскочил назад, и Чатендор выскочил из круга вместе с ним.

«Не сработало!» — крикнула Кериан, озвучивая боль, написанную у всех на лицах.

«Должно!» — Портиос сжал руку в кулак. — «Ритуал был безукоризненным!»

Самар пятился от Железной Головы. Через несколько секунд грифон, скорее всего, разорвет клювом путы и устроит панику в рядах своих мучителей, либо улетит и будет потерян навсегда.

Портиос почувствовал, что кто-то берет каменную чашу из его руки. Эльхана стояла так близко, что он ощущал на своей маске ее дыхание, когда она прошептала: «Ты королевской крови, супруг, но… сильно изменился. Я молилась, чтобы у тебя все получилось. Но я — дочь Беседующих, и я тоже знаю этот ритуал. Ты должен позволить мне попробовать».

Было очевидно, что Портиосу претила истинность ее слов, но он и в самом деле «сильно изменился». Он отдал чашу.

«Ты помнишь мои слова?»

«Я помню все».

Ветер хлестал плато, теребя накидку Эльханы. Опустив голову против ветра, она двинулась к краю круга. Самар с Чатендором умоляли ее не делать этого. Черные волосы ониксовой короной развевались вокруг ее головы. Эльхана приказала Самару занять свое место. Он с готовностью подчинился.

Неуклюже, на стреноженных лапах, но, тем не менее, решительно, Железная Голова надвигался на Самара. Эльхана велела грифону остановиться. Его орлиная голова повернулась, и зверь сменил направление, и двинулся к ней.

Эльхана подняла лицо к вздымавшимся тучам и слово в слово повторила заклинание.

И снова вспыхнула молния. Железная Голова не приветствовал ее криком. Он зашипел на отважную королеву.

Как и Портиос до нее, Эльхана погрузила пальцы в зелье и швырнула капли в рот зверя. В неясном свете было трудно проследить их полет, но перемены в поведении грифона были внезапными и поразительными. Он прекратил красться к Эльхане, застыл неподвижно на несколько секунд, а затем подогнул передние лапы, опуская голову к земле. Гордый золотистый грифон кланялся королеве Сильванести.

Самар подошел к Железной Голове, но все еще не спешил прикасаться к грифону. Смех Эльханы заставил его вздрогнуть, как и всех остальных присутствовавших.

«Не бойся, Самар! Он принимает тебя!» — крикнула она. Несмотря на смех, ее глаза были полны слез.

Самар положил руку на плечо Железной Головы. Грифон принял его прикосновение, и настал черед Самара рассмеяться. Он разрезал оставшиеся путы существа. Высвободив крылья и лапы, Железная Голова высоко держа голову, стоял рядом со своим новоизбранным всадником.

Раздались радостные крики. Эльхана повернула к Кериан сияющее лицо. — «Ох, я забыла! Это было так давно, когда я в последний раз *слышала* их». — Эльхана коснулась рукой виска. — «Я забыла, как это прекрасно!»

Львица продемонстрировала собственное ликование, так сильно шлепнув по плечу Гитантаса, что молодой воин пошатнулся.

Лишь Портиос не присоединился к празднованию. Он стоял молчаливый и оцепеневший, безвольно свесив руки по бокам.

Яростные крики нарушили момент триумфа Эльханы. Эльфы из лагеря потоком текли к собравшимся у священного круга. — «Посмотрите вверх!» — пронзительно кричали они. — «Посмотрите в небо!»

Бывшие свидетелями связки услышали новые звуки: звон оружия, крики эльфов и ржание лошадей. Они посмотрели вверх.

Огромный облачный свод стал темным, как полированный сланец. Вокруг внешнего края вспыхивали и танцевали молнии, но в центре возникло поразительное видение. Эльфы увидели в небе сражение, во всех ярких деталях. Кони с всадниками-людьми роились вокруг небольшого отряда эльфов, сражавшихся, став спинами к грубому каменному шпилю. Один эльф стоял на ступенях башни, на несколько метров выше остальных. С мечом в руке он руководил безнадежной битвой.

«Планчет!» — крикнула Кериан, ее крик эхом повторили Гитантас с Эльханой.

Кериан искала Гилтаса на безумной картине. Она не видела его, но среди хаоса отчетливо видно было лишь Планчета. По мере того, как всадники кочевников давили, размахивая своими изогнутыми мечами без гард, строй эльфов становился тоньше и тоньше. Стоявшие вокруг Кериан гвардейцы Эльханы подбадривали и выкрикивали советы фантомным бойцам, но не похоже было, чтобы кто-то из облачной картины слышал их. Все, что могли сделать стоявшие на продуваемой ветром скале, это лишь наблюдать, как осажденный круг эльфов медленно сокращался.

Конец был неминуем. Круг разорвался, поглощенный ордой людей и морем вражеских мечей.

Тотчас, видение исчезло. Хотя все глаза напряженно пытались разглядеть что-то еще, плотные облака отражали лишь случайные вспышки беззвучных молний.

Кериан и Эльхана, Гитантас и Самар, даже Портиос глазели друг на друга, потрясенно раскрыв рты.

20

Выстроившись длинной изогнутой линией, эльфийская кавалерия ждала и наблюдала. Они были последней линией обороны для двигавшейся позади них по песку безоружной массы.

Ведущий в Инас-Вакенти проход лежал прямо впереди, вход в него отмечали три выстроившиеся в ряд вершины. Их поднимавшиеся над мерцающей пустыней снежные шапки точно маяк влекли эльфийскую нацию. Никто их не подгонял, но все ускорили шаг. Раненых и слабых, которые не могли выдерживать темп, несли.

Целый день после покидания Сломанного Зуба не было следов погони. Причина этого была мучительно ясной: кочевники приняли предложенную им на Сломанном Зубе жертву. Однако на второй день перед полуднем пронесся слух о поднимавшейся на юго-западе пыли. Беседующий, Хамарамис и Вапа поскакали назад, в конец колонны, чтобы взглянуть самим.

«Они идут», — кивая, произнес Вапа. — «Не больше сотни. Разведчики».

Хамарамис тотчас предложил послать армию, чтобы не дать разведчикам вернуться с докладом. Гилтас отверг эту идею. Бой лишь замедлит их бегство, и захват разведчиков будет бессмысленным. Толпа спасавшихся бегством эльфов оставляла след, по которому мог пройти даже слепой. Разведчики или нет, кочевники, в конечном счете, найдут эльфов.

Тем не менее, Беседующий сосредоточил оставшуюся кавалерию в конце колонны, чтобы прикрыть ее от атаки. Хамарамис был нужен Гилтасу под рукой, так что командование принял на себя Таранас. Отданный ему приказ был четким. Если приблизятся небольшие разведывательные группы, он может перебить их, но ни при каких обстоятельствах он не должен был вступать в бой с врагом основными силами уцелевшей армии.

Ковыляющий тяжелый пеший переход эльфов продолжался. Они на ходу проглотили скудные рационы, не осмеливаясь остановиться даже на минуту. Облако пыли у них за спинами становилось гуще и шире. К погоне присоединялись другие кочевники. Все понимали, что означало для оставшихся на Сломанном Зубе Планчета со Священным Отрядом. Хотя некоторые и шептались между собой, никто не поднял эту тему перед Беседующим. Лицо Гилтаса, обычно такое живое от эмоций, выражало каменную невозмутимость. Он сосредоточил всю свою энергию на том, чтобы привести свой народ в безопасное место. Планчет поклялся вернуться; Гилтас цеплялся за эту клятву.

За два часа до заката эльфы наткнулись на неожиданное препятствие. Почти строго с востока на запад тянулось вади милю шириной и дюжину метров глубиной. Этого сухого русла реки не было на карте Гилтаса (скопированной с оригинальной, сделанной тысячи лет назад), и Вапа признался, что не встречал его прежде.

«Я думал, ты знаешь эту местность», — сказал Хамарамис.

«Как свое собственное лицо».

«Тогда как ты мог не знать об этом огромном овраге?»

Кочевник поскреб бородатый подбородок. — «Не имея зеркала, человек не видит своих глаз».

Беседующий пресек неминуемый спор. — «Найдите спуск, генерал».

Хамарамис ускакал с небольшим отрядом, чтобы по-быстрому взглянуть. Они вернулись с приводящими в уныние новостями. Десятки тропинок вели вниз в вади, но ни одна не была

шире козьей тропы. Эльфы могли спуститься, но им придется сделать это в дюжине широко разбросанных точек.

Даже Гилтас, не будучи солдатом, знал, как это плохо. Разделенные таким образом, эльфы придут в замешательство, и будет потеряно время, пока они будут ждать, когда самые дальние отряды присоединятся к остальным. Хуже того, они окажутся чрезвычайно уязвимыми для засады. Но другого выбора, конечно же, не было. Вапа строил теорию, что разразившийся необычный ливень с ураганом, когда эльфы покидали Кхури-Хан, мог прорезать этот овраг. Спускаясь с гор, точно по стенкам воронки, дождевая вода обретала стремительную силу. Вади легко могло тянуться на много миль в каждом направлении. Они не могли терять драгоценное время, ища путь в обход.

Разбившись на отряды численностью от горстки до нескольких сотен, собравшись семьями или кланами, загорелые со стертыми ногами беженцы веером развернулись вдоль берега вади. Они прорубались сквозь заросли чамиза и колючего кустарника, обходили кактусы и путаные дебри забытых потопов. Пока Гилтас со своими советниками наблюдал с вершины южного берега, первые эльфы заструились на север по дну вади.

«Какому племени принадлежит эта земля?» — спросил Гилтас.

Вапа пожал плечом. — «Дети не владеют своей матерью, Хан-Беседующий». — Гилтас нетерпеливо посмотрел на него, и кочевник добавил, — «Самые многочисленные обитатели здесь — боковая ветвь Микку».

Гилтас знал, что Микку были очень воинственным племенем. Их главным занятием была служба наемниками у неракцев или хана. Он спросил, много ли Микку в армии Адалы. Мрачный кивок Вапы был не тем ответом, на который он надеялся.

«Наших преследователей необходимо задержать», — сказал Гилтас, обеспокоенный, что переправа, похоже, займет больше времени, чем он надеялся. Пустынная растительность не сдавалась легко, а у эльфов не хватало ножей и мачете, чтобы справиться с ней. Если кочевники застигнут их в вади, результат будет катастрофическим.

Он приказал арьергарду, тесно прикрывавшему огромную колонну гражданских, направиться на юг. Хамарамис попросился возглавить их, но Гилтас решил, что командовать будет Таранас. Таранас принял назначение и спросил, будут ли у Беседующего какие-либо особые инструкции.

«Задержите врага», — просто ответил Гилтас. — «Если мы будем двигаться всю ночь, еще до рассвета все окажутся вместе на другой стороне».

Это была пугающая задача, возможно, даже невыполнимая, сдерживать до утра намного превосходящие силы кочевников на этой стороне вади. Таранас энергично отсалютовал и ускакал выполнять приказ своего суверена.

«Здесь слишком много отваги», — сказал Вапа, ни к кому не обращаясь.

«Согласен», — сказал Гилтас. — «Слишком много отваги, и слишком мало сострадания».

Он несколько раз кашлянул, но кровь не появилась. Помощь Трусанара приостановила его болезнь.

Он оставался на южном берегу, пока последние из его подданных не спустились по узким тропинкам на широкое дно вади. С ним были шесть советников (по трое квалинестийцев и сильванестийцев), девять телохранителей, человек Вапа и Хамарамис. Старый генерал и не думал спорить со своим Беседующим, но Гилтас знал, что тот был в ярости, оставаясь вне грядущего сражения. Гилтас сочувствовал ему. Его собственные мысли

все время возвращались к оставленным на Сломанном Зубе Планчету и эльфам.

Солнце опустилось на западную пустыню, окрашивая желто-коричневый ландшафт оранжевыми и красными оттенками. Небо потемнело до индиго. Появились звезды. Воздух быстро остыл, и Гилтас продрог. Он натянул накидку поверх своего *аффра* с длинными рукавами.

«Как далеко ты планируешь идти с нами?» — спросил Гилтас стоявшего справа от него Вапу.

«Так далеко, как потребуется хану *лэддэд*».

«Тогда ты мне нужен еще немного».

Последние эльфы спустились в вади. Пришло время Беседующему последовать за ними. Его телохранители спешились и повели своих животных, так как ведшая в вади тропа была узкой и крутой. Гилтас шел впереди, проталкиваясь сквозь колючий кустарник. Неожиданно хлестнула ветка и прочертила кровавую линию у него под правым глазом. Хамарамис хотел обследовать рану, но Гилтас резко приказал отряду двигаться дальше. Не одному из сопровождавших его показалось, что он плачет кровавыми слезами.

В полумиле от них арьергард поджидал приближавшегося врага. Месяцы сражений с кочевниками убедили Таранаса в одном: какими бы храбрыми и отважными ни были кхурцы, под натиском они смыкали ряды. Таранас знал, что решительно атаковав их, он может вынудить кочевников стянуть всех всадников, отвлекая их, таким образом, от пересекавших вади гражданских.

По строю прошло известие о том, что слева показались кочевники. Таранас приказал изменить построение всадников с полумесяца в колонну по шесть. Изможденные, но дисциплинированные, эльфы быстро перестроились. Затем из уст в уста передали приказ Таранаса к атаке.

Передовые всадники патруля Микку пробирались сквозь заросли низкорослого кедра и боярышника, когда эльфийская кавалерия неожиданно налетела на них, словно буря в пустыне. Воины в первых рядах даже не успели достать мечи, прежде чем их перебили. Замыкающие поскакали обратно за помощью.

Таранас продолжал их преследовать, его конные лучники снимали рассеянных воинов. Сперва пятьдесят, затем сотня, затем несколько сотен воинов Микку развернулись и пустились галопом обратно к основным силам кочевников в трех милях позади них.

Таранас оставил небольшой отряд теснить бегущих людей, а сам с основными силами описал широкую петлю вправо и обрушился на фланг ничего не подозревавших Микку. Он ударил по ним как раз в тот момент, когда первые всадники достигли основных сил армии кочевников, выкрикивая предупреждения о нападении. Результатом стало всеобщее беспорядочное бегство. Атакованные с двух сторон, не имевшие понятия, сколько *лэддэд* им противостоит, Микку в смятении отступили. Таранас оставил еще одни символические силы продолжать фланговую атаку и снова повел большую часть своих воинов вокруг, забирая влево. Когда они появились из-за линии пышных черных кедров, перед ними раскинулась вся медленно двигавшаяся с мечами в ножнах армия кочевников.

Сильванестийцы из войска Таранаса привстали в стременах и издали древний победный клич — *«Сивванесу!»* — древний вариант произношения «Сильванести».

Выстроившись клином, эльфы ударили по неосмотрительным кочевникам и прорубились сквозь них, отрезая весь контингент Микку. Воины Таранаса скакали сквозь беспорядочную людскую массу, мелькали мечи и пели стрелы.

Племена Тондун и Хачаки, захваченные врасплох, начали отступать под яростной атакой. Они не боялись. Они лишь хотели создать пространство между собой и своими врагами, чтобы вытащить мечи и встретить врага в равных условиях, но Адала, подъезжая на Маленькой Колючке, заподозрила худшее.

«Как не стыдно, люди Кхура! Враг идет вам в руки, а вы бежите! Где ваша честь? Встретьте их мечами!»

Ближайшие к ней воины запротестовали. Она высмеяла их пояснения. — «Бой никогда не решается бегством от врага. Я покажу вам, как это делается!»

Она стукнула бок Маленькой Колючки своей палкой. Направляя ослицу в обход более высоких пони, она скакала прямо на *лэддэд*. Военачальники и соплеменники кричали ей вернуться, но она не обращала на них внимания. Она атаковала в одиночку, разъяренная, безоружная, не имея ни малейшего желания отступать.

Молодой Осдан, вождь Тондун, проревел: «Я не буду сидеть с бесполезным клинком в руках, пока погибает Маита! Тондунцы, следуйте за мной!»

Чтобы не отставать, вожди и военачальники Хачаки развернули своих великолепных серых коней и пришпорили. Держа поводья зубами, они взяли в каждую руку по мечу.

Таранас не мог понять, что происходит. В одно мгновение кочевники были готовы дрогнуть; мгновение спустя, они с грохотом неслись обратно кровожадным приливом, готовым поглотить меньшие силы эльфов. Это не была правильная атака или расчетливое наступление, а лишь несущаяся в сторону изумленных эльфов грохочущая масса людей, лошадей и кружащих клинков. Справа, Микку увидели разворот удачи и сплотились, вынуждая Таранаса отражать атаки слева и справа. Он привстал в стременах и осмотрел окружающий хаос, ища выход. Его взгляд упал на нелепую фигуру — маленького осла, двигавшегося со всей скоростью, на которую были способны его короткие ноги и несущего облаченного в черное платье всадника. Он не узнал наездника, но грохочущая за ослом масса кочевников подсказала ему, что это была важная персона.

«Формиган!» — крикнул он. — «Отправь стрелу в того всадника на осле!»

Прославленный лучник наложил дубовую стрелу (свой последний снаряд) и натянул тетиву до подбородка. Вокруг него творился полнейший хаос, эльфы с кочевниками сновали туда-сюда между ним и его целью, а он невозмутимо ждал подходящего момента, затем выстрелил.

Стрела попала в цель. В рядах кочевников поднялся громкий гул при виде того, как все еще дрожащее черное древко торчит из груди их предводителя. Сила удара выбила дух из тела Адалы и опрокинула назад, но она не ощущала боли, и не текла кровь. У нее в венах пело ликование.

Все глаза были направлены на нее, когда она подняла высоко свой хлыст и крикнула: «Смотрите, как моя *маита* защищает меня, даже от оружия злобных *лэддэд*! Люди Кхура, дети Торгана, потерпите вы теперь неудачу?»

«Нет!»

Громогласный рев, казалось, потряс саму землю под конем Таранаса. Генерал был потрясен неудачным выстрелом Формигана. Могли у всадника на осле быть доспехи под тем черным платьем?

Больше не было времени размышлять над этой загадкой. Кочевники удвоили свои усилия. Зажатый в тиски людской ярости, Таранас искал выход. Левый и правый фланги были безнадежно забиты дикарями. Отступить было невозможно, так как в том направлении

находился народ эльфов. Единственным вариантом было двигаться вперед.

Эльфы рванулись вперед. Они пробили себе путь сквозь относительно тонкий строй кочевников перед собой и вырвались в открытую пустыню. Таранас велел своему корнетисту играть не «Отступление», а «Преследование». Воодушевленные осознанием, что они не бегут, эльфы выбрались из толпы людей и унеслись галопом строго на запад. После некоторого замешательства, когда удушливые облака пыли частично рассеялись, кхурцы последовали за ними.

Единственными кочевниками, не отправившимися в погоню, были Адала и Вейя-Лу. Ялмук и сражавшиеся на Сломанном Зубе воины Вейя-Лу неслись во весь опор, чтобы догнать основную армию. Когда они прибыли, то обнаружили, что сражение окончено, их соплеменники преследуют *лэддэд*, а Адала Маита лежит на спине своей ослицы.

Опасаясь худшего, Ялмук коснулся руки Вейядан. — «Маита! Ты ранена?»

Она выпрямилась, и у Ялмука перехватило дыхание, когда он увидел стрелу у нее в груди. — «Я не ранена, военачальник», — ответила она. — «Можешь вытащить из меня эту штуку?»

Он осторожно ухватился за древко. Адала ни вздрогнула, ни упала в обморок, лишь велела ему поторапливаться. Он резко дернул. Снаряд *лэддэд* вышел с рвущимся звуком.

«Какой ты нескладный. Порвал мне *геб*».

Ялмук не слышал ее. Он изучал стрелу. Острый кончик широкого наконечника обломился, словно ударился во что-то твердое.

«Маита, ты носишь доспехи?»

Она раздвинула спереди верхнюю одежду, показывая надетый под ней бледно-серый кушак. Его украшали три кабошона лазурита, каждый размером с ладонь Адалы. Центральный треснул пополам. Стрела попала в него, сломав наконечник и кабошон. Одежда Адалы удерживала стрелу на месте, пока Ялмук не вырвал ее.

Она велела ему сохранить стрелу. — «Это еще одно доказательство, что моя *маита* жива, и принесет нам победу».

Ялмук убрал стрелу и спросил, что она собирается делать дальше.

«Нужно вернуть людей Кхура. Наша цель — *лэддэд*, а не их трусливые солдаты. Раз так много скрылись в пустыне, *лэддэд* должны были остаться без защиты». — Она расправила одежду. — «Я приведу обратно племена. Ты — скачи за оккупантами *лэддэд*».

Ялмук внимательно посмотрел на нее. — «Маита, тебе не больно?»

Ребро напротив сломанного кабошона было похоже, что треснуло, и ей было немного больно. Но она туже затянула кушак, чтобы зафиксировать его, и ничего не сказала Ялмуку, лишь отправила его своей дорогой. Подняв хлыст, она стукнула по боку Маленькую Колючку и пустилась на поиски своей армии.

*** * ***

Облака над Кхури-Ханом закрывали большую часть звезд. Во дворе храма Элис-Сань стояла Верховная Жрица Са’ида, держа в руке высокий посох. Наверху посоха кружащимся белым светом горел стеклянный шар, не давая тепла, но освещая лежащее ниц перед ней омерзительное создание.

Когда служительницы в первый раз прибежали в священный храм с криками о чудовище

у ворот, Са'ида обругала их. Век чудовищ прошел, сказала она. У них была истерика. Но, увидев получеловека, полу-зверя, и услышав, как он произносит ее имя, она поняла, что должна будет извиниться перед женщинами.

«Святая Госпожа», — прошипело существо. — «Помоги мне! Я проклят».

«Кто ты, зверь?»

«Святая Госпожа, это я, принц Шоббат».

Она потрясенно отпрянула, и вплетенные в ее белые волосы крошечные медные колокольчики нестройно зазвенели. Покрытый мехом зверь подполз ближе на лапах с желтыми ногтями. Ночь была теплой, черный язык существа вывалился, и оно часто и тяжело дышало.

Держа посох перед собой обеими руками, она приказала ему остановиться. — «Кем бы — чем бы — ты ни был, ты не можешь войти в храм Благодетельной Целительницы!»

Поднявшись на корточках, Шоббат привалился к стене ограды. — «О, Святая Госпожа, помогите мне», — взмолился он. — «На меня охотятся на улицах моего собственного города. Мой отец собирается убить меня!»

Са'ида шагнула к нему, вызвав хор охов и криков столпившихся в дверном проеме позади нее служительниц. Она проигнорировала их.

«Как ты дошел до такого состояния?»

«Я не знаю! Может, я сунул нос в вещи, от которых добропорядочный человек должен держаться подальше, но…» — Его пожатие плечами было красноречивым, хотя и выглядевшим странно от такого существа.

Он рассказал ей о дискредитированном королевском маге Фитерусе и о своем визите к таинственному Оракулу Дерева вглубь пустыни. Принц полагал, что в его состоянии был виноват Оракул. Он рассказал ей об абсурдных изображениях соединенных вместе людей и животных, которые видел там.

В конце его повествования настала ее очередь пожать плечами. — «Я не могу помочь тебе. Я могу лишь лечить раны, а не отменять волшебные заклинания».

«Святая Госпожа, хотя бы позвольте мне провести здесь ночь. Это все, о чем я прошу».

«Вы должны знать, Ваше Высочество, что это невозможно». — Ее голос дрогнул на титуле. — «Вы осквернили этот храм. Вы должны уйти и довериться судьбе».

«*Maume?*» — Рот Шоббата открылся, и с его клыков цвета слоновой кости закапала слюна. Она поняла, что он смеется. — «Вы говорите, как пустынная мечтательница. Святая Госпожа, что мне делать?»

Несмотря на нелепый вид, его страдания были неподдельными. Она ощутила небольшой укол жалости к глупому принцу. — «Отыщи того, кто проклял тебя. Лишь он может снять заклинание», — сказала она.

Он начал протестовать, что невозможно найти Оракула. — «Да, но есть еще одна вероятность», — напомнила она ему. — «Тот, кто не является духом, а из плоти и крови».

Она была права. Фитерус не был духом. Его можно было найти. Мысль о том, как он держит в пасти тощую шею Фитеруса, наполнила Шоббата наслаждением. Маг вылечит его, а не то.

При виде того, как существо перед ней, вне всякого сомнения, злобно улыбается, мелькнувшая, было, у Са'иды жалость пропала. Она нацелила шар на своем посохе на Шоббата и объявила: «Ступай из этого места!»

Будто пихаемый невидимой рукой, Шоббат был вытолкан обратно через внутренний

двор и сквозь открытые ворота. Ворота сами по себе захлопнулись и заперлись с громким лязгом. Над низкой стеной храма возникло свечение. Са'ида установила магический щит.

Шоббат зарычал. Когда он будет ханом, он сравняет с землей жалкий храм этой женщины. Нет, еще лучше, он превратит святилище в конюшню. Пусть его призовые кони оценивают красоту этого полупрозрачного голубого купола.

Он рассмеялся, и этот звук заставил залаять собаку по соседству. Этот шум, точно нож, пронзил Шоббата. До него донесся запах собаки, и он узнал в ней гончую. Несколько других залаяли в ответ, и он вспомнил свой страх. За ним охотились. Ему нужно было убраться из города.

У Фитеруса был дом в Хабале, северном округе города, все еще не восстановленном после опустошения, устроенного красной драконицей Малис. В доме мага должны были быть много вещей, которых он касался. По ним Шоббат узнает запах колдуна. Он выследит Фитеруса до края мира и выжмет из него лекарство.

Пока он крался из города, каждая собака в радиусе мили от него принималась выть. Хозяева проклинали или пинали их, и говорили им заткнуться, не подозревая о проходящей мимо опасности.

21

Эльфы спорили всю ночь. Фантастическое представление в небе растаяло, но разожженный им среди сторонников Портиоса огонь становился все горячее.

Линия фронта пролегла странным образом. По одну сторону, Эльхана Звездный Ветер и Гитантас Амбродель были целиком за то, чтобы немедленно отправиться на помощь своим собратьям в Кхуре. Несмотря на верность своей госпоже, Самар с Чатендором оба были на противоположной стороне. Среди королевских гвардейцев число тех, кто горел желанием отомстить за убийство эльфов в пустыне, намного превосходило число согласных со своим командиром, Самаром.

Дискуссия велась вокруг разведенного в центре плато костра. Портиос наблюдал со скалы в четырех метрах над собранием, его ряса и маска окрашивались ярко горящим пламенем в алый цвет. Кериан сидела на земле, скрестив ноги, неподалеку от Эльханы на походном стуле.

После видения в небе, Кериан удалилась в свою крошечную палатку. Эльхана отправила эльфа попросить ее присоединиться к обсуждению, но когда тот позвал ее, Львица пригрозила удавить его голыми руками. Ее голос был придушенным и хриплым. Они оставили ее в покое. В конце концов, она присоединилась к группе вокруг костра, но была нехарактерно молчалива. Кериан сосредоточилась на заточке оселком своего меча, но когда голоса с обеих сторон вошли в азарт, она отложила камень в сторону. Едва ли скрежет по металлу успокаивал чьи-либо нервы.

Эльхана указала, что Гитантас мог говорить от лица ее фракции. Молодой квалинестийский воин, стоя на фоне огня, красноречиво и с пафосом произнес речь о необходимости отправиться на помощь их народу. — «Неужели мы позволим перебить в далекой пустыне наших братьев и сестер?»

«Да, именно в далекой», — сказал Самар. — «Кхур — не наша земля. Там нет места для квалинестийцев, сильванестийцев или кагонестийцев. Мы там захватчики. Неудивительно, что кхурцы сражаются, чтобы изгнать нас».

Эльхана возразила своему верному другу. — «Гилтас привел наш народ туда не для завоевания или оккупации. Он лишь искал убежище от захвативших наши страны варваров. Он добросовестно заключил сделку с кхурским ханом. Теперь кхурцы собираются истребить тех, кто были их гостями. Капитан Амбродель прав: Как можем мы спокойно сидеть и дать этому случиться?»

«Кхур очень далеко», — указал Чатендор. — «Много сотен миль. Если мы выступим завтра в сторону Кхура, Беседующий и те, кто с ним, будут уже давно мертвы ко времени нашего прибытия. Мы отправимся в руки тех, кто уничтожил огромное число наших собратьев. Не имея сами тысячи душ, чего мы добьемся, кроме своей собственной погибели?»

Разумные слова пожилого казначея имели вес. Поднялся ропот, когда находившиеся в толпе начали выбирать стороны. На стороне осмотрительности, остаться здесь, поднялось намного больше голосов, чем за позицию, поддерживавшуюся Гитантасом и Эльханой. Гитантас посмотрел на Львицу. Она не произнесла ни слова с тех пор, как запоздало присоединилась к группе, лишь изучала лежавший у нее на коленях меч. Он боялся спросить, что она думает. Она ясно дала понять, что не желает возвращаться в Кхур.

У Эльханы не было таких сомнений. — «Племянница», — сказала она. — «Я должна знать, что ты об этом думаешь».

Кериан принялась снова точить свой клинок: один удар справа, один слева. Металлическое шипение подчеркивало ее слова.

«Мы все видели картину в облаках». — *Вжик*. — «Мы все согласны в том, что видели». — *Вжик*. — «Мой вопрос, что есть правда?». — *Вжик*.

Она подняла взгляд на Эльхану. — «С тех пор, как я прибыла в Квалинести, наши пути, по-видимому, прокладывались силами, могущественнее наших, или неракских, или вожаков бандитов. Город с гарнизоном в несколько сотен пал перед отрядом численностью в двадцать. Мы нашли достаточно оружия, чтобы снабдить восставших и отделались от охотившейся на нас армии в несколько тысяч. И тебя, тетя, спасли от неминуемой смерти по каким-то все еще непонятным мне причинам. Это обычная случайность? Или нас направляют?»

Собравшиеся взвешивали ее слова. Единственными звуками был треск костра и тихое шарканье кожаных подошв ботинок Портиоса, пока он спускался со скалы. Он подошел ближе, но оставался вне круга света от костра.

«Ответ — да», — сказал он.

Кериан попробовала подушечкой большого пальца край меча. — «Кем?»

Когда он не ответил, она добавила: «Орексас, пришло время ясно излагать мысли. Говори, что у тебя на уме».

Ему было совершенно очевидно ее намерение. Говори правду, или она раскроет его личность. Даже на таком расстоянии запах костра, ощущение жара на зарубцевавшейся коже, были болезненными, и Портиос чувствовал непреодолимое желание вернуться в прохладную темноту. Вместо этого, он сделал несколько шагов и вышел в круг света.

Он поведал историю своей первой встречи с выглядевшим как человек жрецом. Он описал старика и рассказал о примере с цикадой и муравьями. Он рассказал, как тот же самый жрец явился ему в ночь, когда Эльхана лежала и умирала. — «Видение в облаках, я уверен, было его самым последним вмешательством».

«Кто этот жрец? Почему бы человеку делать все это?» — спросила озадаченная Эльхана.

«Не думаю, что он человек». — Портиос назвал имя бога. Если вся группа и до этого хранила молчание, то они просто онемели от такого открытия.

Кериан встала и сунула меч в ножны. — «Я верю тебе», — сказала она.

Его история помогла объяснить ее перенос из Кхура в Налис Арен в мгновение ока, сказала она. Это не было работой Фитеруса или какого-нибудь безымянного кхурского мага, а делом названного Портиосом бога.

«Мы должны отправляться в Кхур».

Это было сказано прямо. Гитантас издал возглас ликования. Эльхана сцепила руки, улыбка облегчения осветила ее лицо. Самар смотрел сердито, а Чатендор угрюмо покачал головой.

«Четыре пятых нашей расы там», — пояснила Кериан. — «Чтобы выиграть свою войну здесь, нам нужна численность, но кровь нашего народа льется на пески Кхура. Нам нужно спасти их, привести домой и дать им в руки найденное нами оружие».

«Куда домой?» — хотел знать Самар.

«Сюда. В Квалинести. Наш успех показывает, как слабы и разрозненны силы Самувала

С двадцатью тысячами опытных воинов я могла бы за год вернуть Квалинести, а на следующий год выкинуть неракцев с юга».

«Ты не смогла остановить их раньше».

«Раньше все было по-другому. Драконы были слишком сильны, а Квалинести был разделен и слаб. Но теперь Берил нет, и армия, которую мы собираем, будет другой. Народ Квалинести будет сражаться за себя».

Она сделал жест в сторону добровольцев из Бианоста, и те ответили одобрительными криками. Сидевшие рядом с ними гвардейцы Эльханы с откровенным скептицизмом смотрели на них.

«Когда Квалинести будет у нас в руках, мы сможем собрать силы для вторжения в Сильванести». — Кериан посмотрела на Портиоса. — «Ведь этого хочет наш божественный покровитель, не так ли? Восстановления эльфийских земель?»

Он пожал плечами. — «Я не осмеливаюсь предполагать мотивацию бога. Но если это он показал нам ту далекую битву, то он ясно хочет, чтобы мы отправились в Кхур. Моя интуиция и оставленные мне богом знаки говорят, что наша судьба лежит там».

«Как мы успеем туда вовремя, чтобы оказать значимое влияние?» — спросил Чатендор.

Портиос посмотрел в сторону грубого загона на высоком краю плато. — «Грифоны».

«У нас их лишь двадцать девять», — указал Самар. — «Что они могут сделать против орд варваров?»

Кериан ответила: «Кочевники сражаются исключительно верхом, а их кони не вынесут вида или запаха грифонов. Две дюжины грифонов, пролетающих прямо у них над головами, вызовут всеобщую панику среди скакунов кочевников. Решительная контратака в нужный момент принесет нам победу. Гилтас ведет наш народ в долину, защищенную со всех сторон высокими горами. Единственный путь лежит через один скрытый проход. Когда наш народ окажется внутри в безопасности, мы сможем сдержать любое число кхурских дикарей».

Самар молча вежливо слушал, но когда она закончила, он не старался скрыть свое неверие. — «Едва ли это разумно, леди. Двадцать девять всадников на грифонах, так или иначе, не могут нанести поражение десяткам тысяч кхурских варваров».

«И что насчет тех, кто останется здесь?» — спросила Эльхана. — «Армия Гатана Грейдена все еще охотится на нас. Как выживет восстание?»

Уперев руки в бедра, Львица заявила: «Те, кто останется, разойдутся маленькими группами и вернутся в равнинные леса, забрав с собой оружие. Они спрячут арсенал в тысяче мест, и бандиты никогда его не найдут». — Она посмотрела на бианостских эльфов и заговорила громче, чтобы ее было лучше слышно. — «Никакие неуклюжие люди не знают этот лес лучше тех, кто родился здесь. Пока мы не вернемся с армией за спиной, вы будете пользоваться старыми методами неожиданного нападения и засады. Бандиты не будут знать, куда поворачиваться или даже, с кем драться!»

Ее боевое искусство не ограничивалось дракой. В конце ее речи все бианостские эльфы были на ногах, клянясь сделать так, как она сказала. Даже королевские гвардейцы одобрительно кричали.

Когда шум стих, Чатендор спросил: «Леди, вы не остаетесь, чтобы возглавить их?»

«С вами или без вас, я отправляюсь обратно в Кхур».

Ликующий Гитантас пожал ей руку. В конце концов, его обещание Беседующему будет выполнено.

Самар с Чатендором сдались. У них не осталось аргументов и предводителя, чтобы

противостоять грозной комбинации Орексаса, Эльханы и Львицы.

Портиос постановил, что они отправятся с первым светом, и собрание сменилось бурной деятельностью. Двадцать с лишним уже связанных с грифонами воинов собрались вокруг Кериан. Самар уступил воле своей госпожи и присоединился к отбывающему отряду. К его чести, он больше ничего не сказал о своих сомнениях. Теперь, когда их курс был выбран, его обязанностью было поддержать Эльхану.

Вдобавок к Кериан, Гитантасу и остальным всадникам грифонов, Портиос тоже собрался в путь. Когда Эльхана тоже потребовала место, Портиос грубо ответил, что она должна возвращаться в Шэлси.

Чатендор был возмущен. Хотя он и сам все собирался возражать против ее отправления в столь опасный поход, он отчитал Орексаса за проявление такой наглости. Кериан быстро заговорила, исправляя бестактность.

«Наш предводитель, очевидно, старомоден», — пошутила она. Она с издевкой спросила Портиоса: «Знаешь, женщины тоже сражаются. Может, ты слышал о Львице?»

Послышался смех, и эльфы разошлись по своим собственным делам. Говоря только для его ушей, Кериан прошептала: «Орексас, следи за своим языком. В следующий раз тебе самому придется придумывать оправдание».

Когда всадники на грифонах приготовили свое имущество, оставалось одно последнее важное дело. Продолжавшемуся в Квалинести восстанию требовался предводитель. Чатендор был слишком стар, к тому же, был сильванестийцем. Революции требовалось местное лицо.

Кериан предложила Наларина и приготовилась отстаивать свой выбор, но в этом не было необходимости. Все согласились, что вождь кагонестийцев будет превосходным предводителем. Наларин стоял неподалеку, ожидая приказов своего Великого Лорда. Когда ему велели возглавить восстание в Квалинести, невозмутимый лесной житель и глазом не моргнул.

«Такова ваша воля, Великий Лорд?» — спросил он. Портиос ответил утвердительно, и Наларин кивнул. — «Тогда я донесу ваш меч до каждого уголка этой земли. Оккупант не будет знать передышки, и его приспешники бегут или умрут».

Для Кериан это было уже слишком. Наларин был сильнее и быстрее Портиоса. Почему кагонестиец демонстрирует ему столь безусловную преданность? Эльхана, Чатендор и Самар отправились закончить свои собственные приготовления, и Кериан оттащила Наларина в сторону. Она задала ему свой вопрос в своей типичной грубоватой манере.

«Почему ты служишь Орексасу?» — спросила она. — «Какую он имеет над тобой власть?»

«Я видел его лицо», — просто ответил диковатый эльф. — «Он назвал мне свое настоящее имя».

Кериан поняла, что открыться Наларину было блестящим ходом со стороны Портиоса. Наларин видел его Беседующим с Солнцем, каковым Портиос был во время службы Наларина разведчиком в королевской армии. Остальные кагонестийцы были связаны с Наларином узами кланового родства. Все восхищались сплоченными и немногословными кагонестийцами Портиоса. Бессмертные образуют ядро восстания. Добровольцы вроде бианостцев последуют за ними везде, куда те поведут. Кериан было едва ли не жаль бандитов. Им придется очень туго.

Из-за численности отправлявшихся в Кхур эльфов, двум грифонам придется нести

удвоенный вес. Самар, связанный с самым крупным животным, Железной Головой, предложил место Орексасу. Кериан, сузив глаза, внимательно посмотрела на эльфийского воина с гранитным лицом. Несмотря на заслуженное Орексасом уважение в качестве хитроумного предводителя, он все еще выглядел как бродяга. Великодушное предложение Самара подсказало ей, что тот сделал вывод о личности их предводителя. Самар ответил на ее взгляд столь добродушно-невинным выражением, что Кериан поняла, что права.

Эльхана с Кериан намеревались ехать вместе на самке грифона, которую поймали первой. Хотя с этим грифоном связали Львицу, имя ему дала Эльхана: Чиза, в честь Чизлев, богини природы.

Чатендор организовал упаковку припасов для всадников на грифонах. Кериан перебрала бианостские запасы в поисках лучшего оружия для них, включая легкие копья и множество квалинестийских стрел с белыми древками. Отбывающие воины с радостью приняли новое оружие. Кериан предложила Портиосу выбрать, но тот ничего не взял, даже шлем.

«Моя судьба не связана с полем боя», — сказал он ей. — «Я могу пройтись по нему или, как в данном случае, пролететь над ним, но я не буду снова орудовать мечом или щитом». — Его поза изменилась. Перемена была слабой, но заметной. Его плечи поникли, шея слегка согнулась, и он отвернулся от нее, словно разглядывая нечто, видимое только ему. — «Воин, которым я был, мертв. Он погиб в пламени. Все, что осталось, это лишь разум и способ его перемещения».

Кериан больше не настаивала. Если он хотел быть брошенным невооруженным в гущу того, что могло быть самым крупным сражением на континенте, она не могла остановить его.

Работая с энтузиазмом, эльфы закончили свои приготовления за несколько часов до рассвета. Портиос приказал всадникам лечь спать. Все эти гвардейцы были ветеранами. Несмотря на важность предстоящего на следующий день предприятия, они знали, что должны попытаться отдохнуть.

Кериан направилась к своей палатке. Она ожидала, что уснет в считанные секунды после того, как устроится в своем спальном мешке. Годы кочевой жизни, прячась в лесу от врагов, научили ее этому ценному навыку. Однако, Эльхана последовала за ней, спросив: «Можно с тобой переговорить? Это важно».

Кериан уселась прямо у входа в свою палатку и сделала приглашающий жест Эльхане присоединиться. Хотя и небольшая, палатка давала защиту от укусов холодного южного ветра. Кериан была удивлена, когда Эльхана села поближе и накинула Кериан на плечи конец своей лисьей накидки. Она с благодарностью укуталась в ее тепло.

«Я искренне одобряю завтрашнее предприятие», — очень тихо сказала Эльхана, — «но мне кажется, тебе следует быть готовой к определенным вероятностям».

Члены королевской семьи умели напускать тумана. — «Тетя, твоя накидка теплая, но мне бы хотелось немного поспать. Что ты пытаешься сказать?»

«Я не верю, что он отправляется в Кхур, чтобы спасти Гилтаса».

Кериан не сомневалась, кто этот «он». — «Тогда зачем?»

Эльхана отвела взгляд. Кериан вздохнула из-за этой задержки, и Эльхана выпалила: «Он снова будет Беседующим».

Кериан едва не рассмеялась, но Эльхана была абсолютно серьезна. — «Ты знаешь его состояние», — сказала Кериан, стараясь быть мягкой. — «Он никогда не сможет снова быть Беседующим».

«Если не самим Беседующим, то силой, стоящей за троном другого. Ты не знаешь его так, как я, Кериансерай. Он был рожден править. Он всегда был целеустремленным». — Кериан фыркнула в ответ на эти дипломатичные формулировки. — «Но сейчас…» — Эльхана покачала головой. — «Если власть приплывет ему в руки, он возьмет ее. Он *никому* не позволит стоять у него на пути».

Кериан повернулась к ней лицом. Ей уже было не до смеха. — «Ты говоришь, что он убьет меня или Беседующего, если представится удобный случай?»

«Нет! Я не знаю! Если он полагает, что нашему народу будет выгодно его правление…» — Эльхана собралась. Даже в серебристо-бледном свете звезд пронзительность ее взгляда была осязаема. — «О нем было сказано, много лет назад, что он собирался объединить эльфийские королевства, даже если ему пришлось бы для этого перебить всех эльфов в Ансалоне. С тех пор у него не прибавилось доброты».

Была ли это истинная причина, по которой Портиос отправлялся в Кхур? Кериан хотела собрать воинов Гилтаса ради великой войны за освобождение Квалинести. Чего хотел Портиос? Если каким-то образом Гилтас и Кериан будут устранены, кто останется возглавить эльфийскую армию? Никто, кроме Портиоса.

Кериан поблагодарила ее за информацию, добавив: «Теперь тебе следует попробовать заснуть».

Эльхана глубоко вздохнула. Не так легко будет отложить на время ее тревоги. Она пожелала Кериан доброй ночи и ушла.

Лежа в спальном мешке, Кериан разглядывала грязный брезент в метре у нее над носом. Несмотря на свой собственный прощальный совет, она не могла уснуть. Она продолжала прокручивать в голове сказанное Эльханой.

Спасибо тебе большое, кисло подумала она. Правдивые или нет, страхи Эльханы сильно подпортили Кериан отдых.

Меньше чем в миле от них, по каменистым тропам на вершинах гор из песчаника бесшумно передвигались две облаченные в серое фигуры. Они делали это странным образом. Один стремительно пересекал открытый участок, прятался, затем подавал сигнал оставшемуся товарищу следовать его примеру. Затем второй делал рывок вперед, прятался и подавал сигнал. Передвигаясь по плато зигзагами, Британ Эверайд и сержант Джералунд приблизились на сотню метров к эльфийскому лагерю, а затем остановились, укрывшись под парой прислоненных верхушками друг к другу валунов.

«Вот он!» — тихим шепотом, к тому же приглушенным серой замшевой маской, произнесла Британ.

Сержант Джералунд хрюкнул. Он замерз и устал. Они устроились было на ночлег, когда Британ разбудила его, тряся за плечо и возбужденно указывая на малиновое свечение над самыми высокими юго-восточными пиками. Она была уверена, что эльфы праздновали важное событие. Зачем же еще привлекать к себе внимание таким большим костром?

Под ее руководством они пересекли горы, влекомые далеким сиянием, словно мотыльки светом свечи. Британ лишь раз сделала остановку, чтобы снять с плеча свой арбалет. Она зарядила его, а затем кивком головы велела Джералунду двигаться дальше.

Наблюдая за лагерем эльфов, они пытались разобраться в происходящем перед ними.

«У них есть грифоны!» — воскликнул Джералунд, с которого мигом слетел сон. — «Если они посадят в седло все свои силы, то смогут нанести удар в любом месте, где пожелают».

Это было очень тревожное развитие событий, но Британ больше заботило, где ее цель. Он должен быть в эльфийском лагере. Как ей добраться до него? Проникнуть в лагерь будет самоубийством. Эльфы могут издалека услышать, почуять и увидеть людей.

«Жди», — посоветовал Джералунд, дыша на свои руки в перчатках. — «Через несколько часов станет светло. Когда лагерь проснется, Пугало явится во всей красе».

«Как далеко, ты бы сказал, до центра вон тех палаток?»

«Не больше ста десяти метров».

Она настроила шкалу на прицеле арбалета. Это было чертовски сложное устройство, но после регулярных тренировок, Британ была уверена, что попадет в эльфа с трехсот метров — четырехсот, если не будет редкого на этой высоте ветра.

Она села, вытянув перед собой ноги, и положила на колени арбалет.

«Ждем».

* * *

Светало. Словно по зову трубы, поднимающей солдат-людей, все эльфы в горном лагере проснулись. Грифоны, которым передалось настроение их новых всадников, выстроились в линию. Они нетерпеливо скребли лапами каменистую землю, разворачивая и хлопая крыльями, чтобы размять мышцы.

Под светлеющим небом Кериан натянула стеганую куртку поверх поношенных штанов из оленьей кожи. Вес был критичен. Толстая куртка не только будет согревать ее в полете, но обеспечит защиту, так как единственным ее доспехом будет взятый из бианостского арсенала стальной шлем. Вдобавок к этому будет ее меч, копье, лук, провизия и Эльхана — Кериан начинала жалеть своего грифона. Золотых грифонов, которые были меньше своих королевских двойников, просили пролететь несколько сотен миль, намного большее расстояние, чем они обычно покрывали за раз. Это путешествие должно было занять от десяти до двенадцати часов. При удачном стечении обстоятельств, и учитывая продолжительность летнего дня, они должны были еще до заката достичь Кхура.

Кериан с Эльханой, будучи опытными всадниками на грифонах, летели на Чизе первыми. Они обсудили маршрут и решили, насколько возможно, держаться необитаемых земель, чтобы сохранить в тайне приобретение грифонов. Они полетят над сушей к Новой Бухте, затем на северо-восток над Новым морем, избегая континентального болота и островов Шэлси. Они проложат путь по узким заливам Квермиша, пересекут Внутреннее море и снова окажутся над сушей между Санктионом и Кинжалом. Оттуда они преодолеют Халкистские горы, следуя долинами на север и восток, и держась как можно ниже. Эти горы кишели неракскими наймитами, наемниками и болтливыми путешественниками. Не все были враждебны, но сплетни будут убийственными для секретности.

Их конечной целью было устье прохода в Инас-Вакенти. Кериан пришла к заключению, что Гилтас сделал рывок к долине после осады на Зубах Льва. Добрый благородный Планчет остался с арьергардом, чтобы защитить основной отряд эльфов. Это и была та сцена в небе, свидетелями которой они стали. Не было смысла лететь к Зубам Льва. То сражение явно было окончено.

После того, как наблюдала доблестную стойкость Планчета, Кериан рыдала в уединении в своей палатке. Хотя видение резко исчезло, его конец был неизбежным:

Планчет был мертв. Она горевала об этой утрате и из-за него самого, и из-за того, что тот значил для Гилтаса. Никто лучше нее не знал, как был важен для ее мужа Планчет. Видение также вызвало тревожные мысли и о смутной судьбе Гилтаса. Он отверг ее, так что она отрезала себя от него, но их связь была глубже политики или военных вопросов. Она скучала по нему с болью, которую больше не могла игнорировать. Если он был жив, она заставит его взять ее обратно, на ее условиях. Если он был мертв…

Если Гилтас был мертв, кто-то за это заплатит.

Она решила не брать сумку с провизией. Учитывая, что Чиза несет двоих всадников, каждая капля сэкономленного веса будет полезной. Кериан могла обойтись день без пищи. Она пообедает этим вечером со своим мужем в Кхуре.

Прибежал Гитантас. Как и у Львицы, единственным его доспехом был защищавший голову металлический шлем. Его лицо раскраснелось. Он выглядел самым счастливым за все время с тех пор, как оказался в Квалиносте.

«Всадники собираются у загона! Командир, торопитесь!»

«Они не отправятся без нас», — ворчливо ответила Кериан. Его энтузиазм иногда был приятен, но после бессонной ночи она находила кипучую энергию эльфа лишь на несколько лет моложе ее крайне утомительной.

Остававшиеся эльфы выстроились позади загона огромным полукругом. Кериан обвела взглядом их лица, все без исключения, от светлоглазых привлекательных сильванестийских гвардейцев Эльханы до менее рослых, более темных простых эльфов из Бианоста, рискнувших всем, присоединившись к восстанию. В центре группы Чатендор с Наларином представляли собой прямые противоположности — кагонестийский разведчик из глухих лесов западного Квалинести, и на протяжении всей жизни придворный из Сильваноста — но они стояли плечом к плечу, как братья.

Кериан с трудом сглотнула. Умышленно избегая эмоциональной сцены, она отвернулась от остававшихся, и оглядела отправлявшихся в полет. Одного не хватало. Прежде чем она указала на его отсутствие, показался Портиос.

Он шел медленно, повязывая шнурок на запястье. Обернув его вокруг руки, чтобы болтающиеся рукава не раздувались ветром, он пытался завязать его на запястье. Было трудно затянуть узлы одной рукой, и Портиос пытался сам справиться с этим, но недолго.

«Дай я».

Эльхана взяла концы веревки и связала их. Она спросила: «Не туго?»

«Нет». — Его голос был едва слышен, но она вполне хорошо разобрала сказанное. Эльхана протянула руку ко второму обрезку шнурка. Не говоря ни слова, он отдал его ей, и она принялась перевязывать другой рукав.

Хотя Эльхана ни разу не посмотрела на него, Портиос не сводил с нее взгляда все время, пока она работала. На Эльхане было платье для верховой езды из темно-синей замши, отороченное белым мехом и собранное на талии ремешком из плетеного серебра. За пояс был заткнут тонкий кинжал, а на плече висел кивер со стрелами. Он помнил, что она была хорошей лучницей. Лучше него по движущимся мишеням. А теперь, лучше него по любым мишеням. Ее волосы были укутаны подходящим под платье шарфом. Ее глаза, отражавшие цвет платья, были темно-фиолетовыми, как вечернее небо Квалиноста.

Вдруг Портиос двинулся от нее прочь, чтобы стать рядом с Самаром и его грифоном. Эльхана лишь едва успела завязать шнурок у него на руке. Она озадаченно посмотрела на него. — «Я сделала тебе больно?»

Один качок головы, и он сконцентрировался на Львице, поднявшейся на скалу, чтобы обратиться к всадникам. Намного лучше обратить внимание туда, чем думать об Эльхане, или размышлять о предстоящей поездке. Портиос не ездил верхом на грифоне с тех пор как его собственный погиб под ним в пламени дракона. Однако не было времени для страхов или сомнений. Он должен отправляться в Кхур. Лучшим способом попасть туда было на спине грифона. Больше ничего не должно волновать.

Обрисовав выбранный ей с Эльханой маршрут, Кериан сказала: «У нас нет времени для тренировок, так что ничего не усложняйте. Держитесь вместе. Если кто-то отстанет, пробирайтесь в долину самостоятельно».

«Какой строй мы используем?» — спросил Гитантас.

«Гусиный клин. Мы с Эльханой на острие. Самар с Орексасом полетят позади нас слева. Гитантас, ты справа от меня». — Она продолжила, указывая каждому всаднику его место.

Британ из укрытия видела свою цель в капюшоне, но не могла точно выстрелить. Эльфы сновали туда-сюда перед Пугалом, да и он не прекращал двигаться сквозь толпу. Когда он, наконец, остановился, пока эльфийка поправляла его тунику, та оказалась у Британ прямо на линии огня.

«Я могу застрелить ее, а затем, вторым болтом, его, когда она упадет», — прошептала Британ.

«Нет!» — зашипел Джералунд. — «Первый выстрел поднимет тревогу, и у тебя больше не будет другого шанса! Будь терпелива, леди!»

Будь терпелива, молча повторяла она про себя. Будь терпелива. Британ навела прицел на точку прямо между лопатками эльфийки. Как только та сдвинется, покажется грудь мишени.

К сожалению, Пугало сдвинулся первым, и оказался за другим эльфом, воином с обветренным лицом.

Британ тихо выругалась.

Кериан закончила обрисовывать их полетный строй и спросила, есть ли у кого вопросы. Один из всадников хотел знать, что им следует делать, если они отстанут от группы и будут вынуждены приземлиться в каком-либо отличном от Инас-Вакенти месте.

«Никому не говорите, кто вы, откуда вы и куда направляетесь».

Больше вопросов не было. Всадники выжидающе смотрели на нее. Настал тот момент, когда командир должен сказать что-то, чтобы поддержать их мужество и подготовить к ожидавшему впереди большому приключению. Солнце едва показалось над восточными пиками. Его свет окрасил шлем Кериан золотом. Она сделала глубокий вдох.

«Держитесь в седле. Пусть грифоны выполняют полет. Мы отправляемся вернуть домой из Кхура своих заблудших кузенов».

«Сивванесу!» — закричали гвардейцы.

Гитантас, не отставая, воскликнул: «За Беседующего с Солнцем и Звездами!» — Эльфы из Бианоста разразились одобрительными криками.

У привыкшей к своему намного более крупному королевскому грифону Кериан не возникло проблем запрыгнуть Чизе на спину. Она намотала поводья на руку в перчатке и проверила ремешки кустарной сбруи. Все были затянуты. Она велела Эльхане забираться.

Бывшая королева нырнула под частично развернутое крыло грифона и поставила ногу в заднюю седельную скобу. Она, мягко приземлившись, изящно запрыгнула на спину грифона.

«Ты уже делала это прежде», — пошутила Кериан.

«Еще до твоего рождения», — не осталась в долгу Эльхана.

Она привязалась к седлу, и Кериан начала советовать, как ездить сзади. Внезапно Эльхана тихо рассмеялась.

«Полагаю, ты и это все тоже уже знаешь», — проворчала Кериан.

«И в самом деле, знаю, но я не поэтому смеялась. Это Чиза. Она очень…» — Эльхана подбирала правильное слово, — «гордится собой сейчас. Самодовольная».

«Почему?»

Потому что у нее *два* всадника. Лишь ей и Железной Голове оказали такую честь.

Пришло время выступать. Кериан крикнула: «Ай-хай-хай!» — Чиза развернула крылья и пробежала вперед тремя прыжками. На третьем прыжке она поднялась в небо. Несмотря на все свое огромное чувство собственного достоинства, Эльхана закричала от радости, когда земля поплыла вниз. Грифон Гитантаса, Канан, разбежался по склону и взлетел. Самар повернул мощную голову Железной Головы и щелкнул поводьями. В отличие от взятого первыми двумя короткого разбега, большой самец встал на задние лапы, присел, широко распростер крылья, и с места прыгнул в небо.

Все, что видела Британ — лишь хлопавшие крылья, взлетавших грифонов и раскачивавшихся всадников. У нее было четыре болта до перезарядки. Пугало был на самом крупном грифоне, сидя позади эльфийского воина. Четырьмя стрелами она могла бы сбить их грифона. Если ее цель не погибнет при падении, она перезарядит и закончит работу.

Она начала вставать, чтобы прицелиться в летящего зверя, но Джералунд схватил ее за портупею и снова притянул вниз.

«Что ты делаешь?» — крикнула она. — «Он улетает!»

«Не глупите, леди! Теперь вы бы не попали в него! И если ваш выстрел предупредит его, у вас никогда не будет второго шанса». — Цель удалялась от них со скоростью большей, чем у мчащейся галопом лошади. Невозможности выстрелу добавляли машущие крылья и остальные грифоны, которые все еще взлетали с плато, теснясь вокруг цели.

Британ в гневе не видела ничего этого. — «Это бунт, сержант! Дайте мне встать!» — Она вырывалась, но более тяжелый мужчина не давал ей подняться. — «Я увижу, как вас за это повесят!» — неистовствовала она.

«Как пожелаете, но если мне суждено быть выпотрошенным толпой разъяренных эльфов, мне бы, по крайней мере, хотелось бы получить удовлетворение от успешности попытки убить их предводителя».

Высоко над головами пролетели грифоны, и люди укрылись под нависавшими валунами. Джералунд поднес губы к уху Британ. — «Может, он и скрылся, но туда, куда улетел он, можем последовать и мы».

Она оскалилась в яростном шипении. — «Как мы можем следовать за летающими зверями?»

«Подумай», — убеждал он горячего рыцаря. — «Мы можем выяснить, где он собирается приземлиться». — Он указал на эльфов в лагере, все еще с покинутым видом глядевших вслед своим улетевшим товарищам. — «Все, что нам нужно сделать — лишь поймать одного из них и допросить».

Как обычно, тактика сержанта была здравой. — «Ты поймаешь. Я задам вопросы».

Когда грифоны описали круг и скрылись, Джералунд отпустил ее и встал, чтобы оглядеть лагерь эльфов. В то же мгновение он ощутил на горле холодное лезвие кинжала

Британ, чуть ниже завязанного узлом платка.

«Если ты еще хоть раз прикоснешься ко мне своими лапами, я убью тебя».

Его голос был раздражающе невозмутимым. — «Леди, на протяжении этой миссии моя жизнь — ваша».

Он выскользнул из их укрытия и крадучись двинулся вниз по тенистой стороне мыса, чтобы подкараулить какого-нибудь эльфа из лагеря. Прислонившись к нагретому солнцем валуну, Британ дрожала от гнева и изрядного охотничьего азарта.

22

Эльфы шли всю ночь, пересекая вади и поднимаясь по противоположному склону. Там они ждали, пока стекутся остальные группы. Рассвет едва осветил небо на востоке, когда прибыли последние отставшие, и нация снова представляла собой одну большую колонну. Они пересекли преграду. Кочевники не атаковали. Они начали поздравлять друг друга.

Их облегчение было преждевременным. Когда первая кроваво-красная полоска восходящего солнца показалась за восточными горами, кочевники обрушились на них.

Микку, которые знали об этом вади, упорно скакали и пересекли ее дальше, в неглубоком месте. Они застигли эльфов стоявшими спинами к пересохшему руслу реки. Не было ни следа Таранаса и кавалерии арьергарда, лишь все новые и новые кхурцы. Как стекающиеся к умирающей змее муравьи, всадники появлялись из укрытия низкорослых деревьев, и атаковали. Лишь сорок метров отделяли их от эльфов, так что у них не было достаточно места, чтобы набрать импульс. Они рассчитывали скорее на мечи, чем на натиск своих мчавшихся галопом коней, чтобы предать смерти нацию *лэддэд* на крутом берегу вади.

Гилтас, во главе своего народа, только лишь выбрался из зарослей можжевельника и увидел впереди проход в Инас-Вакенти, когда до него донеслись звуки боя. Радость мгновенно испарилась. Несмотря на все жертвы его народа, кочевники догнали их.

Он пробирался между своих перепуганных подданных, крича, чтобы все, имеющие оружие, выдвигались вперед. Перед ним на каменистую землю сбили пожилую женщину. Гилтас поднял ее и передал бегущим в противоположном направлении эльфам.

У Хамарамиса под рукой были не больше двух сотен воинов, и все пешие из-за нехватки коней. Не мешкая, старый генерал вывел своих воинов из неорганизованной толпы, надеясь отвлечь внимание кочевников, но люди скакали круг его хорошо вооруженного отряда, чтобы атаковать гражданских. Вооружившись горшками, палками и ничтожно малым числом копий, эльфы отчаянно сражались, парируя удары всадников кочевников. Слабые и старые собрались в центре оборонительных квадратов и кругов. Пока женщины старались соорудить баррикады из багажа, камней, сбитых ветром веток деревьев и любых подручных средств, мужчины граблями и лопатами давали отпор воинам Тондун и Микку. Остроглазые эльфы обоих полов опустошили не одно седло точными бросками камней.

Гилтас перемещался от квадрата к квадрату, успокаивая напуганных и подбадривая бойцов удвоить усилия.

«Таранас с воинами скоро вернутся», — убеждал он их. — «Мужайтесь! Я видел вход в скрытую долину. Он прямо впереди. Мы почти добрались!»

Эльфы знали, что кочевники не последуют за ними в Инас-Вакенти. Кочевники считали долину последним домом богов, прежде чем те покинули мир смертных. Как таковая, она была табу. Если эльфы доберутся до долины, то будут в безопасности. Если.

Хамарамис повел своих солдат обратно к Беседующему. Воины двигались с сомкнутыми щитами, выставив зловещий частокол копий. Некоторые кочевники делали вид, что атакуют, но никто не осмеливался приближаться. Люди хорошо усвоили, какими твердыми могут быть эльфийские клинки.

«Великий Беседующий!» — Хамарамис поймал резкий удар, и наносник шлема порезал ему нос. Кровь стекала струйкой, словно кроваво-красные усы. — «Враг здесь еще не всеми силами! По моим оценкам, сотен пять или шесть».

Это означало, что должны были прибыть еще многие тысячи кочевников.

«Мы должны заставить всех двигаться!» — заявил Гилтас. — «Немедленно! Инас-Вакенти прямо за теми деревьями!»

Он повысил голос, заклиная эльфов следовать за ним. — «Наше путешествие почти окончено! Долина, наша безопасность, за той рощей деревьев! Следуйте за мной туда!»

Эльфы видели лишь носящихся снаружи импровизированных оборонительных сооружений свирепых кочевников. Никто не двинулся с места. Гилтас удвоил свои усилия, тяня за руки, хлопая по спинам и плечам. Несколько дюжин эльфов с трудом пришли в движение, но большинство осталось на месте, слишком уставшие и слишком напуганные, чтобы осмыслить отчаянную правду, которую пытался до них донести Беседующий.

Гилтас закашлялся. Пыль забила его болезненные легкие, и болезнь, смягченная было лекарствами целителя, вернулась со всем неистовством. Хамарамис увидел, как он согнулся пополам, и подбежал к нему. Кровь окрасила подбородок Гилтаса. Старый генерал вскрикнул, но Гилтас отмахнулся от него. Когда он вновь смог говорить, Гилтас спросил: «Где Вапа?»

Озадаченный, Хамарамис ответил: «Во главе колонны, полагаю. А что, сир?»

«Я должен найти его».

Собравшись с силами, Гилтас покинул кольцо эльфов, которые все еще тревожно следили за кочевниками. Всадники описывали круги, атаковали небольшие отряды эльфов, которые осмеливались двинуться, и снова описывали круги. Несчастных отбившихся, когда ломались шеренги, эльфов, настигали и безжалостно предавали мечу. Ужасное зрелище так захватило внимание эльфов, что они сперва не реагировали на приближение Гилтаса. Он принялся расталкивать их, чтобы пробраться сквозь толпу. Врожденное уважение к Беседующему, наконец, пробилось сквозь их страх, и они подчинились. Лишь когда он пробрался мимо них, эльфы поняли, что Гилтас покидает защиту круга.

Хамарамис крикнул ему остановиться. Остальные подхватили призыв. Некоторые осмеливались хватать его за руку или за изодранный *геб* сзади. Он холодно смотрел на хватавшие его руки, и одна за другой те отступали. Гилтас двигался вперед с высоко поднятой головой, в сторону Инас-Вакенти.

Несколько Микку увидели, как он покинул круг. Они с криками пришпорили своих скакунов и направились к одинокому *лэддэд*.

Хамарамис побежал, крича во всю глотку своим воинам защитить их суверена.

«Беседующий! Беседующий!» — Раздался из дюжин глоток крик. Воины и гражданские побежали к Гилтасу. Не для того, чтобы помешать его движению, а образовывая двойную стену между ним и приближавшимися кочевниками, с воинами снаружи и гражданскими внутри. Когда он двигался, стена двигалась вместе с ним. Эльфийские воины и всадники Микку столкнулись, и начался бой. Военачальники Тондун организовывали своих людей присоединиться к атаке на передвигавшийся от одного квадрата к другому пузырь эльфов.

Гилтас добрался до следующего защитного круга. Его ближний край раскрылся, чтобы позволить ему пройти. Укрывавшийся внутри крошечный светловолосый сильванестийский ребенок с откровенным любопытством посмотрел на него. — «Куда ты идешь, Беседующий Следопыт?» — спросил он.

Он улыбнулся. — «Я иду домой, малыш. Пойдешь со мной?»

Девочка покинула укрытие из горы скарба и подошла к нему. Не колеблясь, она взяла его за руку.

Он продолжал идти. Вскоре к нему присоединились сотни эльфов, идя рядом и позади своего Беседующего. Кочевники делали вылазки, рубя края двигавшейся толпы, но отступали, когда эльфы окружали их и атаковали со всех сторон. Даже лучшие фехтовальщики не могли противостоять тридцати-сорока врагам, вооруженным сельскохозяйственными орудиями и безграничной решимостью. Эльфы сражались не только за свои собственные жизни, но за жизнь своего Беседующего. Опасения за его безопасность превышали страх за свои собственные жизни.

Гилтас передал свою крошечную спутницу ее отцу и пошел быстрее. Каждый удар пяток по каменистой земле сотрясал все его тело. Каждый судорожный вдох огнем пылал в груди. Но он улыбался и беспечно махал своим изумленным подданным. Его маршрут обтекал круг за кругом, пока вся передняя половина нации не пришла в движение. Задним передали приказ. Еще не атакованные, остальные эльфы подобрали свои тюки и двинулись вперед.

В последнем круге Гилтас обнаружил стоявшего с обнаженным мечом среди враждебных и обеспокоенных эльфов Вапу. Круг открылся, и Гилтас вошел. Он поприветствовал кочевника. Вапа снял свою широкополую шляпу.

«Приветствую тебя, хан *лэддэд*. Ты привел по пятам свой народ».

«Они лишь хотят предводителя, который покажет им путь, а мне нужен разведчик, который покажет его мне. Ты войдешь в Долину Голубых Песков?»

Вапа поднял подбородок. — «Если так приказывает Беседующий».

Он вернул свое оружие в медные ножны. Бок о бок, Беседующий и кочевник направились к можжевельниковой рощице. Всадники Микку и Тондун следовали за ними, не вступая в бой, но все время оставаясь на виду. Гилтаса беспокоило их поведение.

«Какая-то военная хитрость Вейядан», — сказал ему Вапа. — «Будь осторожен, Хан-Беседующий. Моя кузина — умная женщина».

Позади зарослей сучковатого можжевельника поднимались далекие сине-серые склоны Халкистских гор. Это были первые настоящие горы, которые видели эльфы с момента прихода в Кхур. Эльфы пошли быстрее.

Вапа заезжал в этот проход несколькими годами ранее, хотя, конечно же, не входил в саму долину. Он пояснил, что проход напоминал воронку, узкую с этого конца и широкую со стороны долины.

Гилтас отвел в сторону низко свисавшие ветви можжевельника и вышел на открытый участок. Вапа появился в нескольких шагах сбоку от него. Когда человек и эльф увидели, что их ждало, оба резко замерли.

«Милостивая Э'ли», — прошептал Гилтас.

В сотне метров широким полукругом выстроились основные силы армии кочевников. Перед как громом пораженным Беседующим были тридцать тысяч воинов. Были представлены все семь племен Кхура, хотя племя Фин-Маскар лишь символически обозначило свое присутствие, и еще меньше соплеменников Сахим-Хана присоединились к предприятию Адалы. Люди сидели неподвижно и молча, утреннее солнце сверкало на покоившихся на плечах мечах. Кони, с попонами цветов клана или племени их всадников, пестрели, словно радуга. В центре строя располагался единственный член огромной армии на маленьком сером ослике.

«Вейядан».

Слова Вапы были излишними. Гилтас узнал облаченную в черное фигуру Адалы Фахим.

Хамарамис со своим маленьким отрядом солдат с треском выбрался из зарослей.

Генерал выругался, когда увидел, что они угодили в ловушку. Он убеждал Беседующего уйти. Гилтас игнорировал его. Кони кочевников фыркали, перебирали копытами и били хвостами, но люди не двигались. «Чего они ждут?» — спросил он Вапу.

«*Ифран».*

«Чего?» — переспросил Хамарамис.

«Единственный момент времени, когда произойдет то, чему суждено сбыться. Вейядан — хозяйка *ифран*».

«Я попрошу переговоры», — сказал Гилтас, но Вапа покачал головой.

«Больше не будет разговоров».

В кхурском войске поднялся крик. Он начался негромко, затем нарастал и нарастал, пока не стало казаться, что кочевники могут отбросить эльфов одной силой своих объединенных голосов. Этот рев резко оборвался, и во внезапно наступившей звенящей тишине Гилтас услышал, как Вапа пробормотал, — «*Ифран*».

Мечи взметнулись вверх. Строй всадников ринулся вперед.

Хамарамис выстроил своих воинов в двойную шеренгу для защиты позиции Беседующего. В отчаянии, генерал умолял своего суверена уйти. Гилтас оторвал свой загипнотизированный взор от наступавшей орды и отошел на несколько метров под прикрытие можжевельника, но не дальше.

«Ни шагу назад», — сказал он. — «Здесь мы победим или умрем».

С усталой привычностью, эльфы выстроились встретить атаку всадников. Тесно растущие деревья образовывали естественную преграду, которая ослабит силу любой безудержной атаки. Проходы между деревьями быстро обросли копьями, шестами и сельскохозяйственными орудиями, когда эльфы заняли свои позиции.

Пока кочевники атаковали с фронта, несколько сотен, следовавших за эльфами на левом фланге, также атаковали колонну к югу от можжевельниковой рощицы. Беспорядочная вереница эльфов стала тоньше и разбилась, когда они снова поспешили построить защитные квадраты.

Вопящие кхурцы вломились в колонну, разрезая ее надвое. Большая часть, состоявшая из тысяч сбитых с толку и перепуганных гражданских, попятилась под натиском кочевников, ища лучшую оборонительную позицию.

Там, где стоял Гилтас, в роще можжевельника, был слышен лишь гром копыт, грудные крики кочевников и ответные крики эльфов. Из рощицы вылетели несколько стрел, но их было слишком мало. Кхурцы, не сбавляя хода, на полном скаку вломились в заросли можжевельника, теряя многих на частоколе острых наконечников, и еще больше от столкновений с искривленными крепкими деревьями. Кочевников было так много, что долгую орошенную кровью минуту казалось, что этот удар вынесет их сквозь рощицу, уничтожая находившихся внутри эльфов. Гилтас остался верен своей клятве. Он не отступил ни на шаг. Конь с всадником опрокинулись прямо перед ним и рухнули у его ног. Вапа пригнулся, но Беседующий с Солнцем и Звездами стоял твердо.

Когда стало ясно, что первоначальная атака не привела к уничтожению эльфов, кочевники отступили. Вдоль границы рощи можжевельника лежали тела кхурцев и эльфов. Вперемешку с ними лежали мертвые и умирающие кони.

В семидесяти метрах кочевники развернулись и с ревом ринулись обратно. Еще больше их проникло в рощицу, галопом проносясь среди перепуганных эльфов и рубя всех на своем пути. Воины Хамарамиса передвигались от точки к точке, используя весь свой опыт и силу в

каждом проблемном месте, пока вторгнувшиеся кхурцы не были мертвы или вытеснены.

«В следующий раз, когда они откатятся, мы контратакуем!» — сказал Хамарамис.

Но кочевники не отступили. Они продолжали сражаться. Сбитые с коней, или когда их кони падали под ними, они вставали и продолжали драться пешими. Их энергия и необычное упорство начали сказываться на смертельно уставших эльфах. Кхурцы проникали все глубже и глубже за деревья.

За рощицей основной отряд эльфов находился в бедственном положении, но поднимавшиеся на юго-западе свежие клубы пыли сообщили о прибытии Таранаса. Эльфийским воинам пришлось скакать вокруг вытянутого вади, чтобы присоединиться к своим товарищам. Кони запыхались. Тем не менее, кавалерия немедленно обрушилась на досаждавших колонне несколько сотен кочевников. В короткие сроки те были разбиты. Таранас немедленно поскакал на помощь находившимся в можжевельниковой рощице, но, к тому времени, крылья сил кочевников уже сомкнулись вокруг рощи. Таранас пытался пробиться вперед, но кхурцы упрямо отказывались отступать.

Вокруг Гилтаса кипел бой. По его лицу катился пот. Он одновременно мерз и потел. Это было лишь делом времени, когда кочевники сокрушат его обессиленных подданных. Его телохранители вступили в схватку. Хамарамис занял место в строю. Даже советники Беседующего дрались. Когда Вапа достал свое оружие, Гилтас спросил: «Ты будешь сражаться со своим собственным народом?»

«В пустыне нет дорог», — ответил мудрец клана Прыгающего Паука. — «Любой путь, который приводит тебя туда, куда ты направляешься, правильный». — Он протолкался за Хамарамиса, обмениваясь ударами с конным воином Тондун.

Гилтас уклонился от направленного в голову удара. Он почувствовал, как клинок кочевника запутался в свободном крае его *геба*. Меч рывком высвободился, и кхурец пал под ударами Хамарамиса и Вапы.

Новые и новые кочевники покидали свои позиции, чтобы присоединиться к бою за можжевельниковую рощу. Новые и новые падали, убитые или раненые слишком тяжело, чтобы продолжать сражаться. Адала бесстрастно наблюдала. — «Никакой передышки», — сказала она собравшимся вокруг нее военачальникам. — «Продолжайте, пока они не сломаются».

«А если они не сломаются?» — спросил Ялмук.

Она потерла сломанный лазуритовый кабошон, тот самый, что спас ее от стрелы *лэддэд*, как бы выжимая из него каждую каплю мощи. Она повязала кушак поверх своего черного вдовьего *геба* таким образом, чтобы сломанный кабошон был на виду, и мог служить символом ее *маиты*.

«Они сломаются. Я знаю».

Бой бушевал весь день. Солнце уже было низко на западе, когда Хамарамис получил оглушающий удар сбоку по шлему. Его меч отлетел, и старый генерал рухнул на колени. Двое кочевников пришпорили коней и ринулись на него. Гилтас был безоружен, но не мог просто стоять и смотреть, как убивают его старого товарища. Он схватил два тяжелых камня. Он швырнул один, попав в коня ближнего кочевника. Тот стал на дыбы, сбрасывая своего всадника. Прежде чем Гилтас смог бросить второй, что-то ударило его в спину, опрокидывая на землю.

Кочевники убили меня, подумал он, отчаянно пытаясь сделать вдох. — «Кериан», — смог выдавить он, хотя его никто не слышал.

Когда Беседующий упал, над головами возникли темные фигуры, появляясь из скрывавших заходящее солнце низких облаков. Никто из участников сражения не бросал взгляды на небо, но задние шеренги кочевников, направлявшиеся рысцой присоединиться к драке, внезапно обнаружили, что их коней охватило странное безумие. Животные упирались всеми четырьмя ногами и отказывались идти вперед. Никакие шпоры, хлысты или проклятия не могли заставить их двигаться. Это безумие распространилось и на коней в следующей волне. Они пятились и фыркали, обнажали свои желтые зубы и кусали друг друга и соседних всадников. Сотни людей, выучившихся верховой езде еще до того, как научились ходить, были сброшены на землю и затоптаны.

Причина этого безумия открылась, когда воздух прорезал высокий раздирающий уши визг. Грифоны в Кхуре были редкостью, но кочевники узнали пикировавших на них крылатых существ. Верхом на летающих зверях были размахивавшие копьями и луками воины *лэддэд*.

Кериан и Эльхана вели двадцать два грифона с высоты вниз. Они потеряли двоих, пересекая горы, когда эти грифоны влетели в облачные гряды, и так и не появились, и еще пятерых поглотила буря над Новым морем. Обветренные и в ссадинах от седел, оставшиеся всадники завершили свой суровый изумительный перелет.

Они низко проскользили над рядами кочевников, надеясь на врожденный страх коней, чтобы разрушить атаку. Это сработало. Пустынные пони запаниковали. Когда волна была нарушена, Кериан сказала Эльхане снять лук.

«Я направлюсь к деревьям!» — добавила Кериан. В можжевельниковой роще бушевал основной бой.

Гитантас, Самар и Портиос, и остальные небесные всадники пристроились за Чизой. Эльхана отклонилась далеко вбок, натянула тетиву и выстрелила. Кхурец в коричнево-голубом полосатом *гебе* Микку взмахнул руками и упал с коня.

Следуя примеру Эльханы, всадники на грифонах обрушили на кочевников дождь стрел. Промахнуться было трудно. Масса людей под ними была такой плотной, а их лошади такими неуправляемыми, что эльфам едва было необходимо целиться.

Довольно скоро оставшиеся кочевники выбрались из можжевельниковой рощи и понеслись галопом обратно к небольшой возвышенности, где находились Адала и военачальники.

Впавшие в панику кони не остановились там, а протопали мимо, едва не опрокинув Маленькую Колючку. Адала кричала на мужчин, но те не могли управлять своими животными. Последние из двадцати тысяч прогромыхали мимо, оставив ее в облаках удушливой пыли, окрашенной в красное быстро садившимся солнцем.

Воздух пришел в яростное движение, и пыль была унесена нисходящим потоком от бьющих крыльев. Казалось, материализовавшись из кроваво-красного воздуха, перед Адалой села причина катастрофического поражения кочевников. Она оглянулась и увидела, что к ней возвращаются военачальники и вожди. Они сдались пытаться вернуть своих животных, и спешили вперед пешком. Странно, но, казалось, грифоны никак не действовали на Маленькую Колючку. Она опустила голову и щипала куст лебеды. Одиночная фигура спустилась с одного из передовых грифонов и пешком приблизилась к ней.

Всадник грифона выглядел безоружным. Лицо под металлическим шлемом скрывала защищавшая от пыли ткань. Когда эту ткань стянули вниз, Адала потрясенно отпрянула.

«Какая магия принесла тебя ко мне живой?» — воскликнула она.

«Очевидно, магия бога», — ответила Львица.

Адала снова оглянулась через плечо. Основной отряд ее сил восстановил контроль над лошадьми и выстроился в нескольких сотнях метров позади них.

«Ты вернулась вовремя, чтобы погибнуть!» — сказала она.

«Я вернулась, чтобы отвести свой народ в Инас-Вакенти». — Кериан указала на всадников на грифонах у себя за спиной. Еще двое спешились, подошли и стали рядом с ней. Она представила их.

«Это — Эльхана Звездный Ветер, бывшая королева Сильванести. А это — Орексас предводитель эльфийской армии Запада».

Выражение лица Адалы приобрело жесткие черты. — «Неважно,*лэддэд*, кого ты привела против нас. Мы не уступим. Даже если это будет стоить жизни всем нам, мы все равно не уступим!»

«Видишь?» — сказала Портиосу Львица. — «Что ты можешь сделать с таким фанатиком? Доводы разума не работают. Страха нет. Меч — вот все, что она понимает».

«Мы должны пересечь реки крови, чтобы обрести мир?» — спросила Эльхана.

«Да!» — сказала Адала. Ее вожди и военачальники карабкались по сыпучему песку, чтобы стать по обеим сторонам Маленькой Колючки с обнаженными мечами. Адала добавила, — «Бой будет продолжен. С летающими зверями или без летающих зверей, вы не пройдете!»

«Я думаю иначе».

Портиос вышел вперед и обратился к Адале: «Когда-то я был как ты, гордый, дерзкий, уверенный в своей правоте. Я встречался лицом к лицу с врагами намного могущественнее вас без надежды на победу, потому что я знал, что в конце мне суждено победить».

«Каждый глупый воин в мире думает так же», — пренебрежительно сказала Адала, — «Я не воин. Я женщина, мать своего народа, и Те, Кто Наверху жаловали мне дар *маиты*. В какое сравнение может идти судьба одного *лэддэд* с жребием, обещанным мне богами?»

Она задавала схожий вопрос всем своим противникам. Люди присоединялись к ней или были поражены ее божественной *маитой*. Она доставила *лэддэд* ей в руки.

Портиос с минуту молчал, принимая решение, а затем сказал: «*Маита* означает ‘судьба, предписанная богами’, полагаю. Возможно, твои боги благосклонны к тебе». — Его руки опустились на талию, и он развязал свой рваный пояс. — «Или, может, тебе просто везло». — Он ослабил намотанную вокруг шеи серую ткань.

Кериан поняла, что он собирался сделать. Это было блестяще и ужасно, бесподобно храбро и крайне эгоистично. Впервые за их бесконечный тяжелый поход она восхищалась им.

Его хриплый голос продолжал, непреклонный, невозможный быть проигнорированным. — «Позволь, я расскажу тебе о судьбе, надменный ты варвар. Когда-то я правил величайшей, самой цивилизованной нацией в мире. Я был женат на королеве, столь же доброй, честной и отважной, сколь и прекрасной — а она была очень, очень красивой». — С губ Эльханы сорвался короткий всхлип, но Портиос безжалостно продолжал. — «У нас был ребенок, сын, рожденный править нашими объединенными народами. Он был красивым, умным и отважным, каким только может быть эльфийский принц».

Он стянул с шеи шарф. Плоть была пятнисто-красной и в рубцах, как кожа ящерицы. Вожди кхурцев забормотали. Адала несколько раз моргнула, но держалась стойко.

«Все это величие я потерял. Мой сын потратил свою жизнь на фальшивую любовь и злое дело. Моя жена так и не простила себя, или меня, за его смерть». — Он стянул капюшон.

«О, любовь моя, не надо», — судорожно прошептала Эльхана.

Его руки в перчатках на мгновение замерли, и он бросил взгляд на нее. — «Я должен, любимая. Это *маита*».

Он снова заговорил с Адалой. — «Ни один смертный не должен пережить то, что пережил я. Ты говоришь о своей божественной судьбе. Ты ничего не знаешь! Я *и есть* божественная судьба. Это все, что удерживает меня в мире живых, и я не отступлюсь».

Одним движением Портиос стянул тканевую маску. Кочевники и эльфы в ужасе отпрянули. Кериан однажды такое уже видела. Хотя она и отвернулась, эта картина все еще стояла у нее перед глазами. Это зрелище пылало в ее памяти. Лишь Эльхана не отшатнулась и не отвела взгляд. Она прямо глядела на то, что когда-то было лицом ее мужа, и не двигалась с места.

Пламя дракона сожгло плоть Портиоса до последнего слоя кожи. Огненно-красная, она покрывала лишенную ушей, носа и губ голову, веки практически исчезли. Словно насмешливым напоминанием о том, что исчезло, на нижней половине его черепа осталась прядь длинных волос, но она была тусклой, пепельно-серой. Его лицо представляло собой череп, покрытый малиновыми мышцами и изрезанный паутиной твердых белых рубцов.

Он повернул голову к потрясенным военачальникам, и некоторые из них опустились на колени. — «Мы *войдем* в эту долину, и вы больше ничего не сделаете, чтобы остановить нас. Ступайте!»

Стоявший перед ними призрак сам по себе был довольно ужасен; услышать, как он говорит, было последней каплей. Вожди и военачальники бежали. Даже сила духа Адалы не устояла перед этим зрелищем. Она не бежала, но подняла на глаза защитную вуаль.

«Мерзость», — с трудом выдавила она. — «Ты не должен существовать!»

Рот без губ растянулся в жуткой пародии на улыбку. — «Согласен. Но я здесь. Ты действительно хочешь сравнить свою судьбу с моей?»

Он шагнул вперед и хлопнул ослицу по боку. Стоявшая перед стеной эльфов и грифонов ослица фыркнула и медленной рысью направилась обратно в сторону людей и коней, которых знала. Адала ухватилась за поводья и жесткую гриву, чтобы не свалиться. Она не пыталась остановить животное.

Портиос не мог двинуться. Он явил миру свой стыд, и не мог повернуться, чтобы увидеть ужас в глазах стоявших позади него, особенно в одной паре фиалковых глаз. Сбоку появилась сжимавшая его маску рука. Он повернулся и увидел стоявшую рядом Эльхану. Ее глаза были наполнены слезами, но на ее лице не было отвращения, даже жалости, лишь любовь. Он надел маску, поднял капюшон и начал снова наматывать длинную ткань вокруг шеи.

«Пусть все пошевеливаются», — сказал он. — «Если у людей будет слишком много времени на раздумья, они могут попытаться снова начать бой».

Кериан взобралась на Чизу. Она ожидала, что Эльхана последует за ней, но бывшая королева осталась со своим мужем. Портиос велел Самару отправляться без него.

«Вы остаетесь здесь?» — спросила Кериан.

«Что такое несколько тысяч людей для того, кого омыло дыхание дракона?»

Львица отсалютовала. Она не часто делала этот жест. У нее было врожденное

недоверие диковатого эльфа к власти, но в данный момент и в этом месте, салют был уместен.

Портиос вернул жест, а затем Эльхана соединила свою руку с его.

* * *

Гилтас проснулся. Открылся лишь один глаз. Он поднял руку и нащупал толстую повязку поперек лба.

Он лежал в носилках, и его несли. Наступила ночь, и вокруг него слышались голоса и шаги его подданных.

Должно быть, он вслух произнес свои спутанные мысли, потому что эльф, державший задние ручки носилок, сказал: «Нет, сир. Определенно, вы не мертвы».

«Гитантас! Когда ты?..»

«Я выполнил ваш приказ, Великий Беседующий», — сказал молодой капитан. Он кивнул на эльфа, державшего передние ручки. Гилтас напрягся, чтобы посмотреть своим здоровым глазом.

«Выглядишь, как собачий обед», — сказала ему Кериансерай. Ее голос дрогнул, выдав ее настоящие чувства, несмотря на грубое людское выражение. — «Почему ты торчал посреди бушующей битвы без оружия и доспехов?»

Он глазам своим не мог поверить. Ее присутствие было чудом, таким, каким боги могли наградить давнего героя. Он помнил, как упал во время сражения, но из-за путаницы в голове кое-что другое казалось более важным.

«Твои волосы!»

Она пожала плечами. — «Это долгая история».

Они рассказали ему обо всем, от прыжка Кериан в Налис Арен и участия в восстании до прибытия в Квалинести Гитантаса и захвата золотистых грифонов. Гилтас счел это не поддающимся пониманию. Тем не менее, описывавшие круги над головами, присматривая за массой беженцев под ними, грифоны были, несомненно, реальными.

«Где мы?» — спросил он.

«Инас-Вакенти. Где же еще?»

Он, превозмогая боль, приподнялся на локте. Это была правда. Их с трех сторон окружали горы. Гилтас сделал глубокий вдох, наполняя больные легкие приятным воздухом. Они сделали это. Они были здесь.

Он снова лег. — «Я рад, что ты вернулась».

Она размышляла, как лучше ему ответить. — «Я тоже рада», — наконец, сказала Кериан. — «Скоро мы будем у реки. По ней проходит граница самой долины, и странных вещей, происходящих внутри ее».

Он больше не задал вопросов. Беседующий с Солнцем и Звездами погрузился, больной но довольный, в сон.

* * *

Робин втянул носом воздух. — «Они идут», — сказал он.

«Да помогут нам всем боги», — пробормотал Фаваронас.

* * *

У входа в Алия-Алаш на Маленькой Колючке сидела Адала. Она отослала прочь своих преданных сторонников и в одиночестве находилась у порога священной земли, размышляя над смыслом судьбы.

Появились лошадь и всадник, мерцая в утреннем мираже. Все *лэддэд* прошли здесь прошлой ночью. Кто же это возвращался?

Наконец, всадник принял вид ее кузена, Вапы. Лицо Адалы исказилось в свирепой гримасе.

«Изменник! Ты предал свой народ!»

Он натянул поводья и остановил коня возле Маленькой Колючки. — «Я предал тебя, кузина. Ты — не Кхур».

Сказав это, он ускакал обратно в священную долину. Адала слушала, пока вздохи ветра не заглушили стук копыт его коня. Она уставилась в землю, пытаясь понять, что хотят от нее Те, Кто Наверху. Чужеземные убийцы были в долине. Что ей теперь делать?

В нескольких метрах от левого переднего копыта Маленькой Колючки лежал камень необычной формы. Он был обычной структуры, но прямоугольный, с острыми углами, словно обработанный рукой каменщика. Адала соскользнула с осла, идея обрела форму у нее в голове.

Этот камень был метр в длину и полметра в ширину, и она едва смогла сдвинуть его с места, но, наконец, передвинула его поперек входа в долину. Это было идеально. Понадобится больше, конечно же, гораздо больше. Тем не менее, начало было положено.

Перед объединенными племенами Кхура стояла новая задача.

Больше книг на сайте — Knigolub.net